

272.53.27.5

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1868

1 April, 1902.

Семеновъ, П.
П. СЕМЕНОВЪ.

ТУЗЕМЦЫ СЪВЕРО-ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

(Разказы, очерки, изслѣдованія, замѣтки о чеченцахъ,
кумыкахъ и ногайцахъ и образцы поэзіи этихъ народцевъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Хомскаго и К°. Литейный пр., № 48.
1895.

27253.27.5

Pierce fund.

Авторъ осчастливленъ возможностью заявить съ благоговѣйною признательностью, что настоящій трудъ его могъ явиться въ отдѣльномъ изданіи только вслѣдствіе Всемилостивѣйшаго пожалованія ему на этотъ предметъ пособія Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, соизволившимъ ознакомиться предварительно съ помѣщеннымъ здѣсь, на слѣдующемъ листѣ, отзывомъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

если кто ранить другого и, по мнѣнію лѣкаря, рана опасна, то штрафа 25 руб., если же рана не опасна, то штрафа—5 руб.; если въ тяжбѣ двухъ человѣкъ свидѣтель покажетъ ложь и эта ложь будетъ доказана, то съ такого человѣка штрафъ—50 руб.; если кто украдетъ въ полѣ сѣно, плоды или хлѣбъ, то съ него въ штрафъ стоимость украденнаго и пр. Въ другомъ документѣ, подписанномъ маіоромъ кн. Казаналиповымъ (вѣроятно, тоже былъ участковымъ начальникомъ), говорится: „Если кто ранить другого, то съ него взыскивать въ штрафъ—25 руб. (подраздѣленія ранъ на опасныя и не опасныя уже не дѣлается) и представлять его начальству; если кто *захочетъ* жениться насильственно, безъ согласія родителей или родственниковъ, то взыскивать съ него 30 руб.; за воровство на сумму менѣе 25 руб. (кн. Хамзаевъ беретъ за норму 30 руб.) взыскивать съ вора въ штрафъ 25 руб., если же украдено на сумму свыше 25 руб., то представлять вора начальству (о штрафѣ уже не упоминается); если кто совершитъ убійство, то конфисковать все его имѣніе (т. е. штрафовать въ неограниченномъ размѣрѣ) и въ случаѣ совершенія имъ самимъ побѣга розыскивать и представлять его начальству“ и проч. Изъ другихъ документовъ не буду дѣлать выписокъ, чтобы не утомить читателя. Оба документа были отвѣтами на требованіе окружнаго начальника кн. Святополкъ-Мирскаго доставить ему соображенія о размѣрѣ штрафовъ за разнаго рода проступки и преступленія. Въ дѣлѣ, заключающемъ въ себѣ эти документы, не оказалось окончательныхъ распоряженій по поднятому вопросу, поэтому я лишь возможности указать, въ какой мѣрѣ нормы дѣйствительно налагавшихся штрафовъ соотвѣтство-

вали приведеннымъ проектнымъ нормамъ. Но и фактомъ существованія проектовъ вполне подтверждается высказанная выше мысль о произвольности карательныхъ мѣръ въ видѣ штрафовъ и отсутствіи всякой логической связи между ними и народными обычаями. Рядомъ со штрафами примѣнялись и кары уголовного характера, по личному усмотрѣнію властей. Потому наказанія по усмотрѣнію были замѣнены наказаніями по общимъ законамъ имперіи. И все это дѣлалось не независимо отъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, а въ насильственной спайкѣ съ ними. Самые суды, на которые возлагалось примѣненіе различныхъ мѣропріятій, оставались обычными: въ нихъ засѣдали представители отъ народа, и судопроизводство велось съ возможнымъ соблюденіемъ обычныхъ приемовъ. Разумѣется, что при такомъ ходѣ дѣла обычай въ концѣ концовъ должны были оказаться сильно измѣненными подъ давленіемъ тенденцій, не имѣющихъ съ ними ничего общаго.

Такимъ образомъ мы вправѣ сказать, что современные народные и преимущественно юридическіе обычаи кумыковъ заключаютъ въ себѣ правовыя нормы, родившіяся въ нѣдрахъ первобытнаго общества въ пору существованія его въ условіяхъ агнатическихъ союзовъ, получившія потомъ дальнѣйшее развитіе въ періодъ сліянія этихъ союзовъ въ общій племенный союзъ и подвергшіяся затѣмъ отчасти измѣненію, а главнымъ образомъ сліянію съ тремя чуждыми имъ правовыми нормами: установленными шаріатомъ, принесенными съ собою или созданными на мѣстѣ феодальною аристократіею и, наконецъ, привитыми нами, конечно, въ заботахъ объ общественномъ спокойствіи и народномъ благѣ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Юридическіе обычаи по дѣламъ кровомщенія *).

ГЛАВА I.

Кровомщеніе по дѣламъ смертоубійства.

1) Кто убилъ другого, тотъ обязанъ примириться съ родственниками убитого подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть безнаказанно убитымъ послѣдними. Та-же обязанность примириться съ родственниками убитого лежитъ и на родственникахъ убійцы по мужской линіи, иначе они могутъ подвергнуться участи самага убійцы **).

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ различіе между прежнимъ и современнымъ обычаями, въ настоящемъ очеркѣ оба обычая приводятся въ одной и той-же статьѣ съ пометками:

„Пр. об.“ (Прежній обычай) и „Совр. об.“ (Современный обычай).

**) Сила этого основного обычая въ старое время не распространялась лишь на два верхнихъ сословія кумыцкаго народа—князей и узденей и отчасти на самое низшее сословіе — рабовъ или холоповъ (*кули*). Объ исключеніяхъ, относящихся до холоповъ, говорится въ текстѣ очерка. Что-же касается исключеній, касающихся князей и узденей, то они заключаются въ слѣдующемъ: 1) князь, убившій простолюдина или холопа, не дѣлался кровникомъ родственниковъ убитого и поэтому послѣдніе не имѣли права мстить ему, какъ всякому другому. Выдавъ этимъ родственникамъ нѣкоторое матеріальное вознагражденіе и сверхъ того сдѣлавъ пожертвованіе на богоугодныя дѣла, онъ такимъ образомъ избавлялся навсегда отъ всякихъ расчетовъ за пролитую кровь; 2) если князь убивалъ своего узденя, онъ расплачивался за кровь пожалованіемъ его наследникамъ земли или другихъ предметовъ значительной стоимости, если-же отъ его руки падалъ *чужой* уздень, т. е. уздень, находившійся подъ покровительствомъ другого кумыцкаго князя, то обязанность его ограничивалась выставленіемъ за себя въ кровники кого либо изъ своихъ узденей, при чемъ онъ всѣми мѣрами, конечно, способствовалъ скорѣйшему примиренію условныхъ кровниковъ, и 3) уздень, убившій своего холопа, а также зависимаго отъ него (жившаго на его землѣ) простолюдина, также

2) Между убійцею и родственниками убитого съ момента убійства до момента примиренія за кровь устанавливаются особыя отношенія, называемыя кровными. Самъ убійца весь этотъ промежутокъ времени носитъ названіе *канлы*, что значить кровникъ.

3) (Пр. об.) Такъ какъ убійство беременной женщины считается двойнымъ убійствомъ, то въ случаѣ совершенія кѣмъ либо такого убійства родственники убитой женщины вправѣ объявить своимъ *канлы* кромѣ самаго убійцы еще одного изъ его ближайшихъ родственниковъ.

(Совр. об. не существуетъ).

4) Если убійство произойдетъ въ ссорѣ и дракѣ между собою нѣсколькихъ лицъ, то *канлы* дѣлается только тотъ, кѣмъ нанесена смертельная рана. Что касается остальныхъ участниковъ драки, то на нихъ положеніе *канлы* не распространяется. Однако, если кто либо изъ нихъ нанесъ убитому рану, хотя и не смертельную, то онъ обязанъ оказать родственникамъ жертвы *честь*, стараясь до исполненія обряда чести (ст. 50) не встрѣчаться съ ними въ продолженіи одного года.

5) Если кто-либо сгоритъ во время пожара или умретъ послѣ отъ полученныхъ на пожарѣ обжоговъ, то виновнымъ въ его смерти (*канлы*) признается тотъ, по чьей винѣ произошелъ пожаръ.

не выходилъ въ кровники, а дѣлалъ вознагражденіе родственникамъ убитого и вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ пожертвованіе на благотворительныя дѣла.

Приведенныя исключенія, стоящія въ противорѣчій съ основнымъ обычаемъ кровомщенія, могли держаться лишь до тѣхъ поръ, пока общественная власть сосредоточивалась въ рукахъ самихъ князей ихъ вассаловъ—узденей. Но какъ только эти сословія перестали быть правящимъ классомъ, исключенія мало по малу стали утрачивать свое серьезное значеніе и въ настоящее время отошли въ область историческихъ воспоминаній.

6) Малолѣтній убійца признается *канлы* такъ-же, какъ и совершеннолѣтній. Но если малолѣтній убійца скрывается, то его не должно преслѣдовать до достиженія имъ пятнадцати-лѣтняго возраста; впрочемъ, убійство его и раньше этого срока не составляетъ нарушенія обычая кровомщенія, это—только неприлично.

7) Если убійство совершено женщиной, то родственники убитаго могутъ признать своимъ *канлы* или убійцу—женщину или ея мужа, отца, родного брата или сына.

См. прим. къ ст. 11.

8) Если убійца—полоумный или сумасшедшій, то *канлы* становится его ближайшій родственникъ.

Примѣчаніе. Постановленіе это не распространяется на сумасшедшихъ, впавшихъ въ это состояніе послѣ совершенія убійства: такіе сумасшедшіе сами отвѣчаютъ за себя.

9) (Пр. об.). Если убійца холопъ, то *канлы* становится не убійца—холопъ, а его владѣлецъ.

(Совр. об.). Не существуетъ за полнымъ уничтоженіемъ состоянія холопства.

10) Если чья-либо лошадь, или собака, или другое домашнее животное укушеніемъ, ударомъ или инымъ образомъ причинитъ кому-либо смерть, то хозяинъ животнаго можетъ быть признанъ *канлы* въ двухъ случаяхъ: а) когда животное было завѣдомо злонравное и причинило смерть *внѣ двора* своего хозяина и б) когда такое-же злонравное животное причинило смерть, хотя и *во дворѣ* своего хозяина, но лицу зазванному къ себѣ хозяиномъ хитростью или обманомъ.

11) Если *канлы* до примиренія съ родственниками убитаго умереть естественною смертью или будетъ

убить постороннимъ челоуѣкомъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти въ порядкѣ старшинства рожденія, а когда онъ дѣтей не имѣетъ, то отецъ и братья его, изъ которыхъ въ *канлы* выбирается ктонибудь одинъ, по усмотрѣнiю семейства убитаго.

Когда-же у умершаго убійцы нѣтъ ни дѣтей, ни отца, ни родныхъ братьевъ, тогда *канлы* дѣлается тотъ, кому принадлежитъ право ближайшаго наслѣдованiя послѣ него, а при существованiи нѣсколькихъ такихъ наслѣдниковъ, одинъ изъ нихъ, по выбору родственниковъ убитаго.

Примѣчанiе. О выборѣ въ *канлы* того или другого изъ равноправныхъ наслѣдниковъ умершаго семейства убитаго извѣщаетъ семейство убійцы черезъ довѣренныхъ лицъ. Тотъ-же порядокъ соблюдается при выборѣ въ *канлы* между отцомъ и родными братьями убійцы.

12) Право и обязанность мщенiя за убійство принадлежитъ сначала ближайшимъ родственникамъ убитаго по мужской линiи, каковыми считаются: отецъ, родные братья, дяди, двоюродные братья и племянники, а послѣ нихъ—болѣе дальнимъ родственникомъ, но также по мужской линiи.

13) При жизни ближайшихъ родственниковъ убитаго дальнiе родственники его со стороны отца могутъ воспользоваться своимъ правомъ отомщенiя *канлы* въ томъ лишь случаѣ, если послѣднiй встрѣтится съ ними въ такомъ мѣстѣ, которое находится на значительномъ разстоянiи отъ мѣста нахождения ближайшихъ родственниковъ.

14) (Пр. об.). Родственники убитаго, имѣющiе право на отомщенiе убійцѣ, могутъ, если желаютъ, осуществить свое право черезъ наемнаго убійцу и

последній въ такомъ случаѣ не становится *канлы* семейства отомщеннаго убійцы.

(Совр. об. не существуетъ).

15) Такъ какъ право отмщенія *канлы* принадлежитъ только родственникамъ убитаго съ отцовской стороны, то убійство *канлы* родственниками жертвы убійства съ материнской стороны не признается отомщеніемъ за кровь и поэтому не измѣняетъ отношеній между первыми родственниками убитаго и убійцею. Въ силу этого, какъ само собою разумѣется, убійца *канлы* въ подобномъ случаѣ самъ становится *канлы* семейства его жертвы. Впрочемъ, обычаемъ не только не возбраняется, но признается умѣстнымъ установленіе соглашенія между заинтересованными сторонами на условіи зачета крови за кровь.

16) Право отомщенія *канлы* принадлежитъ также и тому родственнику убитаго, который сдѣлался таковымъ по дѣлу крови и называется поэтому *канъ-кардашъ*, ибо такой родственникъ признается равноправнымъ съ ближайшими родственниками со стороны отца *).

17) Когда изъ двухъ дорожныхъ товарищей одинъ будетъ кѣмъ либо убитъ, то другой товарищъ имѣетъ право отомстить убійцѣ, какъ своему *канлы*, ибо дорожный товарищъ тоже, что родственникъ съ отцовской стороны. Однако право это ограничивается днемъ совершенія убійства. Преслѣдовать убійцу

*) Убійца, примирившійся съ родственниками убитаго съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ примиренія, становится для послѣднихъ замѣстителемъ жертвы совершеннаго имъ убійства: для родителей убитаго онъ съ момента полного примиренія—сынъ, для братьевъ его—братъ и т. д. Онъ то и называется *канъ-кардашъ*, т. е. родственникъ по крови, и ему въ семьѣ принадлежатъ права и обязанности лица, которое онъ замѣстилъ собою.

по минованіи этого дня дорожный товарищ не вправѣ.

Отомстившій убійцѣ дорожный товарищ признается ближайшимъ родственникомъ отомщеннаго по отповской линіи.

18) За убійство однимъ членомъ семейства другого члена того-же семейства возмездіе ограничивается лишеніемъ убійцы права на наслѣдство послѣ убитаго.

19) Тотъ, кто совершилъ убійство, долженъ, во избѣжаніе немедленнаго отомщенія, поспѣшить скрыться изъ селенія, гдѣ убійство совершилось или гдѣ живутъ родственники убитаго, и не появляться въ это селеніе до тѣхъ поръ, пока между нимъ и послѣдними не состоится примиренія. Родственники убійцы тоже должны скрыться до примиренія съ родственниками жертвы убійства, ибо, пока примиреніе не состоялось, они также находятся въ положеніи *канлы*.

20) Но если кто убьетъ человѣка, обезчестившаго его невѣсту, или жену, или не замужнюю сестру, либо дочь, то въ случаѣ совершенія имъ убійства до истеченія шести—мѣсячнаго срока со дня нанесенія безчестія онъ не дѣлается *канлы* родственниковъ убитаго, и послѣдніе могутъ лишь потребовать отъ него устройства примирительныхъ свиданія и угощенія (т. е. сдѣлать имъ честь).

Примѣчаніе. Для мужа, жена котораго обезчещена послѣ увода ея изъ дома, срокъ безнаказаннаго отомщенія своему оскорбителю продолжается годъ.

21) Актъ примиренія *родственниковъ канлы* съ родственниками его жертвы совершается нижеуказаннымъ образомъ.

22) Родственники убійцы, скрывшись послѣ момента убійства у кого либо изъ именитыхъ и вліятельныхъ лицъ селенія и переждавъ нѣсколько дней, необходимыхъ для отдачи послѣдняго долга умершему, посылаютъ затѣмъ къ оскорбленнымъ убійствомъ депутацію, состоящую изъ одного или нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и возможно большаго числа именитыхъ жителей, съ просьбою разрѣшить имъ явиться съ повинною головою.

Примѣчаніе. Въ прежнее время убійцы и ихъ родственники укрывались обыкновенно въ домахъ князей, такъ какъ эти дома, независимо отъ матеріальной силы ихъ владѣльцевъ, гарантировались отъ вторженія въ нихъ мстителя за убійство обычаемъ совершенной неприкосновенности жилища князей. Въ настоящее время укрываются и у князей и у простыхъ жителей, пользующихся уваженіемъ въ народѣ и принадлежащихъ къ большимъ фамиліямъ.

23) Депутація, явившись къ родственникамъ убитаго, почтительно сообщаетъ имъ о цѣли своего прихода, выражая надежду, что тѣ, къ кому они пришли, не откажутся поступить со своими обидчиками согласно съ существующими искони обычаями.

Примѣчаніе. Находящееся во главѣ депутаціи духовное лицо произноситъ обыкновенно приличную случаю рѣчь (высказывается сожалѣніе о случившемся несчастіи, напоминаетъ, что подобныя несчастія бывали прежде, будутъ, вѣроятно, и послѣ, и тотъ, надъ чьей головой они раздражаются, не долженъ до такой степени ожесточаться, чтобы забывать завѣты мудрыхъ предковъ о примиреніи и прощеніи; говорится, что лучшее украшеніе доблестныхъ воиновъ—великодушіе; выставляется на видъ, что скончавшагося не вернешь къ жизни, и проч.), заканчивая ее выраженіемъ надежды, что оскорбленные, какъ люди благоумные, сумѣютъ подчинить свои чувства разсудку.

24) Люди неблагоразумные могутъ отказать депутаціи въ ея просьбѣ, и тогда ищущіе примиренія чрезъ нѣкоторое время посылаютъ другую депутацію; но люди разумные и справедливые, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ колебаній, изъявляютъ готовность принять просьбу о прощеніи, и депутація объявляетъ объ этомъ родственникамъ *канлы*.

25) Эти послѣдніе, извѣщенные о снисходительномъ принятіи кровниками ихъ просьбы, спѣшатъ явиться къ нимъ въ домъ въ сопровожденіи значительнаго числа именитыхъ жителей и, повидавшись съ ними, въ знакъ искренней пріязни передаютъ имъ установленные обычаемъ подарки (*алымъ*).

26) Отъ семейства убійцы передается одна штука рогатаго скота на зарѣзъ или 13 рублей денегъ и шелковой матеріи (*зарбаба*) два аршина; отъ братьевъ убійцы, живущихъ отдѣльно, передается отъ cadaго по 5 рублей; отъ cadaго дяди съ отцовской стороны передается по 3 рубля; отъ двоюродныхъ братьевъ, а также отъ внуковъ и племянниковъ передается отъ cadaго по 1 рублю и отъ родственниковъ въ дальнѣйшихъ степеняхъ родства по мужской линіи—по 50 и 25 коп.

Примѣчаніе 1-е. Въ случаѣ признанія родственниками убитаго, что послѣдній былъ самъ виноватъ въ постигшей его участи, примиреніе между этими родственниками и родственниками *канлы* можетъ состояться еще до преданія землѣ тѣла убитаго и тогда семейство *канлы* участвуетъ въ обрядѣ оплакиванія умершаго (*тазіятъ*).

Примѣчаніе 2-е. Послѣ примиренія семейства *канлы* съ семействомъ его жертвы, въ видахъ оказанія чести послѣднему семейству, совершается иногда слѣдующій обрядъ. Всѣ женщины, принадлежащія къ дому убійцы, приходятъ

въ домъ убитаго и здѣсь произносятъ энергическія проклятія убійцѣ.

27) Исполненіемъ изложеннаго въ ст. 19—22 и 26 оканчивается актъ примиренія *родственниковъ канлы* съ родственниками убитаго.

28) Убійца (канлы) съ момента убійства до момента примиренія съ родственниками его жертвы не долженъ ни брить, ни стричь волосъ на головѣ—въ знакъ скорби и раскаянія.

29) Убійца чрезъ примирившихся родственниковъ своихъ и почетныхъ и вліятельныхъ жителей ходатайствуетъ у родственниковъ убитаго о позволеніи ему явиться къ нимъ для принесенія раскаянія и испрошенія прошенія.

30) Когда родственниками убитаго изъявлено согласіе принять отъ *канлы* просьбу о прошеніи, послѣдній отправляется въ домъ ихъ. Ему предшествуютъ почетные люди селенія, а также именитые люди, приглашенные изъ другихъ селеній *), и вмѣстѣ съ ними духовныя лица.

Примѣчаніе. Въ прежнее время передъ убійцею вели осѣдланнаго коня, на которомъ лежали панцырь и крымская винтовка. Конь и доспѣхи предназначались въ даръ семейству убитаго. Нынѣ исполненіе этого обычая не обязательно, но взамѣнъ того между примиряющимися чрезъ третьихъ лицъ устанавливается не рѣдко соглашеніе объ уплатѣ пострадавшему семейству извѣстной денежной суммы. Тогда-же признавалось обязательнымъ участіе въ депутаціи мѣстнаго князя.

31) Сзади другихъ идетъ убійца; онъ безъ пахаи и безъ оружія; его ведетъ за руку мулла. Ря-

*) Еще въ шестидесятыхъ годахъ въ этихъ депутаціяхъ весьма нерѣдко участвовали и наши пристава, по тогдашнему *намы*, въ особенности въ Чечнѣ.

домъ съ убійцею идутъ его родственники, безъ оружія и съ обнаженными головами.

32) По вступленіи процессіи въ домъ оскорбленныхъ мулла читаетъ молитву, произноситъ приличную случаю рѣчь и за тѣмъ подводитъ убійцу къ матери убитаго. Стоя на колѣняхъ, убійца кланяется матери своей жертвы, моля ее о прошеніи и принятіи его своимъ сыномъ на мѣсто скончавшагося. Вслѣдъ за убійцею глубокіе поклоны матери убитаго дѣлаются и всѣми родственниками убійцы. Послѣ матери та-же честь оказывается отцу, братьямъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ убитаго.

33) Въ то же время родственникамъ убитаго передается отъ имени убійцы: всему семейству — одна штука рогатаго скота и за тѣмъ въ частности: матери—ситцу на платьѣ и коленкору на рубаху, сестрамъ—ситцу на платьѣ *).

Примѣчаніе. Не обязательно для убійцы платить что-либо деньгами. Но при существованіи особаго договора объ условіяхъ примиренія (о чемъ сказано выше), въ такой договоръ вносится обыкновенно плата за кровь въ размѣрѣ ста рублей.

34) По исполненіи вышеизложеннаго убійца и его родственники приглашаютъ родственниковъ убитаго къ себѣ въ домъ для принятія угощенія. Еслибы послѣдніе отказались идти въ домъ *канлы*, то угощеніе должно быть устроено въ ихъ собственномъ домѣ.

*) Если бываетъ возможно, то убійца, послѣ принятія отъ него подарковъ, тотчасъ отправляется въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и муллы на могилу своей жертвы и вмѣстѣ съ муллою умоляетъ покойнаго простить его. Иногда мольба къ покойному обращается еще до испрошенія прощенія.

Принимая угощеніе, въ своемъ-ли домѣ или въ домѣ своего *канлы*, родственники убитаго могутъ пригласить на него, кого хотятъ.

35) Убийца угощаетъ своихъ примирившихся кровниковъ съ обнаженной головой. По окончаніи угощенія кровники приглашаютъ когонибудь изъ присутствующихъ обрить ему часть головы—и этимъ заключается актъ примиренія по дѣлу убійства.

36) Между родственниками убитаго и убійцею послѣ примиренія образуется родство, называемое кровнымъ (*канъ-кардашъ*), т. е. вытекающимъ изъ дѣла крови. Родство это считается равнымъ ближайшему по отцу.

37) (Пр. об.). Когда убійца не извѣстенъ, родственники убитаго, заподозривъ кого либо въ совершеніи этого убійства, могутъ послать къ нему требованіе явиться къ нимъ. Неисполненіе этого требованія тѣмъ, къ кому оно обращено, даетъ родственникамъ убитаго право признать въ немъ своего *канлы*.

Примѣчаніе. Явка заподозрѣннаго, по переданному ему требованію, признается доказательствомъ его невинности и онъ принимается и отпускается, какъ другъ. Бывали впрочемъ случаи, когда подобная довѣрчивость имѣла для заподозрѣннаго другой исходъ: ожесточенные мстители за убійство убивали его, какъ только онъ показывался имъ на глаза, вопреки обычаю, который подобное поведеніе признаетъ предосудительнымъ *).

*) Лѣтъ двадцать пять тому назадъ на Кумыцкой плоскости былъ такой случай. Родственники убитаго заподозрили одного кумыка изъ хорошаго семейства въ совершеніи убійства и потребовали его явки къ себѣ въ домъ. Заподозрѣнный, будучи невиненъ, подчинился требованію и явился въ домъ пострадавшихъ, согласно обычаю, безъ оружія. Тѣ не убили его, но подвергли цѣлому ряду оскорбительныхъ издѣвательствъ: заставляли его многократно клясться въ своей невинности, обнажали передъ его глазами холодное оружіе, выказывая намѣреніе зарѣзать его, производили выстрѣлы около него и проч. Промучивъ такимъ образомъ свою жертву

(Совр. об. не существуетъ).

38) (Пр. об.). Заподозрѣнное въ убійствѣ лицо должно очиститься отъ подозрѣнія присягою, принятою съ 40 *тусевами* *).

(Совр. об.). Тотъ-же, но число *тусевоовъ* (присяжниковъ) уменьшено до 12 **).

39) За кого тусевы приняли очистительную присягу, тотъ признается не виновнымъ въ совершении даннаго убійства. Тотъ-же, за кого тусевы отказались принять присягу, становится *канлы* родственниковъ убитаго.

40) Если встрѣчается надобность установить какія либо обстоятельства даннаго убійства, напр., опредѣлить, какая изъ нѣсколькихъ, нанесенныхъ убитому, рана была смертельная или была-ли убитая женщина беременна и т. п., то это исполняется чрезъ свидѣтелей происшествія и свѣдущихъ людей (экспертовъ), подтверждающихъ свои заявленія подъ присягою.

Примѣчаніе. Въ необходимыхъ случаяхъ въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть допрашиваемы подъ присягою и женщины. Въ старое время свидѣтельство женщины подъ присягою вовсе не допускалось, потомъ оно стало допускаться, но на томъ условіи, что свидѣтельство двухъ женщинъ признавалось равнымъ свидѣтельству одного мужчины. Современный обычай признаетъ присяжное свидѣтельство женщины равносильнымъ такому же свидѣтельству мужчины.

нѣсколько часовъ, они отпустили ее наконецъ домой. Кумыкъ ушелъ, а потомъ, при первой встрѣчѣ съ однимъ изъ своихъ мучителей, всадилъ ему пулю въ грудь, произнеся при этомъ: „Теперь мы квиты, такъ какъ вы уже получили отъ меня плату за кровь“.

*) *О тусевахъ* см. очеркъ III, гл. IV.

**) Сокращеніе числа тусевоовъ послѣдовало въ тридцатыхъ годахъ, въ бытность главнымъ кумыцкимъ приставомъ князя Мусы Уцмиева.

ГЛАВА II.

Кровомщеніе по дѣламъ пораненія и увѣчья.

41) Кто не убьетъ, а только поранить другого, тотъ, не становясь кровникомъ (канлы), обязанъ однако скрыться отъ раненаго и его родственниковъ, такъ какъ, при неизвѣстности относительно исхода раны, они могутъ поступить съ нимъ, какъ съ кровникомъ. Родственникамъ поранителя также необходимо скрыться на первое время, оказавъ этимъ уваженіе потерпѣвшимъ.

Примѣчаніе 1-е. Само собою разумѣется, что смертельный исходъ пораненія создастъ между поранителемъ и родственниками умершаго отъ раны отношенія полныхъ кровниковъ, описанныя выше, въ 1-й главѣ.

Примѣчаніе 2-е. Въ настоящее время поранитель берется, обыкновенно, по распоряженію властей, подъ стражу и этимъ устраняется для него необходимость скрываться.

42) Вмѣстѣ съ тѣмъ поранитель обязанъ принять мѣры къ удовлетворенію раненаго, заключающіяся въ слѣдующемъ: 1) онъ долженъ отправить къ раненому депутацію съ просьбою о примиреніи и вмѣстѣ съ тѣмъ нанять лѣкаря для излѣченія его, съ принятіемъ на себя всѣхъ расходовъ по лѣченію, 2) долженъ озаботиться устроить свиданіе съ нимъ и его родственниками и 3) долженъ совершить обрядъ оказанія чести ему и родственникамъ его. Сверхъ того, если пораненіемъ причинено увѣчье, то поранитель обязанъ вознаградить за него по указанію обычая.

43) Когда чья-либо собака или чье-либо другое домашнее животное укуситъ или инымъ образомъ при-

чинить кому-нибудь рану, то хотя хозяинъ собаки или другого домашняго животнаго и признается отвѣтственнымъ за пораненіе, однако отвѣтственность эта ограничивается для него обязанностью излѣчить на свой счетъ раненаго, не дѣлая ему никакого другого удовлетворенія.

44) Если въ дракѣ двухъ партій между собою, въ одной окажется раненый, а въ другой убитый, то родственники убитаго не обязаны дѣлать удовлетворенія раненому, хотя-бы послѣдній и не участвовалъ въ совершеніи убійства. Однако, какъ скоро эти родственники нашли убійцу и отомстили ему, на нихъ вновь падаетъ обязанность вознаградить раненаго за лѣченіе и увѣчье.

45) Посылка депутаціи съ просьбою о примиреніи и дѣйствія депутаціи въ домѣ потерпѣвшаго совершаются въ порядкѣ, изложенномъ въ ст. 22 и 23.

Примѣчаніе. Просьба о примиреніи обращается къ самому раненому, но если онъ, по случаю пораненія, находится въ безпамятствѣ, то къ его ближайшимъ родственникамъ.

46) Согласіе на примиреніе можетъ быть не дано въ случаѣ опаснаго и малонадежнаго положенія раненаго. Въ другихъ случаяхъ примиреніе обыкновенно признается возможнымъ и желательнымъ.

47) Извѣщенный депутаціею о согласіи потерпѣвшаго на примиреніе, поранитель немедленно посылаетъ къ нему лѣкаря, давъ послѣднему въ счетъ платы за лѣченіе два рубля.

Прим. Право выбора лѣкаря принадлежитъ поранителю, но если онъ почему-либо не воспользуется имъ (не найдетъ лѣкаря, уклонится отъ присылки его и т. п.), то лѣкаря приглашаетъ самъ потерпѣвшій; что же касается

всѣхъ издержекъ по лѣченію, то онѣ потомъ взыскиваются съ виновнаго въ пораненіи, въ случаѣ надобности, по сѣду *).

48) Одновременно съ тѣмъ онѣ посылаетъ также одного барана, одну *сабу* (3 п. 20 ф. пшеничной муки, 2 фунта коровьяго масла, 3 фунта меду и три аршина бязи, — чѣмъ и совершается первый актъ примиренія его съ раненымъ.

49) Черезъ нѣсколько дней раненый, въ уваженіе просьбы почетныхъ стариковъ и своего лѣкаря, изъявляетъ согласіе на свиданіе съ своимъ поранителемъ и тогда послѣдній приходитъ къ нему въ домъ въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, уважаемыхъ жителей и муллы. Послѣ краткой молитвы и приличнаго случаю слова муллы раненый и поранитель подаютъ другъ другу руки и этимъ завершается второй актъ примиренія, за которымъ слѣдуетъ послѣдній, называемый дѣланіемъ чести обиженному.

50) (Пр. об.). Поранитель, по требованію раненаго, дѣлаетъ ему честь устройствомъ для него въ своемъ домѣ угощенія кушаньями и напитками. Идя на это угощеніе со своими родственниками, раненый можетъ пригласить съ собою еще другихъ лицъ, кого пожелаетъ.

(Совр. об.). Поранитель взамятъ угощенія платитъ раненому деньгами тридцать рублей.

51) (Пр. об.). Кто въ одной и той-же дракѣ нанесетъ раны нѣсколькимъ родственникамъ, обязанъ сдѣлать ординарную честь всѣмъ раненымъ, если они состоятъ въ родствѣ по мужской линіи.

*) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ очерковъ, гдѣ упоминается сѣдъ, дѣло идетъ о существующемъ въ Хасавъ-Юртовскомъ (бывшемъ Жумцкомъ) округѣ для туземнаго населенія горскомъ словесномъ сѣдѣ.

(Совр. об.). Поранившій нѣсколько человѣкъ, состоящихъ между собою въ родствѣ съ отцовской стороны, обязанъ отдать всѣмъ раненымъ взаимнъ угощенья тридцать руб. сер.

52) Если кто, преслѣдуя своего канлы, вслѣдъ за послѣднимъ ворвется въ чей либо домъ и при этомъ поранить кого нибудь изъ семейства хозяина дома, то хотя имъ будетъ совершенно два акта оскорбленія чести—нарушеніе неприкосновенности чужого жилища и пораненіе, онъ дѣлаеть, однако, не двойную, а ординарную честь, т. е. платитъ только тридцать рублей.

53) Причиняемая пораненіемъ увѣчья бываютъ двоякаго рода: увѣчья *полныя* и увѣчья *неполныя*. *Полнымъ* увѣчьемъ считается такое, когда дѣятельность изувѣченнаго органа совершенно прекращается. Когда-же дѣятельность такого органа не прекращается, а только ослабляется сравнительно съ нормальною дѣятельностью его, то увѣчье называется *неполнымъ*.

Смотря по степени ослабленія дѣятельности пораженнаго органа, неполное увѣчье признается или *половиною*, или *четвертью* увѣчья, или же *частью увѣчья, меньше четверти полною*.

Примѣчаніе. Вопросъ о родѣ и степени увѣчья разрѣшается двумя врачами: тѣмъ, который лѣчитъ раненаго, и другимъ, постороннимъ. Когда дѣло доходить до суда, то сказанные врачи (изъ туземцевъ) допрашиваются въ качествѣ свѣдущихъ людей.

54) Какъ самое существованіе увѣчья, такъ равно родъ и степень его опредѣляются не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ пораненія, а потому и вознагражденіе за увѣчье дѣлается лишь по истеченіи годичнаго срока.

55) При увѣчьи однихъ органовъ вознагражденіе дѣлается не только за полное, но также и за неполное увѣчье, при увѣчьи же другихъ органовъ оно дѣлается лишь за одно полное.

56) За увѣчье пальцевъ руки вознагражденіе полагается: за увѣчье мизинца — *10 рублей*, за увѣчье безымяннаго пальца — *20 рублей*, за увѣчье средняго пальца — *30 рублей*, за увѣчье указательнаго пальца — *40 рублей* и за увѣчье большаго пальца — *50 рублей*. За отнятіе всѣхъ пяти пальцевъ руки вознагражденіе дѣлается, какъ за отнятіе одного большаго пальца, въ *50 рублей*.

57) За полное увѣчье одной руки платится вознагражденія — *100 рублей*, за половину увѣчья — *50 рублей*, за четверть увѣчья — *25 рублей* и за увѣчье менѣе четверти полнаго по опредѣленію врача, дѣчившаго увѣчнаго.

58) За полное или неполное увѣчье одной ноги размѣръ вознагражденія тотъ-же, что за увѣчье одной руки.

59) Такое же вознагражденіе, съ тѣми же подраздѣленіями, полагается за увѣчье одного глаза.

60) За увѣчье носа вознагражденіе полагается въ *50 руб.*

61) За увѣчье одного уха платится вознагражденія — *30 руб.*, если же увѣчье имѣло послѣдствіемъ глухоту изувѣченнаго, то — *50 рублей*.

62) Вознагражденіе за выбитіе одного передняго зуба составляетъ *10 рублей*, а если выбитъ коренной зубъ, то оно удваивается.

63) Если раненый не знаетъ своего поранителя или, если и знаетъ, но тотъ не сознается въ совершеніи этого поступка, то потерпѣвшій-раненый

вправѣ потребовать, чтобы онъ (обвиняемый) очистился отъ обвиненія присягою, принятою имъ съ пятью *тусевами*.

Прим. Порядокъ назначенія тусевоу и принятія ими очистительной присяги тотъ-же, что въ дѣлахъ по похищенію скота и движимаго имущества *).

64) Когда обвиняемый въ пораненіи не можетъ оправдаться отъ обвиненія очистительною присягою съ тусевами, то виновность его устанавливается обвинительною присягою пораненнаго.

65) Точно также, если кто либо раненъ въ дракѣ нѣсколькихъ лицъ между собою и участвовавшіе въ ней взваливаютъ вину одинъ на другого, то виновнымъ въ причиненіи раны признается тотъ, на кого укажетъ подъ присягою самъ раненый.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Обычай, относящійся до положенія женщины.

ГЛАВА I.

Обычай брачные.

Дѣвушка правоспособна вступить въ бракъ по достиженіи ею пятнадцатилѣтняго возраста.

Молодой человекъ, полюбившій дѣвушку, чрезъ своихъ хорошихъ пріятелей просить у родителей своихъ разрѣшенія на женитьбу, указывая и избранную имъ невѣсту. Въ случаѣ согласія родителей молодого человека, они посылаютъ къ родителямъ избранной дѣвушки депутацію изъ хорошихъ знакомыхъ послѣд-

нихъ или изъ почетныхъ людей съ муллою или кадиѣмъ во главѣ. Родители невѣсты принимаютъ депутацію равнодушно и, выслушавъ ее, отказываютъ ей подъ вымышленнымъ предлогомъ (говорятъ: обѣщана другому, молода и т. п.), если не согласны на предлагаемый бракъ, или же просятъ дать имъ срокъ подумать, посоветоваться со своими родственниками, если предложеніе имъ по душѣ. Срокъ назначается въ одну-двѣ недѣли. По истеченіи срока депутація приходитъ вновь и тогда обыкновенно родители невѣсты, послѣ нѣсколькихъ уклончивыхъ заявленій, даютъ свое согласіе на бракъ. Затѣмъ депутація спрашиваетъ о размѣрѣ назначеннаго *альгама**). Въ тридцатыхъ годахъ было установлено, что *альгамъ* долженъ заключаться въ тридцати рубляхъ деньгами, одномъ кинжалѣ, одной головѣ сахару, бѣломъ коленкорѣ на одну рубаху, коленкорѣ на головной платокъ и двухъ шелковыхъ платкахъ (*гульменды*). Но съ теченіемъ времени стали опредѣлять альгамъ по взаимному согласію сторонъ. Въ настоящее время средній размѣръ альгама слѣдующій: 60 рублей деньгами, изъ которыхъ 50 руб. собственно въ денежный альгамъ, а 10 руб. вмѣсто кинжала, четыре головы сахару, два шерстяныхъ платка, цѣною отъ 3 до 3 р. 50 коп., семь шелковыхъ большихъ (въ 2 рубля) и маленькихъ (въ 80—90 коп.) платковъ, бѣлаго коленкору на рубаху и головной платокъ, кромѣ того, большой шелковый платокъ собственно для невѣсты (остальные платки раздаются родственницамъ невѣсты), цѣною не менѣе 13—14 рублей, и шелковой матеріи

*) *Альгамъ* (арабск.)—молитва, произносимая послѣ окончанія акта сватовства. Народъ перенесъ это слово на матеріальные предметы, назначаемые при сватовствѣ.

на занавѣсь въ саклѣ, цѣною отъ 6-ти до 8-ми рублей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ измѣненіе средняго альгама заключается, во-первыхъ, въ измѣненіи количества и стоимости вышеперечисленныхъ предметовъ и, во-вторыхъ, въ томъ, что въ условіе включается также обязательство дать коня извѣстной стоимости (50 и болѣе р.), который поступаетъ въ пользу отца или замѣстителя его или кого либо изъ родственниковъ, а у князей и первостепенныхъ узденей въ пользу *эмчековъ* *). На предложеніе депутаціи относительно альгама, въ большинствѣ случаевъ, отвѣчаютъ положительнымъ указаніемъ на размѣръ его, но не совсѣмъ рѣдки случаи, когда родители невѣсты говорятъ: „мы дочь не продаемъ, а выдаемъ замужъ за человѣка, который намъ нравится; торговаться у насъ нѣтъ желанія, а пусть для насъ сдѣлають то-же, что дѣлается для другихъ, равнаго съ нами положенія“.

Полученный отвѣтъ депутація передаетъ родителямъ жениха. На другой день послѣдніе опять посылають къ родителямъ невѣсты довѣренное лицо съ платкомъ и золотымъ кольцомъ для невѣсты, и это лицо окончательно договаривается относительно размѣра альгама и срока доставленія его. Случается, что родители невѣсты предъявляютъ въ это время новыя требованія, и объ этомъ посредникъ передаетъ родителямъ жениха. Иногда родители жениха сами просятъ объ уменьшеніи ранѣе заявленныхъ требованій.

*) Эмчекъ—молочный братъ, т. е. сынъ женщины изъ народа, вскормившей своею грудью ребенка князя. Если эмчекъ получаетъ отъ князя присланнаго ему при засватаніи его сестры, дочери и пр. коня, то, съ другой стороны, когда князь—его молочный братъ, самъ собирается вступить въ бракъ, обязанность послыки коня въ домъ невѣсты падаетъ на него-же, эмчека.

Происходятъ переговоры, соглашенія—всегда чрезъ третьихъ лицъ. При этихъ переговорахъ сватовство иногда и разстраивается вслѣдствіе несогласія одной стороны на условія другой. Если-же соглашеніе состоялось по всѣмъ пунктамъ, то ожидаютъ наступленія условленнаго срока.

По наступленіи срока родители жениха приглашаютъ къ себѣ муллу и нѣсколько почетныхъ лицъ и вручаютъ имъ альгамъ и подарки для передачи ихъ родителямъ невѣсты. вмѣстѣ съ условленнымъ альгамомъ въ большинствѣ случаевъ поручается также для передачи червонецъ, или золотое кольцо, или иная золотая вещь. Мулла съ почетными лицами относятъ альгамъ въ домъ невѣсты. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ съ почетомъ и угощаютъ чаемъ, а потомъ начинаютъ осматривать принесенные дары, сначала мужчины—родственники, а потомъ женщины—родственницы невѣсты. Распорядителемъ въ это время бываетъ старшій родственникъ отца невѣсты или его уполномоченный. Когда подарки осмотрѣны, одобрены и приняты, мулла прочитываетъ молитву, называемую альгамъ, и начинаются поздравленія.

Между-тѣмъ женихъ уходитъ изъ родительскаго дома къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, вступающему въ права какъ-бы посаженнаго отца. Здѣсь собирается компанія изъ товарищей-сверстниковъ жениха и начинается пированіе съ музыкою и танцами. Невѣста также скрывается изъ родительскаго дома къ кому-либо изъ сосѣдей и окружается подругами-сверстницами, развлекающими ее пѣніемъ и играми. Компанія, окружающая жениха, завидѣвъ вышедшую со двора его родителей депутацію съ альгамомъ, обыкновенно отправляется сзади нея и съ музыкою

и танцами сопровождаетъ ее до двора родителей невѣсты. По входѣ депутаціи во дворъ невѣсты подруги послѣдней, въ свою очередь, привѣтствуютъ депутацію пѣснями и хлопаньемъ въ ладоши, не входя впрочемъ вмѣстѣ съ нею въ домъ.

За молитвою муллы и поздравленіями, о которыхъ сказано выше, начинается пированіе въ домѣ родителей невѣсты, продолжающееся нѣсколько часовъ. Когда депутація затѣмъ уходитъ, каждому изъ участвующихъ въ ней дарится кусокъ шелковой матеріи, которымъ опоясываются вокругъ талии. Въ домѣ посаженнаго отца жениха депутація снова участвуетъ въ пированіи, продолжающемся до ночи. Сами женихъ и невѣста въ этомъ веселомъ препровожденіи времени участія не принимаютъ, находясь въ своихъ комнатахъ.

Въ ту-же ночь женихъ съ своими друзьями отправляется къ своей невѣстѣ, окруженной подругами. Хозяйка дома распоряжается угощеньемъ, проходящимъ безшумно. Держатся скромно, чинно. Послѣ ужина женихъ дѣлаетъ подарокъ женщинѣ-хозяйкѣ, въ видѣ денежной суммы въ 10—25 рублей, а взаменъ того друзьямъ его раздаются въ даръ разныя небольшія вещицы—кисеты, платки и т. п. На этомъ оканчивается актъ сватовства.

Получивъ альгамъ, родители невѣсты закупаютъ на него приданое для нея, по преимуществу мѣдную и другую посуду, зеркала и т. п. Съ своей стороны, женихъ справляетъ *калымъ*, заключающійся въ постельныхъ принадлежностяхъ—тюфякахъ, подушкахъ, одѣялахъ—и отправляетъ его къ невѣстѣ. Уговариваются относительно дня свадьбы и до этого дня женихъ обязывается одѣвать невѣсту, что онъ выполняетъ или натурою, т. е. покупая матеріалы на платье,

головной уборъ, бѣлье и пр., или посылкою на эти предметы денегъ. Наканунѣ большихъ праздниковъ онъ посылаетъ ей особые подарки—барана, сластей и пр.

За нѣсколько дней до свадьбы женихъ посылаетъ родителямъ невѣсты отъ 20-ти до 30-ти руб. денегъ на расходы по угощенію гостей.

Въ назначенный день изъ дома родителей жениха отправляется за невѣстою арба, въ которой сидятъ старуха и дѣвушка. Арбу сопровождаютъ двое верховыхъ. Въ домѣ, гдѣ находится невѣста, ожидаютъ прибытія арбы родственники послѣдней, дѣвушки, подруги ея, и другіе близкіе знакомые. Подѣхавъ къ дому, старуха и спутница ея передаютъ родителямъ невѣсты въ даръ отъ себя голову сахару, за что сами получаютъ: старуха—шелковой матеріи на рубаху и головной платокъ, а дѣвушка—платокъ. Призываются мулла и нѣсколько почетныхъ стариковъ. Мулла въ присутствіи двухъ свидѣтелей спрашиваетъ невѣсту о согласіи ея на бракъ и потомъ съ тѣмъ-же вопросомъ обращается къ ея отцу. По исполненіи этой формальности закусываютъ и затѣмъ приступаютъ къ дѣлу. Прежде всего въ арбу перекладывается приданое невѣсты, приобрѣтенное на полученный за нее альгамъ, а затѣмъ выводится и сама невѣста, закрытая покрываломъ, которую родственники усаживаютъ въ ту-же арбу, украшенную коврами. Кортель трогается въ присутствіи подругъ невѣсты и подъ звуки пѣсенъ и музыки. По пути слѣдованія поѣзда—тѣ-же пѣсни и музыка, а если невѣста ѣдетъ въ другое селеніе, то и стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. У двора родителей жениха арба останавливается и капризный возница объявляетъ обыкновенно, что у него

нѣтъ ни малѣйшаго желанія ѣхать дальше, т. е. въѣхать во дворъ. Въ прежнее время упорство возницы преодолѣвалось поднесеніемъ ему кинжала, теперь онъ мирится на подаркѣ и въ 3—5 рублей. Во дворѣ невѣсту высаживаютъ изъ арбы ея родственники и она уходитъ въ назначенную ей комнату. Въ это время мулла отправляется къ жениху и въ присутствіи одного-двухъ свидѣтелей спрашиваетъ и его о согласіи на вступленіе въ бракъ съ засватанною имъ дѣвушкою. По полученіи утвердительнаго отвѣта мулла пишетъ брачный договоръ, въ который непременно включаетъ обязательство жениха по вступленіи его въ права мужа уплатить своей женѣ *гебинъ-лакъ* *) въ установленномъ обычаемъ размѣрѣ. Договоръ подписывается писавшимъ его и двумя свидѣтелями и послѣ того мулла прочитываетъ извѣстныя молитвы, держа жениха за руку. Этимъ исчерпывается религиозная сторона заключенія брака.

Ночью женихъ секретно отправляется въ комнату невѣсты. Находящаяся въ комнатѣ старуха отворяетъ ему дверь, за что получаетъ отъ него рублей 5—10 и потомъ удаляется.

Часа черезъ полтора-два въ комнату, гдѣ находятся молодые, стучатся и входятъ два родственника молодого. При ихъ входѣ молодая прячется за занавѣску, находящуюся въ переднемъ углу комнаты. Родственники берутъ что-нибудь изъ лакомствъ, по-

*) Гебинъ-лакъ—плата женщинѣ за вступленіе ея въ бракъ. Если мужъ умретъ, не заплативъ *гебинъ-лака*, то этотъ долгъ его уплачивается предпочтительно передъ всѣми другими его долгами. При требованіи развода *гебинъ-лакъ* долженъ быть уплаченъ сполна. Если женщина умретъ до полученія *гебинъ-лака*, то онъ выдается ея дѣтямъ, какъ наслѣдство отъ нея, а не отъ отца.

ставленныхъ въ томъ-же углу у наружной стороны занавѣски, и уходятъ, ничего не говоря.

На утренней зарѣ пріатели молодого подходятъ къ окну сакли и будятъ его. Наскоро одѣвшись, онъ выходитъ къ друзьямъ-доброжелателямъ, встрѣчающимъ его шумными возгласами.

Къ молодой, остающейся въ саклѣ, являются родственницы и одариваютъ ее разными вещами, нужными въ хозяйствѣ, преимущественно посудой. Она также дѣлаетъ имъ подарки предметами одежды.

Въ тотъ-же день вечеромъ въ комнату молодой входятъ мужчины, родственники ея по мужу. Каждый изъ нихъ, начиная со старшаго, подходитъ къ занавѣскѣ, открываетъ ее и громко называетъ предметъ, отдаваемый имъ въ даръ стоящей передъ нимъ молодой женщиной. Подарки дѣлаются рогатымъ и мелкимъ скотомъ и деньгами. Деньги тутъ-же кладутся на тарелку. Молодая, въ свою очередь, благодаритъ родственниковъ кисетами, галунами, кошельками для денегъ и т. п. бездѣлушками. Подарки гостей поступаютъ въ собственность молодого.

Все это время, какъ въ домѣ молодой, такъ и въ домѣ родителей молодого, преимущественно въ послѣднемъ, происходитъ непрерывное пированіе. Ъдятъ и пьютъ, поютъ и танцуютъ дни и ночи, приходя на смѣну другъ другу. Иные впрочемъ не смѣняются и къ концу трехдневнаго свадебнаго пированія приходятъ въ совершенно ошалѣлое состояніе.

На третій день вечеромъ къ молодой приходитъ сельская молодежь, и она, молча, угощаетъ ее водкою, уже не прячась за занавѣскою. На всѣ шуточные распросы своихъ гостей она неизмѣнно отвѣчаетъ одно: „пей“, указывая на поднось съ напитками и закусками.

Третьимъ днемъ кончается свадебное пиршество. Съ четвертаго дня молодой находится уже у себя въ домѣ и занимается текущими дѣлами, но въ свою комнату заходить лишь-ночью и послѣ того, какъ родители уснутъ. Продолжается это недѣли двѣ.

Мулла за вѣнчаніе получаетъ плату отъ отца жениха въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 5-ти руб.

Иногда женихъ на канунѣ свадьбы обходитъ всѣхъ своихъ родственниковъ и получаетъ отъ нихъ подарки скотомъ.

При выходѣ замужъ вдовы альгамъ дается въ размѣрѣ половины или трети, а иногда и вовсе не дается. Торжественнаго переѣзда невѣсты къ жениху не бываетъ; напротивъ, невѣста-вдова привозится къ жениху ночью, безъ шума. Случается, что во время вѣзда ея въ домъ жениха или въ селеніе раздаются выстрѣлы, но они имѣютъ значеніе злой шутки, издѣвательства надъ заключаемымъ бракомъ. Не бываетъ также ни музыки, ни угощеній. Вообще, выходъ замужъ вдовы признается народомъ актомъ вполне будничнымъ, даже низменнымъ, въ основѣ котораго лежитъ забота о житейскихъ удобствахъ, достигаемыхъ съ нѣкоторымъ урономъ своего достоинства.

Состоявшееся сватовство не всегда влечетъ за собою заключеніе брака; иногда отъ него отказывается женихъ, иногда родители невѣсты. Если отъ заключенія брака отказался женихъ, то онъ теряетъ право на обратное полученіе альгама и калыма; сверхъ того родители невѣсты могутъ заставить его принять очистительную присягу съ двѣнадцатю *тусавами* въ томъ, что онъ не посягнулъ на цѣломудріе дѣвушки. Если женихъ не очистится присягою, то онъ обязанъ жениться, т. е. совершить обрядъ вѣнчанія,

и затѣмъ можетъ тотчасъ развестись съ женою. При этомъ обычаемъ установлено слѣдующее правило: повѣнчавшійся и давшій разводъ женѣ до первой ночи платить ей въ гебинъ-гакъ только—50 рубл.; если-же разводъ дается на слѣдующій день, то разведенная жена получаетъ полный гебинъ-гакъ 100 рубл. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ половинный размѣръ гебинъ-гака допускается лишь при полученіи невѣстою, до брака, значительныхъ подарковъ отъ жениха,— иначе обязательно удовлетворить полнымъ гебинъ-гакомъ. Когда отказъ послѣдовалъ со стороны родственниковъ невѣсты, то жениху возвращаются альгамъ и всѣ другіе подарки, а также уплачиваются произведенные при сватовствѣ расходы. Само собою разумѣется, родители невѣсты въ подобномъ случаѣ не вправѣ требовать отъ жениха обычныхъ доказательствъ ненарушенія имъ цѣломудрія невѣсты.

ГЛАВА II.

Юридическіе обычаи по дѣламъ оскорбленія чести и цѣломудрія женщины и по дѣламъ похищенія замужнихъ и не замужнихъ женщинъ *).

1) Кто прикоснулся къ дѣвушкамъ рукою, или обнялъ ее, или сорвалъ платокъ съ ея головы, тотъ

*) Честь женщины, какъ увидитъ читатель, охраняется въ кумыковъ народѣ весьма ревниво; тѣмъ не менѣе самое понятіе—„честь женщины“ имѣетъ у этого народа, какъ и вообще у кавказскихъ горцевъ, совсѣмъ не то значеніе, какое дается ему европейскими народами. У кумыковъ и другихъ кавказскихъ горцевъ подъ этимъ понятіемъ разумѣется честь не самой женщины, а честь семьи, въ лицѣ мужскихъ представителей ея—отца, брата, мужа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—честь жениха, т. е. честь и гордость мужчины. Что касается самой женщины, то она, вообще говоря, третируется какъ предметъ собственности муж-

нанесъ ей безчестіе и долженъ удовлетворить за это отца ея, или замѣстителя его, устройствомъ примирительнаго свиданія и уплатою, взамѣнъ угощенья, тридцати рублей.

2) За такое-же безчестіе, нанесенное замужней женщинѣ, виновный долженъ извиниться передъ мужемъ и устроить ему въ своемъ домѣ посильное угощенье.

3) Совершившій насиліе надъ дѣвушкой обязанъ уплатить родителямъ ея за безчестіе тридцать рублей и ей самой полный *гебинъ-лакъ* въ 100 руб.

4) Но имѣвшій любовную связь съ дѣвушкою съ ея согласія обязанъ уплатить только дѣвушкѣ полный *гебинъ-лакъ*, удовлетвореніе-же за безчестіе для него не обязательно *). Однако, если прелюбодѣяніе имѣло мѣсто съ дѣвушкою засватанною, то виновный мужчина обязанъ уплатить безчестіе жениху дѣвушки, хотя бы преступленіе совершилось съ согласія послѣдней.

5) Виновный въ любовной связи съ замужней женщиною, съ согласія или безъ согласія послѣдней—безразлично, — становится кровнымъ врагомъ ея мужа и обязанъ примириться съ нимъ, какъ по дѣлу крови. До устройства же примиренія, онъ, какъ всякій *канъ*, долженъ бѣжать и скрыться.

чины, правда, очень цѣнный и стоящій въ обладателю его ближе всѣхъ другихъ предметовъ собственности, но не какъ личность съ известными гражданскими правами. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только постановленіе о *гебинъ-лакъ*, или платѣ за вступленіе въ бракъ, но оно взято изъ мусульманскаго шаріата и покоится на иныхъ основаніяхъ.

*) Можетъ быть, по тому соображенію, что родители сами виноваты въ дурной нравственности ихъ дочери, а вѣриѣ—въ виду того, что мужчина, вступившій въ связь съ свободною (не засватанною) дѣвушкою безъ всякаго насилія надъ нею и уплатившій ей *гебинъ-лакъ*, составляющій самую существенную часть брачнаго договора, фактически женился на ней и, слѣдовательно, никакого безчестія родителямъ ея не нанесъ.

6) Въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня совершившагося преступленія, мстители за поруганную честь мужа—самъ мужъ, его отецъ, его братъ и его сынъ, по обычаю, могутъ убить совершителя преступленія, не дѣлаясь чрезъ это кровниками его родственниковъ. Впрочемъ, исполнивъ актъ отомщенія, они обязаны сдѣлать честь этимъ родственникамъ, въ формѣ устройства свиданія съ ними.

Примѣчаніе. Убійство оскорбителя по истеченіи шести-мѣсячнаго срока влечетъ за собою кровныя отношенія на общихъ основаніяхъ.

7) Актъ примиренія по дѣлу обезчещенія замужней женщины совершается съ соблюденіемъ обрядовъ, свойственныхъ акту примиренія по дѣлу убійства; устраняются лишь отращиваніе оскорбителемъ волосъ на головѣ и испрашиваніе прощенія на колѣняхъ.

8) Примирясь съ оскорбителемъ, оскорбленный мужъ можетъ потребовать отъ перваго отдачи ему полного *тебинъ-ака*; затѣмъ, онъ вправе дать опозорившей его женѣ *условный разводъ* (ст. 29).

9) Мужъ, братъ его, равно отецъ его и сынъ, заставъ жену перваго въ моментъ нарушенія ею супружескаго долга, по обычаю, могутъ убить ее на мѣстѣ съ ея любовникомъ и чрезъ это не дѣлаются кровниками родственниковъ убитыхъ.

10) Любовная связь съ вдовою влечетъ за собою женитьбу на этой вдовѣ или уплату ей *тебинъ-ака* въ половинномъ размѣрѣ. Впрочемъ, если связь послѣдовала съ ея согласія, то участвовавшій въ ней мужчина никакой отвѣтственности не подлежитъ.

11) Отрицающій свою виновность по дѣлу нарушенія чести дѣвушки, замужней женщины или вдовы обязанъ очиститься отъ обвиненія присягою, приня-

тою съ тусевами. Когда дѣло касается дѣвушки или замужной женщины, тусевоу назначается двѣнадцать челоуѣкъ, а когда вдовы—шесть челоуѣкъ.

12) Кто, желая жениться на дѣвушкѣ, съ этоу цѣлью похитить ее изъ родительскаго дома, тотъ дѣлается кровникомъ ея родителей и родственниковъ. Кровныя отношенія не ограничиваются однимъ похитителемъ, а распространяются также и на его родственниковъ съ отцовской стороны.

Примѣчаніе. Если дѣвушка похищена изъ семьи, въ которой она гостила, то кровниками похитителя становятся мужскіе члены и этой семьи. Кроме того послѣдніе должны явиться къ родителямъ похищенной дѣвушки съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу случившагося. Примиреніе въ подобномъ случаѣ устраивается, впрочемъ, съ родителями дѣвушки или замѣстителями ихъ, а члены семьи, изъ которой дѣвушка похищена, только присутствуютъ при совершеніи этого акта.

13) Похититель дѣвушки ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести похищенную имъ въ свой домъ, ибо тогда родители и родственники ея, ворвавшись въ домъ, будутъ драться съ нимъ, похитителемъ, и его родственниками на смерть. Во избѣжаніе такого исхода дѣла, похититель отводитъ жертву похищенія въ домъ почтеннаго и вліятельнаго члена общества, въ которомъ она и остается до исполненія акта примиренія.

14) Вслѣдъ за совершеніемъ похищенія, похититель и его родственники начинаютъ энергически хлопотать о примиреніи съ родителями и родственниками похищенной, начавъ эти хлопоты посылкою къ послѣднимъ депутаціи изъ почетныхъ и духовныхъ лицъ; обязанность депутаціи—ослабить въ пострадавшихъ

чувство вражды къ нарушителямъ ихъ чести и склонить ихъ къ примиренію на основаніи обычая.

15) Если цѣль депутаціи достигнута, то родители дѣвушки сами посылаютъ къ своей дочери довѣренное лицо—спросить ее: ушла-ли она отъ нихъ добровольно или уведена насильственнымъ образомъ?

16) Отвѣтъ дѣвушки, что она ушла добровольно, по обычаю, уничтожаетъ поводы къ продолженію вражды, оставляя лишь за родителями ея право потребовать удовлетворенія за безчестіе. Удовлетвореніе это заключается въ извиненіи, въ присутствіи постороннихъ лицъ, и въ устройствѣ для обиженной стороны угощенья, или въ выдачѣ ей, взаменъ угощенья, денежной суммы въ размѣрѣ не свыше 30 рублей. Мулла совершаетъ затѣмъ обрядъ вѣнчанія, и на этомъ дѣло оканчивается *).

17) Но если дѣвушка заявляетъ, что уведена насильно и выйти за похитителя замужъ не желаетъ, то ее отводятъ обратно въ домъ свой и вмѣстѣ съ нею приходятъ къ родителямъ ея почетные старики съ просьбою о прошеніи похитителя.

18) Родители дѣвушки, увѣренные, что честь ихъ дочери не нарушена, склоняются обыкновенно на просьбы стариковъ и тогда совершается актъ примиренія. Сначала имъ, родителямъ, передается 30 руб. въ удовлетвореніе за обиду, а потомъ похититель, вмѣстѣ съ своими родственниками и почетными людьми, приходитъ въ ихъ домъ и лично испрашиваетъ про-

*) Большая часть дѣлъ по похищенію дѣвушекъ имѣетъ именно этотъ исходъ, такъ какъ, разъ дѣвушка была похищена, ей—волей-неволей—приходится утверждать, что она пошла добровольно: отвѣтъ ея въ противоположномъ смыслѣ повлечетъ за собою, во-первыхъ, позоръ для нея самой, и во-вторыхъ, кровную вражду между ея родителями и похитителемъ.

пенья, кланяясь и протягивая руку отцу, матери и братьямъ дѣвушки.

19) Когда-же родители похищенной дѣвушки не имѣютъ означенной выше увѣренности, тогда похититель въ доказательство невинности своей долженъ принять очистительную присягу съ двѣнадцатью тусевами. Выполненіе имъ акта очистительной присяги уничтожаетъ собою поводы къ продолженію вражды, и примиреніе устраивается въ порядкѣ, указанномъ выше, въ ст. 18. Но если онъ снятъ съ себя подозрѣніе или обвиненіе очистительной присягою не можетъ, то ему дается право поступить двоякимъ образомъ: а) жениться на похищенной дѣвушкѣ, устроить свадьбу съ наивозможною торжественностью и б) отказаться отъ нея, уплативъ ей полный *гебинг-какъ* (100 р.) и отдавъ ея родителямъ плату за безчестіе (30 руб.)

20) Въ случаѣ похищенія кѣмъ либо дѣвушки, засватанной другимъ право мщенія похитителю принадлежитъ жениху дѣвушки.

21) Женихъ, осуществившій вышеозначенное право въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня похищенія его невѣсты, по обычаю, не становится чрезъ это *канлы* родственниковъ убитаго имъ оскорбителя.

22) Примиреніе похитителя засватанной дѣвушки съ женихомъ ея совершается въ порядкѣ примиренія между похитителемъ и родителями незасватанной дѣвушки. Но, примиряясь со своимъ оскорбителемъ, женихъ можетъ потребовать еще отъ него отданный за дѣвушку *альямъ* и всѣ свои расходы, произведенные по сватовству дѣвушки. Впрочемъ, съ искомъ о возвратѣ *альяма* и расходовъ женихъ вправѣ обратиться и къ родителямъ своей невѣсты.

23) Похититель, засватанной дѣвушки, по исполненіи акта примиренія съ ея женихомъ, можетъ взять эту дѣвушку за себя замужъ. Если-же онъ отказывается отъ брака съ нею, то подвергается тѣмъ-же послѣдствіямъ, какія ожидаютъ похитителя незасватанной дѣвушки.

24) Если похититель засватанной дѣвушки отказался жениться на похищенной и при этомъ установленною присягою снялъ съ себя подозрѣніе въ томъ, что посягнулъ на ея цѣломудріе, то женихъ дѣвушки можетъ жениться на ней, какъ на невѣстѣ, ничѣмъ не провинившейся предъ нимъ.

25) Онъ можетъ жениться на ней и тогда, когда похититель не приметъ очистительной присяги, но въ этомъ случаѣ бракъ заключается какъ съ разведенною женою и *сепинг-кал* дается только въ половинномъ размѣрѣ.

26) Кто похититъ замужнюю женщину, тотъ становится кровнымъ врагомъ ея мужа и эти кровныя отношенія продолжаются *юдз* со дня похищенія *).

27) При примиреніи съ оскорбленнымъ мужемъ похититель долженъ исполнить всѣ акты, установленныя для примиренія по дѣлу незаконной любовной связи съ замужнею женщиною (ст. 7).

28) По истеченіи годичнаго срока со дня полученія оскорбленія, обиженный мужъ можетъ поступить съ своею женою двоякимъ образомъ: или снова взять ее къ себѣ (въ теченіе этого года она живетъ у своихъ родителей или у родственниковъ), или дать ей *условный разводъ*.

29) *Условный разводъ* заключается въ томъ, что при дачѣ его своей женѣ, мужъ называетъ трехъ

*) Канлы на годичный срокъ назыв. *ирчель-канлы*.

лицъ, за которыхъ обязываетъ ее не выходить замужъ, включая въ число этихъ трехъ своего обидчика — похитителя жены.

30) Если похититель, вопреки условному разводу, осмѣлится жениться на разведенной женѣ, то со дня вступленія его въ бракъ, между нимъ и прежнимъ мужемъ возобновляются кровныя отношенія, которыя могутъ прекратиться примиреніемъ, устроеннымъ, какъ по всякому другому кровному дѣлу.

31) Когда жена сама бѣжала отъ мужа, она теряетъ право на полученіе *тебинз-ака* и, кромѣ того, все, приобрѣтенное ею на *алъамз*, а также всѣ, полученные ею отъ мужа, подарки остаются въ его пользу.

32) Что-же касается мужчины, къ которому она бѣжала, то, если онъ докажетъ (подтвердить съ тусевами подъ присягою), что никакого участія въ бѣгствѣ ея не принималъ, съ него всякая отвѣтственность за это бѣгство слагается; если-же не докажетъ этого, онъ признается похителемъ ея со всѣми послѣдствіями такого признанія.

33) Похищеніе вдовы влечетъ за собою тѣ-же послѣдствія, что и похищеніе незасватанной дѣвушки, съ тою разницею, что удовлетвореніе за безчестіе и *тебинз-акз* платятся въ половинномъ размѣрѣ и очистительная присяга, въ случаѣ надобности, принимается обвиняемымъ только съ шестью тусевами *).

*) Въ силу того, что вдова во многихъ отношеніяхъ является самостоятельнымъ и настолько полноправнымъ членомъ общества, что семья, изъ которой она вышла, не считаетъ себя отвѣтственною за нее, народъ привыкъ смотрѣть на вопросы объ оскорбленіи чести вдовы не только не серьезно, но даже насмѣшливо. Благодаря такому взгляду, похищеніе вдовы, какъ и всякое иное посягательство на честь ея, въ большинствѣ случаевъ ованчивается какою нибудь скромною полюбовною сдѣлкою заинтересованныхъ сторонъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Юридическіе обычаи по дѣламъ похищенія скота и иного движимаго имущества, или по дѣламъ воровства.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

1) Всякій, у кого похищенъ скоть или какое-либо иное имущество, имѣетъ право: а) принять установленныя обычаемъ мѣры къ розысканію похищеннаго и похитителя и б) по розысканіи похитителя получить отъ него установленное обычаемъ матеріальное удовлетвореніе.

Прим. Словомъ «похищеніе» обозначается здѣсь не только кража въ тѣсномъ смыслѣ слова, но также мошенническое и насильственное завладѣніе и самовольное присвоеніе чужого скота или иного движимаго имущества.

2) (Пр. об.). Впрочемъ, если похищеніе скота или какого-либо иного имущества произведено чѣмъ-либо гостемъ, пріѣзжавшимъ изъ другого селенія и успѣвшимъ уѣхать прежде, чѣмъ хозяинъ похищеннаго узналъ о похищеніи или о виновности въ томъ пріѣзжаго гостя, то матеріальное удовлетвореніе можетъ быть потребовано отъ гостепримца (*кунака*) его, самъ-же кунакъ воленъ вѣдаться съ похитителемъ прямо отъ себя.

(Совр. об. Не существуетъ.) *).

*) Обычай этотъ въ послѣднее время вновь возстановленъ въ видахъ устраненія случаевъ укрывательства жителями въ своихъ домахъ воровъ, пріѣзжающихъ изъ другихъ ауловъ.

Прим. Какъ этотъ обычай, такъ и нѣкоторые другіе, о которыхъ говорится дальше, уничтожены на собраніи выборныхъ кумыцкаго народа, состоявшимся въ селеніи Андреевомъ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ бытность главнымъ приставомъ кумыковъ князя Мусы Уцмиева.

3) Въ случаѣ смерти потерпѣвшаго отъ похищенія, право на полученіе удовлетворенія переходитъ къ его наслѣдникамъ; съ другой стороны, за умершаго похитителя отвѣтственность за похищеніе падаетъ на его наслѣдниковъ.

4) За похитителя, недостигшаго пятнадцатилѣтняго возраста матеріальная отвѣтственность за похищеніе падаетъ на его родителей, а если онъ сирота и не имѣетъ собственнаго имущества, то на тѣхъ его родственниковъ, которые приняли его на свое пощеніе. Впрочемъ, родственникамъ, опекающимъ сироту, предоставляется удостовѣрить подъ присягою, что, во-первыхъ, они приняли къ себѣ въ домъ опекаемаго единственно по побужденіямъ челоуѣколюбія или вслѣдствіе необходимости (что больше ему некуда было идти) и, во-вторыхъ, о совершеніи опекаемымъ данаго похищенія имъ ничего неизвѣстно, и въ такомъ случаѣ, они отъ отвѣтственности освобождаются. Не принимается въ уваженіе заявленіе опекуновъ сироты въ вышеприведенномъ смыслѣ, въ случаѣ совершенія сиротою второй, третьей и т. д. кражи, если они приняли на себя отвѣтственность за первую кражу.

5) (Пр. об.). Когда потерпѣвшій отъ похищенія и похититель—люди равнаго состоянія, удовлетвореніе за похищеніе составляютъ: а) возвратъ похищеннаго предмета или отдача взаменъ его такого-же предмета равной цѣнности, или отдача предмета меньшей

цѣнности, съ уплатою разницы въ цѣнѣ деньгами, или-же уплата за похищенное деньгами по оцѣнкѣ и б) возмѣщеніе всѣхъ другихъ убытковъ и расходовъ, причиненныхъ похищеніемъ.

Когда-же потерпѣвшій отъ похищенія—князь, а похититель—человѣкъ простого званія, удовлетвореніе за похищеніе состоитъ въ слѣдующемъ: а) въ возвратѣ похищеннаго и уплатѣ восьмерной стоимости, или въ отдачѣ предмета, тождественнаго съ похищеннымъ и уплатѣ восьмерной стоимости его, или въ отдачѣ предмета меньшей стоимости съ уплатою разницы въ цѣнѣ деньгами и также восьмерной стоимости похищеннаго, или-же, наконецъ, въ уплатѣ девятерной стоимости похищеннаго и б) въ вознагражденіи потерпѣвшаго за причиненные похищеніемъ вредъ и убытки.

(Совр. об.). Потерпѣвшій отъ похищенія какого-бы то ни было предмета, кто-бы ни былъ онъ самъ, и кто-бы ни былъ похититель, получаетъ въ видѣ удовлетворенія: а) похищенный предметъ, если онъ цѣлъ и на лицо, а если его нѣтъ, то денежную плату по цѣнѣ его и б) вознагражденіе за всѣ причиненные похищеніемъ убытки и потери.

б) Хотя похищеніе имущества изъ жилого помещенія есть правонарушеніе болѣе важное (болѣе оскорбительное) для потерпѣвшаго, чѣмъ похищеніе изъ двора или иного мѣста храненія этого имущества, однако потерпѣвшій отъ такого похищенія пользуется преимуществомъ лишь въ отношеніи способовъ обвиненія виновнаго на судѣ (ст. 39); удовлетвореніе-же за похищеніе и въ этомъ случаѣ дѣлается на общемъ основаніи.

7) Если похититель, до или послѣ открытія его

потерпѣвшимъ, сознавшись въ совершеніи похищенія, добровольно удовлетворить послѣдняго, согласно обычаю, то дѣло по этому похищенію признается оконченнымъ *).

8) (Пр. об.). Когда случится, что похититель, сознавшись въ совершеніи похищенія, товарищемъ своимъ по этому дѣянію назоветъ человѣка умершаго требуя, чтобы половинная часть удовлетворенія была взыскана съ наслѣдниковъ послѣдняго, тогда слѣдуетъ поступать такъ: если могила умершаго находится не въ дальнемъ разстояніи, то похититель-оговорщикъ долженъ отправиться на нее съ двумя своими ближайшими родственниками со стороны отца и совмѣстно съ ними подтвердить свой оговоръ подъ присягою; если-же могила оговореннаго находится далеко и идти на нее неудобно, то оговорщикъ и его родственники должны дать сказанную присягу на мѣстѣ нахождения потерпѣвшаго. Похититель, исполнившій описанный обрядъ, освобождается отъ уплаты половины удовлетворенія, и вознагражденіе потерпѣвшаго въ этой половинѣ падаетъ на наслѣдниковъ умершаго соучастника въ похищеніи.

(Совр. об.). Если сознавшійся въ похищеніи какого-либо имущества товарищемъ своимъ по совершенію этого дѣянія назоветъ умершаго, то онъ долженъ доказать правильность оговора чрезъ свидѣтелей, въ числѣ не менѣе двухъ. Впрочемъ, потерпѣвшій мо-

*) Таковъ коренной обычай, подлежащій примѣненію въ горскихъ судахъ, руководствующихся народными обычаями. Такъ какъ онъ идетъ въ разрѣзъ съ нашими возрѣвными на кражу, по которымъ актъ кражи-преступленіе, влекущее за собою извѣстную кару, то мѣстная администрація принимаетъ разныя мѣры къ устраненію дѣйствія его на практикѣ, но очевидно, что пока существуютъ обычные суды, обычай этотъ какъ одинъ изъ основныхъ, неизбѣжно будетъ находить себѣ примѣненіе. (См. прим. къ ст. 12).

жетъ не согласиться на отсрочку окончанія дѣла ради выясненія оговора, и въ такомъ случаѣ наличный обвиняемый присуждается къ полному удовлетворенію за похищенное, но съ тѣмъ, что за нимъ остается право доказать свой оговоръ въ установленномъ порядкѣ, послѣ окончанія дѣла.

9) Потерпѣвшій отъ похищенія самъ принимаетъ мѣры къ розыску похитителя и похищенного и, въ случаѣ надобности, можетъ прибѣгать для этого къ содѣйствию постороннихъ—одного или нѣсколькихъ лицъ. При этомъ постороннее лицо, открывшее слѣды похищенного или похитителя и за условленное вознагражденіе объявившее объ этомъ потерпѣвшему, признается доказчикомъ (*аймак*) по дѣлу (гл. II *).

10) Когда открытый потерпѣвшимъ, чрезъ доказчика или безъ доказчика, похититель либо отрицаетъ самый фактъ совершенія имъ даннаго похищенія, либо, не отрицая его, отказывается дать слѣдуемое потерпѣвшему удовлетвореніе, тогда послѣдній можетъ изобличить его передъ народнымъ судомъ и затѣмъ получить отъ него удовлетвореніе при содѣйствіи существующихъ властей.

11) (Пр. об.). Общественная власть, въ лицѣ владѣтеля селенія (князя, а иногда узденя), оказывая потерпѣвшему содѣйствіе къ полученію отъ похитителя удовлетворенія, независимо отъ того, налагаетъ на послѣдняго штрафъ, обращаемый въ пользу общества селенія. Размѣръ штрафа зависитъ отъ усмотрѣнія

*) Само собою разумѣется, что со времени учрежденія въ краѣ обще-государственной полиціи, органы полицейской власти совершаютъ свои функціи въ отношеніи преслѣдованія преступниковъ независимо отъ существованія народныхъ обычаевъ. Но справедливость требуетъ сказать, что до сихъ поръ обычные приемы открыванія воровъ весьма часто оказываются дѣйствительнѣе приемовъ органовъ полицейской власти.

представителя общественной власти, ограниченнаго отчасти бывшими раньше примѣрами. Та-же власть вправѣ подвергать виновнаго аресту, въ видѣ мѣры понужденія къ исполненію предъявленныхъ къ нему требованій.

(Совр. об.). Не существуетъ, такъ какъ замѣненъ дѣйствующими законоположеніями.

12) (Пр. об.). При обращеніи къ обычному суду съ требованіемъ о взысканіи съ обвиняемаго обычнаго удовлетворенія, потерпѣвшій самъ долженъ доказывать правильность возбужденнаго обвиненія, прибѣгая для того къ установленнымъ обычаямъ способамъ. Способовъ этихъ два: 1) способъ положительный, заключающійся въ изобличеніи обвиняемаго посредствомъ *айака* и 2) способъ отрицательный, заключающійся въ томъ, что когда у потерпѣвшаго нѣтъ *айака*, онъ заставляетъ похитителя, или подозрѣваемаго таковымъ, въ своей невинности принять присягу, называемую *очистительною*, при томъ не единолично, а съ извѣстнымъ числомъ стороннихъ лицъ, которыя называются *тусевами* (глава IV).

(Совр. об.) Тотъ-же, но съ тѣмъ добавленіемъ, что въ настоящее время потерпѣвшій, кромѣ доказчика или вмѣсто него, можетъ выставлять къ изобличенію похитителя и обыкновенныхъ свидѣтелей (гл. III).

Примѣчаніе. Въ прежнее время обыкновенные свидѣтели принимались судомъ лишь для уясненія другихъ обстоятельствъ даннаго дѣла похищенія, напр., для установленія факта принадлежности похищеннаго тому, кто заявилъ на него свои права и т. п.; но фактъ виновности заподозрѣннаго въ похищеніи устанавливался только чрезъ доказчика или на основаніи обвинительной присяги тусевовъ.

13) Въ качествѣ единственнаго обвинителя похитителя на судѣ, потерпѣвшій вправѣ прервать обвиненіе, когда сочтетъ это нужнымъ; онъ вправѣ отказаться отъ представленія въ судъ доказчика, вправѣ дать обвиняемому очистительную присягу безъ участія тусевоу, хотя бы послѣдніе были уже назначены, а равно не лишенъ права освободить отъ очистительной присяги и самого обвиняемаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ со стороны обычнаго суда производство дѣла прекращается *).

14) Потерпѣвшій отъ похищенія, не нашедшій похитителя, но опознавшій похищенный предметъ, вправѣ отобрать его отъ владѣльца, хотя бы у послѣдняго имѣлись ясныя доказательства правильности приобрѣтенія предмета. Порядокъ производства опознанія похищеннаго указанъ ниже, въ главѣ VI.

ГЛАВА II.

Айкакъ и способъ обвиненія похитителя посредствомъ Айгака.

15) Какъ сказано выше, *айкакъ*, или доказчикомъ называется тотъ, кто за извѣстное вознагражденіе со стороны потерпѣвшаго розыщетъ похищенное или похитителя и, въ нужномъ случаѣ, изобличить послѣдняго передъ судомъ.

*) Это обычное право потерпѣвшаго въ настоящее время служить источникомъ множества злоупотребленій со стороны народа и ведетъ къ несправомѣрности воровъ передъ карательнымъ закономъ. Право примиренія потерпѣвшаго съ похитителемъ внѣ суда, влекущее за собою невольное прекращеніе дѣла со стороны послѣдняго, на практикѣ выражается тѣмъ, что, въ то время, когда одинъ изъ привлеченныхъ уже къ суду воровъ подвергается уголовному наказанію, другой, иной разъ даже болѣе виновный, вслѣдствіе своевременной сдѣлки съ потерпѣвшимъ, отъ всякаго наказанія избавляется.

16) Вознагражденіе *айнакз* получаетъ либо до розысканія похитителя или похищеннаго, либо послѣ розысканія; впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, часть условленнаго вознагражденія тоже можетъ быть выдана до начатія розысковъ, въ видѣ задатка.

Размѣръ вознагражденія опредѣляется по договору между *айнакомз* и потерпѣвшимъ, но оно во всякомъ случаѣ не можетъ превосходить суммы стоимости похищеннаго.

Деньги, полученныя *айнакомз* въ видѣ вознагражденія за розыски, включаются потерпѣвшимъ въ счетъ расходовъ и убытковъ по похищенію и вполсѣдствіи взыскиваются съ похитителя.

17) Если *айнакз* не скрываетъ своего имени отъ похитителя, то онъ считается *айнакомз явнымз*, если же онъ открываетъ потерпѣвшему дѣло подъ условіемъ сохраненія его имени въ секретѣ, то онъ признается *тайнымз айнакомз*.

18) Открытый доказчикомъ похититель можетъ и не доводить дѣло до суда, согласившись добровольно уплатить потерпѣвшему всѣ его убытки по похищенію, включая также и плату доказчику; если же онъ отъ миролюбиваго соглашенія отказывается подъ какимъ-бы ни было предлогомъ, то *явный* доказчикъ обязанъ доказать его виновность на судѣ.

Примѣчаніе. Тайный доказчикъ можетъ оставаться таковымъ и для суда. Потерпѣвшій обыкновенно пользуется имъ какъ *тусевомз*.

19) На судѣ не можетъ быть доказчикомъ: а) родственникъ потерпѣвшаго, считая и родственниковъ *по дѣлу крови* *), б) тотъ, кто когда либо прежде при-

*) См. Очерк. I.

няли ложную присягу, в) тотъ, кто находится во враждѣ съ обвиняемымъ по дѣламъ кровомщенія и обезчещенія женщины, а также и по всякаго рода инымъ дѣламъ по правонарушеніямъ, не оконченнымъ примиреніемъ, г) тотъ, кто далъ своей женѣ разводъ и, не получивъ разрѣшенія духовнаго лица, снова женился на ней *), д) не достигшій пятнадцатилѣтняго возраста и е) женщина. Кромѣ того, доказчиками на судѣ не принимаются жители мѣстностей не подчиненныхъ кумыцкому (Хасавъ-юртовскому) обычному суду.

20) Участвовавшій въ совершеніи извѣстнаго похищенія, если желаетъ, можетъ явиться доказчикомъ противъ своихъ сотоварищей по тому-же дѣянію. Такой доказчикъ не только избавляется отъ отвѣтственности за похищеніе, но, какъ и всякій другой доказчикъ, получаетъ отъ потерпѣвшаго условленное вознагражденіе.

Примѣчаніе. Обычай этотъ истолковывается въ смыслѣ усиленія средствъ къ розысканію похитителей и похищеннаго, слѣдовательно, въ смыслѣ одной изъ гарантій противъ посягательствъ на чужую собственность.

21) Порядокъ веденія на судѣ дѣла съ участіемъ доказчика слѣдующій: послѣ заявленія привлеченнаго къ отвѣтственности, что онъ не виновенъ, доказчикъ рассказываетъ обстоятельства, которыми, по его мнѣнію, отвѣтчикъ явно изобличается въ совершеніи даннаго похищенія. Судъ рассматриваетъ рассказанное доказчикомъ какъ со стороны фактической достовѣрности, такъ и со стороны логической сообразности и доказательности въ смыслѣ обвиненія. Если послѣ

*) Такъ какъ онъ нарушилъ одно изъ важныхъ требованій *шариата*.

такого разсмотрѣнія показаніе доказчика признается судомъ достовѣрнымъ и убѣдительнымъ, то доказчикъ допускается къ принятію присяги; въ противномъ случаѣ, т. е. когда доброкачественность заявленія доказчика представляется сомнительной, доказчикъ устраняется отъ дѣла, какъ-бы его вовсе не было *).

Примѣчаніе. Доказчикъ, устраненный судомъ за дачу недостовѣрнаго и несообразнаго показанія, права на доказничью плату не имѣетъ и, если она была получена имъ раньше, онъ долженъ возвратить ее потерпѣвшему.

22) Допущенный къ принятію присяги достовѣрный доказчикъ начинаетъ ее словами: „Клянусь именемъ единого и великаго Бога и его святымъ кораномъ въ томъ“... и оканчиваетъ словами: „Въ истинности моего настоящаго показанія цѣлую святой коранъ“, а между приведенными начальными и заключительными словами присяги вновь повторяетъ все показаніе, сдѣланное имъ раньше безъ присяги. Заключительный актъ принятія присяги составляетъ цѣлованіе корана.

23) Послѣ принятія доказчикомъ обвинительной присяги обвиняемому дается двухъ-недѣльный срокъ на представленіе суду доказательствъ неправоиспособности доказчика давать на судѣ присяжныхъ показанія (безприсяжность доказчика) и на этотъ срокъ движеніе дѣла приостанавливается **).

*) Обычный судъ, однако, и тутъ не избѣжалъ разныхъ условностей. Такъ, если доказчикъ заявляетъ, что встрѣтилъ обвиняемаго съ украденнымъ предметомъ ночью и что это было въ 13, 14 или 15-ю ночь луннаго мѣсяца, то увѣреніе его, что онъ узналъ украденный предметъ, признается достовѣрнымъ; если-же онъ не указываетъ въ точности ночи, встрѣчи, то заявленіе его объ опознаніи предмета кражи признается сомнительнымъ и исключается изъ числа доказательствъ правильности обвиненія.

**) Въ послѣднее время эта часть обычнаго судопроизводства, имѣющая логическую связь съ цѣлымъ, уничтожена по настоянію мѣстной ад-

24) Въ означенный двухъ-недѣльный срокъ обвиняемый можетъ обличить доказчика въ томъ, что онъ находится въ условіяхъ, указанныхъ выше въ ст. 19, и тогда присяга послѣдняго признается не дѣйствительной, съ чѣмъ вмѣстѣ дѣло возвращается къ своему первоначальному положенію.

Примѣчаніе 1-е. Что доказчикъ когда либо принялъ ложную присягу—доказывается или письменнымъ удостовереніемъ сельскаго суда, сельскаго правленія, сельскаго общества (почетныхъ стариковъ), или же присяжными показаніями свидѣтелей, въ числѣ не менѣе двухъ. Что къ доказчику примѣнимо одно изъ положеній, означенныхъ въ пунктахъ а, в, г и д ст. 19, подтверждается чрезъ свидѣтелей, въ числѣ не менѣе двухъ, дающихъ свои показанія подъ присягою.

Примѣчаніе 2-е. Доказчикъ, присяжное показаніе котораго опровергнуто въ приведенномъ выше порядкѣ, навсегда теряетъ право давать присяжные показанія въ обычномъ судѣ, не только по дѣламъ другихъ, въ качествѣ доказчика, тусева или свидѣтеля, но и по своимъ собственнымъ дѣламъ, въ качествѣ обвиняемаго, потерпѣвшаго, истца или отвѣтчика.

25) (Пр. об.). Потерпѣвшій отъ похищенія вправѣ привлечь къ суду одно и то же заподозрѣнное имъ лицо, для изобличенія его чрезъ доказчика, три раза и въ три разныхъ срока, т. е. когда показаніе перваго доказчика опровергнуто (признано не дѣйствительнымъ), онъ можетъ въ другой срокъ выставить втораго доказчика, а послѣ втораго—третьяго. Выставленіе болѣе трехъ доказчиковъ не допускается.

министраціи. Нельзя сказать, чтобы уничтоженіе ея состоялось въ интересахъ большей правосудности обычнаго суда, хотя несомнѣнно, что этимъ достигнута большая скорость въ движеніи дѣлъ въ судѣ, что, впрочемъ, весьма важно, такъ какъ горскіе суды въ настоящее время заваливаются дѣлами.

(Совр. об.). Потерпѣвшій можетъ обвинять заподозрѣнное имъ лицо чрезъ одного, двухъ и трехъ доказчиковъ, представляемыхъ въ судѣ одновременно. Если же онъ началъ дѣло съ однимъ доказчикомъ, то къ выставленію потомъ новыхъ доказчиковъ не допускается.

26) Если присяжное показаніе доказчика не опровергнуто въ установленный срокъ, то оно признается безспорнымъ доказательствомъ виновности лица, противъ котораго направлено.

27) Впрочемъ, невинно-оговоренному доказчикомъ оставляется обычаемъ право доказать свою правоту и послѣ истеченія помянутаго двухъ недѣльнаго срока, но лишь путемъ изобличенія на судѣ дѣйствительно виновнаго въ данномъ похищеніи. При этомъ невинно-осужденный, привлекшій къ отвѣтственности другого, не можетъ обвинять послѣдняго ни чрезъ доказчика, ни чрезъ тусевоу и свидѣтелей, а долженъ представить противъ него вещественныя улики преступленія (собственно, похищенный предметъ или какую нибудь часть его). Невинно-осужденный за какое либо похищеніе, доказавшій въ указанномъ выше порядкѣ виновность въ томъ похищеніи другого лица, получаетъ отъ послѣдняго лица все то удовлетвореніе, какое самъ сдѣлалъ потерпѣвшему, и, сверхъ того, можетъ искать на немъ всѣ понесенныя имъ чрезъ осужденіе его убытки.

Примѣчаніе. Доказчикъ или доказчики, оговорившіе лицо, признанное потомъ не виновнымъ, подвергаются послѣдствіямъ, указаннымъ въ прим. 2 къ ст. 24.

ГЛАВА III.

Свидѣтели и обвиненіе чрезъ нихъ похитителя.

28) Потерпѣвшій отъ похищенія скота или иного имущества, въ случаѣ неимѣнія доказчика, можетъ обличить обвиняемаго чрезъ свидѣтелей даннаго похищенія.

29) Свидѣтелями на судѣ не могутъ быть лица, находящіяся въ условіяхъ, означенныхъ выше въ ст. 19, въ пункт. б, в и г; но женщины въ свидѣтельницы допускаются наравнѣ съ мужчинами, а родственники сторонъ, такъ-же, какъ и малолѣтніе, выставленные свидѣтелями, допрашиваются всегда безъ присяги *).

30) Свидѣтели допрашиваются на судѣ порознь и предварительно безъ присяги. На показанія свидѣтелей обвиняемые могутъ дѣлать возраженія, выставляя въ подтвержденіе ихъ своихъ свидѣтелей, допрашиваемыхъ также порознь и безъ присяги.

31) Выслушавъ показанія свидѣтелей сторонъ и возраженія отвѣтника, судъ по совѣсти и по разуму рѣшаетъ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ допустить свидѣтелей обвинителя (потерпѣвшаго) къ подтвержденію сдѣланныхъ ими показаній подъ присягою.

*) Какъ уже сказано выше, по кореннымъ обычаямъ обвиненіе устанавливается посредствомъ *доказчика* (наемнаго свидѣтеля) или *тусевоо* (присяжниковъ), свидѣтелямъ-же предоставлена иная, служебная роль. Введеніе свидѣтелей въ качествѣ фактора, могущаго замѣнять собою доказчика и тусевоо, принадлежитъ уже намъ. Но такъ какъ мы не могли придумывать для свидѣтелей новые обычай въ духѣ народныхъ, то пригнани къ нимъ законоположенія о свидѣтеляхъ, находящіяся въ нашихъ судебныхъ уставахъ. Однако, въ силу необходимости, въ этихъ законоположеніяхъ сдѣланы тѣ измѣненія, которыя оказались неизбѣжными для согласованія роли свидѣтеля со всеѣмъ строемъ обычнаго судопроизводства.

Въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, свидѣтели объявляются недостоверными и устраняются отъ дѣла, а потерпѣвшему дается право изобличить обвиняемаго посредствомъ доказчика, или-же окончить съ нимъ дѣло назначеніемъ ему очистительной присяги съ тусевами (глав. IV).

Положительное рѣшеніе вопроса ведетъ за собою приведеніе свидѣтелей потерпѣвшаго къ присягѣ въ подтвержденіе сдѣланныхъ ими раньше показаній.

Примѣчаніе 1-е. Присяжныхъ свидѣтелей не можетъ быть менѣе двухъ, не считая малолѣтнихъ и родственниковъ потерпѣвшаго, не имѣющихъ права принимать присягу.

Примѣчаніе 2-е. Въ современномъ судѣ допускается иногда допросъ свидѣтелей и послѣ привода ихъ къ присягѣ. Это именно въ двухъ случаяхъ: 1) когда пожелаетъ самъ потерпѣвшій, и 2) когда самъ судъ признаетъ это нужнымъ, въ видахъ побужденія свидѣтелей къ дачѣ правдивыхъ показаній. Однако, для примѣненія допроса подъ присягою необходимо, чтобы свидѣтели были выставлены только одною изъ тяжущихся сторонъ.

32) Послѣ подтвержденія свидѣтелями сдѣланныхъ ими показаній подъ присягою, обвиненіе привлеченнаго къ отвѣтственности признается доказаннымъ и онъ присуждается къ удовлетворенію потерпѣвшаго, согласно обычаю.

Примѣчаніе. Присягу свидѣтели принимаютъ по формулѣ присяги доказчика (ст. 22), включая еще въ нее слова: «даю свое показаніе не ради корысти, а ради правды».

Присяга свидѣтеля не можетъ быть опровергнута въ порядкѣ опроверженія присяги доказчика.

ГЛАВА IV.

Тусевы и способ обвиненія или оправданія подозрѣваемаго посредствомъ тусевовъ.

33) Если потерпѣвшій не можетъ обличить обвиняемаго въ совершеніи похищенія ни чрезъ доказчика, ни чрезъ свидѣтелей, то онъ вправѣ привлечь его къ дачѣ очистительной присяги, потребовавъ, чтобы она была дана имъ не единолично, а съ извѣстнымъ числомъ указанныхъ имъ, потерпѣвшимъ, постороннихъ лицъ; эти присяжники—постороннія лица называются *тусевами* *).

34) *Тусевовъ* потерпѣвшій назначаетъ изъ числа родственниковъ или близкихъ знакомыхъ обвиняемаго; не возбраняется, впрочемъ, назначать въ *тусевы* и лицъ постороннихъ, даже не знакомыхъ съ обвиняемымъ **).

35) По дѣламъ о похищеніи имущества (какъ, впрочемъ, и по всякаго рода инымъ дѣламъ) *тусевами* не могутъ быть лица, находящіяся въ условіяхъ,

*) Въ основаніи назначенія тусевовъ лежитъ та идея, что всякій, знающій виновность заподозрѣннаго, но уклоняющійся отъ свидѣтельства объ этомъ на судѣ (а уклоненіе обязательно въ виду того, что такое свидѣтельство считается личнымъ оскорбленіемъ и влечетъ за собою мщеніе со стороны лица, противъ котораго оно направлено), поневолѣ откроетъ истину, если противоположный образъ дѣйствія ставитъ его въ необходимость совершить тяжкій грѣхъ лжеприсяжничества.

**) Родственники и близкіе знакомые назначаются по тому соображенію, что имъ болѣе, чѣмъ другимъ, должны быть извѣстны какъ образъ жизни обвиняемаго, вообще, такъ и то, совершилъ онъ данное дѣяніе или не совершилъ. Давая-же право потерпѣвшему назначать тусевами, и лицъ, не знакомыхъ съ обвиняемымъ, обычай имѣетъ въ виду, что свидѣтелями совершенія послѣднимъ преслѣдуемаго дѣянія могутъ быть и подобныя лица. Нужно замѣтить, что потерпѣвшіе пользуются этимъ правомъ для включенія въ число тусевовъ и своихъ тайныхъ доказчиковъ.

означенныхъ въ пункт. *а* и *в* ст. 19. Также не могутъ быть *тусевами*: а) женщины, б) несовершеннолѣтніе до 15 лѣтъ, в) лжеприсяжники, г) вторично женившіеся на своей разведенной женѣ безъ соблюденія установленныхъ *шариатомъ* правилъ и д) жители мѣстностей, не входящихъ въ районъ Хасавъ-юртовскаго округа.

36) Отъ обязанностей *тусева* освобождаются: мулла, кадій, князь, сельскій старшина, народный судья и затѣмъ всякій, принявшій присягу никогда ни самому не принимать присяги въ качествѣ доказчика и *тусева*, ни другимъ не давать ее и имѣющей въ этомъ письменное свидѣтельство отъ духовнаго лица *).

Примѣчаніе. Не разрѣшается принимать присягу и быть тусевомъ родныхъ дѣтей или родителей, а потому, если-бы кто и принялъ такую присягу она, признается не дѣйствительной.

37) Въ случаѣ кражи одной лошади, одного буйвола или одной буйволицы, обвиняемому назначается присяга съ *двуми* тусевами.

Если обвиняемыхъ въ кражѣ одной лошади, одного буйвола или одной буйволицы нѣсколько, то каждому изъ нихъ назначается по *два* тусева.

*) У мусульманъ принятіе присяги по какому бы то ни было поводу признается предосудительнымъ; вотъ поэтому и освобождаются отъ обязанностей присяжниковъ (тусевовъ) почетныя лица.

Что касается обычая принимать разъ навсегда присягу не быть въ обычномъ судѣ доказчикомъ или тусевомъ, то источникомъ его является убѣжденіе, что менѣе предосудительно принять присягу разъ, чѣмъ принимать ее многократно. Впрочемъ, въ настоящее время, благодаря ослабленію религіознаго чувства—съ одной стороны, и легкой подкупности невѣжественныхъ мусульманскихъ мулл—съ другой, этимъ обычаемъ сильно злоупотребляютъ: принимаютъ присягу, по просьбѣ обвиняемаго, передъ явкой въ судъ, или присяги вовсе не принимаютъ, а запасаются только свидѣтельствомъ духовнаго лица. Существованіе указанныхъ злоупотребленій заставило горскій судъ начать борьбу съ этимъ обычаемъ и теперь онъ практикуется въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Въ случаѣ кражи одного быка, одной коровы, одного теленка, одного осла, назначается обвиняемому присяга съ *однимъ* тусевомъ, и, если обвиняемыхъ нѣсколько, то тусевовъ должно быть по *одному* на каждого изъ нихъ.

Въ случаѣ кражи мелкаго скота, число тусевовъ опредѣляется количествомъ украденнаго: если украдено 10 головъ или менѣе, то — *одинъ* тусевъ, а если болѣе десяти головъ, то *два* — тусева, съ соблюденіемъ того правила относительно нѣсколькихъ обвиняемыхъ, которое приведено выше.

Обвиняемому въ кражѣ домашней птицы тусевовъ не назначается вовсе, но для оправданія себя онъ долженъ принять очистительную присягу *единолично*.

38) Въ случаѣ кражи двухъ или большаго числа лошадей, двухъ или большаго числа крупнаго рогатаго скота, число тусевовъ, назначаеваемыхъ обвиняемымъ, опредѣляется по нормѣ, приведенной въ предыдущей статьѣ; но это число не можетъ превышать *двѣнадцати* на каждого обвиняемаго, ибо только двѣнадцать тусевовъ назначается по дѣлу убійства.

39) Если какое либо имущество (кромѣ скота) украдено изъ жилого помѣщенія, то потерпѣвшій вправѣ требовать назначенія обвиняемому *шести* тусевовъ, какова бы ни была стоимость украденнаго; если же такое имущество украдено изъ не жилого помѣщенія (двора, сарая и пр.), то онъ можетъ требовать назначенія *трехъ* тусевовъ, также не принимая въ соображеніе цѣны украденнаго *).

*) Такимъ образомъ, вся квалифікація преступленій кражи по горскимъ обычаямъ исчерпывается раздѣленіемъ этихъ преступленій на кражу скота, кражу имущества изъ жилого помѣщенія и кражу такого же

Примѣчаніе. Въ прежнее время въ первомъ изъ приведенныхъ случаевъ назначалось двѣнадцать тусевоу, а во второмъ—шесть.

40) Тусевы назначаются потерпѣвшимъ непременно въ присутствіи обвиняемаго, который пользуется правомъ отвода ихъ по причинамъ, предусмотрѣннымъ обычаемъ (ст. 35). Въмѣсто правильно отведенныхъ тусевоу потерпѣвшій въ то-же время назначаетъ другихъ.

41) Назначенныхъ въ указанномъ порядкѣ тусевоу долженъ доставить въ опредѣленное мѣсто (въ судъ) самъ обвиняемый. Потерпѣвшій можетъ, если пожелаетъ, взять и на себя доставленіе тусевоу, но это для него не обязательно, кромѣ случая, когда онъ назначилъ въ тусевы людей, неизвѣстныхъ вовсе обвиняемому.

Примѣчаніе. Въ старое время, до изданія для народнаго суда особой инструкціи (1860 г.), обстоятельство не отвода обвиняемымъ назначенныхъ ему тусевоу безъ уважительныхъ причинъ признавалось отрицательнымъ доказатель-

нства изъ не жилого помѣщенія. Основаніемъ квалификаціи, какъ легко понять, служитъ соображеніе не о томъ, какова степень преступности воли похитителя, или какія приняты преступникомъ мѣры къ достиженію цѣли преступленія, или какова цѣнность похищеннаго предмета и т. п., а о томъ, на сколько оскорбительно для чести потерпѣшаго совершенное посягательство на его матеріальное достоиніе. Лошадь можно украсть съ пастбы, вдали отъ хозяина ея, даже не зная—чья она; чтобы украсть имущество изъ огороженнаго двора, нужно имѣть дерзость сомнѣваться въ способности хозяина двора охранить свое добро, а чтобы покуситься проникнуть въ его жилище, необходимо презирать его какъ противника, считать себя неизмѣримо смѣлѣе и отважнѣе его. Исходя изъ этого соображенія, горець и не подумалъ подраздѣлить кражи на простую, со взломомъ, при оружіи и пр. Но если-бы онъ надумался сдѣлать это, то у него, очевидно, получилась бы квалификація кражъ, какъ разъ противоположная принятой нашими законами: кража при оружіи оказалась-бы, напр. менѣе важной, чѣмъ кража безъ оружія, такъ какъ она менѣе оскорбительна для собственника украденнаго.

ствомъ его виновности и, поэтому, судъ поступалъ съ нимъ, обвиняемымъ, такъ, какъ если-бы онъ былъ изобличенъ въ данномъ похищеніи. Но послѣ изданія инструкции, на основаніи которой народный судъ обязанъ былъ подвергать виновныхъ уголовной карѣ по установленіи, разумѣется, факта виновности положительнымъ образомъ, практиковать приведенный способъ обвиненія оказалось невозможнымъ. Въ видѣ выхода изъ затрудненія, народный судъ призналъ за собою право въ тѣхъ случаяхъ, когда тусевы отказываются являться въ судъ по приглашенію обвиняемаго, требовать ихъ къ себѣ чрезъ посредство полиціи *).

42) Обязанность вызванныхъ въ судъ тусевовъ заключается въ томъ, чтобы или очистить обвиняемаго отъ взведеннаго на него обвиненія утвержденіемъ подъ присягою, что онъ даннаго похищенія не совершилъ, или обвинить его утвержденіемъ подъ присягою, что похищеніе совершено дѣйствительно имъ, обвиняемымъ.

43) Поэтому вызванный въ судъ тусевъ, не имѣющій признаваемыхъ обычаемъ поводовъ къ отводу себя, не вправѣ отказаться отъ принятія за обвиняемаго очистительной или обвинительной присяги, подъ опасеніемъ за отказъ отъ исполненія сего обычая подвергнуться матеріальной отвѣтственности за похищеніе **).

*) Теперь горскіе суды руководствуются не этою инструкціею, а особыми *временными правилами для горскихъ судовъ*, изданными въ 1870 г.

**) Обычай этотъ и несправедливъ, и не согласенъ съ обычаями горцевъ сѣверо-восточнаго Дагестана, въ большинствѣ случаевъ тождественными съ кумыцкими обычаями. Въ этой части Дагестана, если тусевы заявляютъ, что, ничего не зная о виновности привлеченнаго къ отвѣтственности, они не могутъ ни очистить, ни обвинить его, то отъ нихъ требуется категорическое заявленіе: потому-ли они не очищаютъ обвиняемаго, что знаютъ его за человѣка, склоннаго къ воровству и вообще не одобрительнаго поведенія, или же потому только, что опасаются ошибиться по совершенному незнацію дѣла? Въ случаѣ отвѣта тусевовъ въ смыслъ перваго вопроса, потерпѣвшему дается право повто-

44) Порядокъ производства въ судѣ дѣла съ тусевами слѣдующій: тусевы до привода ихъ къ присягѣ спрашиваются: обвиняютъ они или очищаютъ обвиняемаго. Послѣ отвѣта ихъ: „очищаемъ“, очистительная присяга дается сначала самому обвиняемому, а послѣ него и имъ. Но если хоть одинъ изъ тусевовъ заявляетъ, что не можетъ очистить обвиняемаго, то послѣдній къ очистительной присягѣ не допускается, а тусевъ или тусевы, сдѣлавшіе вышеприведенное заявленіе, приглашаются принять присягу въ томъ, что они навѣрное знаютъ о совершеніи обвиняемымъ даннаго похищенія. При этомъ тусевы, не присоединившіеся къ своимъ товарищамъ, сдѣлавшимъ указанное заявленіе, отъ присяги освобождаются вовсе.

Примѣчаніе. Одно изъ существеннѣйшихъ отличій тусева отъ доказчика состоитъ въ томъ, что тусевъ не обя-

рять обвиненіе подъ присягою и, послѣ того, оно считается доказаннымъ; отвѣтъ-же тусевовъ въ смыслѣ второго вопроса даетъ, напротивъ, самому обвиняемому право снять съ себя обвиненіе принятіемъ присяги съ двумя своими ближайшими родственниками и, по исполненіи этого, онъ выходитъ изъ суда оправданнымъ.

Кумыки утверждаютъ, что ихъ обычай въ данномъ случаѣ старѣе дагеставскаго, т. е. что древній обычай, со временемъ измѣнившійся въ Дагестанѣ, остался неприкосновеннымъ въ кумыцкомъ народѣ. Какъ бы то ни было, но обычай кумыковъ ставить передъ тусевами, часто дѣйствительно ничего не знающими о дѣлѣ, по которому отъ нихъ требуется присяга, крайне странную дилемму: ничего не зная, принять присягу за или противъ обвиняемаго, значить рисковать очутиться лжеприсяжникомъ, отказаться-же отъ присяги вовсе—значить подвергнуться безъ вины отвѣтственности за похищеніе.

Современный судъ, въ виду неудобопримѣнимости обычая во всей его чистотѣ, не рѣдко устраниваетъ ничего незнающихъ тусевовъ своею властью, замѣняя ихъ другими, по указанію потерпѣвшаго. Независимо отъ этого и самъ народъ дополнилъ обычай установленіемъ правила, что по требованію незнающихъ дѣла тусевовъ, обвиняемый, до явля въ судъ, долженъ принять при нихъ очистительную присягу, совместно съ ближайшими своими родственниками: гарантированные такою присягою, они уже съ спокойною совѣстью принимаютъ сами присягу въ судѣ.

занъ убѣждать судъ въ основательности заявленія о виновности; онъ говоритъ только: «не очищаю, а обвиняю» и затѣмъ судъ довѣряется его заявленію лишь потому, что оно подтверждается присягою.

45) Обвиняемый, принимая очистительную присягу, произноситъ: „клянусь именемъ единого и великаго Бога и его святымъ кораномъ, что у такого-то (называется потерпѣвшій) того-то (называется предметъ похищенія) я не укралъ, а кто у него укралъ его—я не знаю“. Очищающіе его тусевы принимая присягу всѣ вмѣстѣ, произносятъ каждый: „клянусь именемъ единого и великаго Бога и его святымъ кораномъ въ томъ, что такой то (называется обвиняемый) у такого-то (называется потерпѣвшій) того-то (называется предметъ похищенія) не укралъ и что показываю это не ради родства, дружбы или вражды къ такому-то и такому-то (называются похититель и обвиняемый), а правды ради. Въ удостовѣреніе сей моей клятвы пѣлую святой коранъ“.

46) Принявшій съ тусевами очистительную присягу признается оправданнымъ отъ взведеннаго на него обвиненія и вновь по тому-же дѣлу не можетъ быть обвиняемъ.

47) Обвинительная присяга принимается тусевомъ по формулѣ присяги очистительной, но вмѣсто словъ: „не укралъ“, произносятся слова: „дѣйствительно укралъ“.

48) По принятіи тусевомъ обвинительной присяги, обвиняемый получаетъ право въ двухъ-недѣльный срокъ опровергнуть эту присягу въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ опровергается присяга доказчика *).

*) Въ самое послѣднее время этотъ обычай уничтоженъ (см. пр. къ ст. 23). Вмѣсто акта опроверженія присяги теперь требуютъ отъ тусе-

49) Если присяга тусева опровергнута, то виновность привлеченнаго къ отвѣтственности признается не доказанною и дѣло возвращается къ своему первоначальному положенію. Самъ-же тусевъ, вслѣдствіе опроверженія его присяги, становится лжеприсяжникомъ и подвергается послѣдствіямъ, указаннымъ въ пр. 2-мъ къ ст. 24.

50) (Прежн. об.). Когда обвинительная присяга тусева или тусевова опровергнута, потерпѣвшій можетъ назначить обвиняемому другихъ тусевова. Затѣмъ онъ имѣетъ право, въ случаѣ надобности, назначить тусевова и въ третій разъ. Назначеніе тусевова болѣе трехъ разъ не допускается.

(Совр. об.). Потерпѣвшій пользуется правомъ, не зависимо отъ обвиненія заподозрѣннаго имъ лица чрезъ доказчика, заставить это лицо очиститься отъ обвиненія или подозрѣнія съ тусевами, назначенными только одинъ разъ. Въ случаѣ опроверженія обвинительной присяги тусевова, отвѣтчикъ оправдывается судомъ за бездоказательностью обвиненія *).

51) Потерпѣвшій отъ похищенія можетъ привлечь къ очистительной присягѣ съ тусевами послѣдовательно только трехъ лицъ. Если всѣ три обвиняемыхъ отъ обвиненія очистятся, то потерпѣвшій навсегда теряетъ право привлекать кого либо къ отвѣтственности по данному дѣлу похищенія въ обычномъ судѣ.

52) Если обвиняемый въ похищеніи скота или иного имущества — лжеприсяжникъ, то онъ не допускается къ очистительной присягѣ съ тусевами, а виновъ, а также и отъ доказчиковъ, удостовѣренія сельскаго правленія въ ихъ одобрительномъ поведеніи.

*) Измѣненіе обычаевъ, приводимыхъ какъ въ этой статьѣ, такъ и выше, въ ст. 25, послѣдовало только въ 1881 году и по инициативѣ не народа, а мѣстной администраціи.

новность его устанавливается обвинительною присягою самого жалобщика (потерпѣвшаго).

53) Когда и обвинитель, и обвиняемый—оба лжеприсяжники, тогда къ принятію за обвиняемаго очистительной присяги съ тусевами привлекается его ближайшій родственникъ со стороны отца; при отказѣ же этого родственника отъ принятія очистительной присяги, какъ равно при отсутствіи родственниковъ, обвиненіе можетъ быть доказано обвинительною присягою ближайшаго родственника самого потерпѣвшаго (обвинителя).

ГЛАВА V.

Объ удовлетвореніи потерпѣвшихъ отъ похищенія за вредъ и убытки.

54) Обвинительная присяга доказчика и тусевовъ, не опровергнутая въ установленномъ обычаемъ порядкѣ, также обвинительная присяга свидѣтелей и, въ подлежащихъ случаяхъ, самого потерпѣвшаго или его ближайшихъ родственниковъ влекутъ за собою признаніе виновности призваннаго къ отвѣтственности лица и присужденіе съ него въ пользу потерпѣвшаго удовлетворенія за похищеніе.

Примѣчаніе. Сверхъ того, признанный виновнымъ въ похищеніи приговаривается народнымъ судомъ къ наказанію на основаніи устава и уложенія о наказаніяхъ *).

55) Что разумѣется подъ выраженіемъ „удовлетвореніе потерпѣвшаго“ указано выше въ ст. 5 и 9;

*) Согласно *Временныхъ правилъ для горскихъ судовъ Терской и Кубанской областей*, изданныхъ въ 1870 году.

въ какомъ же порядкѣ производится удовлетвореніе—излагается въ послѣдующихъ статьяхъ.

56) Въ случаѣ возвращенія похитителемъ потерпѣвшему не всего, что было похищено, а только части похищенного, размѣръ вознагражденія за остальную часть опредѣляется присяжнымъ показаніемъ самого потерпѣвшаго, а за смертью его, его наслѣдниковъ. Однако, не только не возбраняется, но признается болѣе умѣстнымъ устанавливать этотъ размѣръ по полюбовному соглашенію сторонъ, съ освобожденіемъ потерпѣвшаго отъ присяги.

57) Когда взамѣнъ похищенного предмета потерпѣвшему отдается другой, однородный съ первымъ предметъ, но меньшей стоимости, тогда разница въ стоимости отдаваемого и похищенного предметовъ опредѣляется присяжнымъ показаніемъ самого потерпѣвшаго или его наслѣдниковъ, если только между сторонами не состоится полюбовнаго соглашенія безъ присяги.

58) Когда за похищенный предметъ вознагражденіе производится деньгами, размѣръ денежной суммы опредѣляется присяжнымъ показаніемъ потерпѣвшаго, если между сторонами не состоится полюбовнаго соглашенія безъ присяги.

59) (Пр. об.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ похищенія—лошадь, буйволица или буйволъ, или иной крупный домашній скотъ, для точнаго опредѣленія размѣра вознагражденія поступаютъ слѣдующимъ образомъ: смотря по тому, какой именно скотъ похищенъ, потерпѣвшій выставляетъ двухъ лошадей, двухъ буйволовъ или двѣ головы другого домашняго скота—одну большей, а другую меньшей стоимости, затѣмъ онъ заявляетъ, что если отъ него потребуется при-

сяга, то онъ присягнетъ въ равноцѣнности похищенной у него головы скота съ лучшею изъ двухъ выставленныхъ головъ, если-же похититель отъ присяги освободить его, то онъ удовлетворится вознагражденіемъ по стоимости худшей изъ этихъ головъ скота. Послѣ выбора похителемъ одного изъ двухъ предложенныхъ ему способовъ расплаты съ потерпѣвшимъ, голова скота, на которой установилось соглашеніе (по присягѣ или безъ присяги), оцѣнивается сторонними посредниками и оцѣночная сумма взыскивается съ похитителя въ пользу потерпѣвшаго.

Примѣчаніе. Стороны или сами выбираютъ стороннихъ оцѣнщиковъ, или оцѣнщики назначаются по усмотрѣнію суда.

(Совр. об.). За похищенный и не возвращенный домашній скотъ, какъ равно за похищенное и не возвращенное иное имущество, похититель вознаграждаетъ потерпѣвшаго по присяжной оцѣнкѣ послѣдняго, если только между тѣмъ и другимъ не состоится на этотъ счетъ безприсяжнаго соглашенія.

60) Размѣръ вознагражденія потерпѣвшаго за всѣ другіе (кромѣ похищеннаго предмета) расходы и убытки, причиненные похищеніемъ, включая и плату доказчику, опредѣляется такъ: потерпѣвшій перечисляетъ всѣ статьи расходовъ и убытковъ, дѣлая при этомъ подробныя указанія: когда, гдѣ и почему произведены расходы и какимъ образомъ произошли убытки; въ случаѣ требованія обвиняемаго, уважаемаго судомъ, потерпѣвшій доказываетъ правильность своихъ заявленій чрезъ свидѣтелей, исключая показанія о платѣ доказчику, которое гарантируется единственно присягою. Послѣ провѣрки каждой отдѣльной статьи расходовъ и убытковъ и опредѣленія об-

шей суммы ихъ, судъ склоняетъ стороны къ окончанію дѣла по полюбовному соглашенію, когда-же соглашенія не состоится, онъ разрѣшаетъ вопросъ о размѣрѣ вознагражденія на основаніи присяги потерпѣвшаго *).

ГЛАВА VI.

Объ опознаніи и обратномъ полученіи скота или иного имущества.

61) Каждый, у кого похищенъ скоть или какое-либо иное имущество, если онъ не найдетъ виновнаго въ похищеніи, но опознаетъ у кого-либо похищенное, имѣетъ право отобрать опознанное отъ новаго владельца, доказавъ правильность опознанія.

62) Правильность опознанія похищеннаго предмета доказывается чрезъ свидѣтелей, которыхъ по дѣлу опознанія должно быть не менѣе двухъ.

63) По дѣламъ объ опознаніи похищеннаго скота или иного имущества свидѣтелями не могутъ быть: а) лишенный права быть тусевомъ и б) тотъ, кто долженъ отводиться отъ свидѣтельствванія подъ присягою согласно ст. 29.

Независимо отъ этого, свидѣтель по дѣлу опознанія похищеннаго долженъ быть вообще одобрительнаго поведенія, а потому являющійся такимъ свидѣтелемъ обязанъ имѣть при себѣ удостовѣреніе своего сельскаго общества или сельскаго старшины въ томъ, что онъ поведенія хорошаго и никогда ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ.

*) По духу горскихъ обычаевъ въ этомъ, собственно, и заключается роль суда. Наложеніе-же на виновныхъ наказаній въ логической связи съ обычаями не находится.

64) Если опознается скоть или иное такое имущество, которое встрѣчается не въ одномъ, а во многихъ видахъ, различающихся лишь въ частностихъ (отдѣльныхъ примѣтахъ), то свидѣтели, прежде производства имъ допроса, приглашаются указать опознаваемый предметъ между многими другими однородными съ нимъ предметами. Ошибочное указаніе ими не того предмета, на который предъявлено требованіе самимъ потерпѣвшимъ, признается доказательствомъ лживости свидѣтелей и они уstraняются отъ свидѣтельствваній.

Примѣчаніе. Когда опознается лошадь или другой скоть, опознаваемая голова скота пускается въ соотвѣтствующій табунъ и свидѣтелямъ предоставляется розыскать и показать ее въ табунѣ; когда опознается сѣдло, кинжалъ и тому подобные неодушевленные предметы, то собирается множество сѣделъ, кинжаловъ и, вообще, предметовъ, однородныхъ съ опознаваемымъ, въ число ихъ включается этотъ послѣдній предметъ—и свидѣтели должны найти и указать его.

По трудности выполненія этого обычая для существующихъ горскихъ судовъ, онъ примѣняется въ этихъ судахъ съ значительными отступленіями. Взамѣнъ посылки свидѣтелей въ табунъ или предъявленія имъ извѣстнаго количества предметовъ, однородныхъ съ опознаваемымъ, этимъ свидѣтелямъ предлагается сдѣлать отчетливое и точное описаніе примѣтъ опознаваемого, а по исполненіи ими этого, описанный предметъ прямо предъявляется имъ для осмотра и подтвержденія, что онъ тотъ самый, который похищенъ у потерпѣвшаго. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда и горскій судъ выполняетъ описанный обычай во всей точности.

65) Свидѣтели, опознавшіе похищенный предметъ, въ указанномъ выше порядкѣ, подтверждають опознаніе подъ присягою, соотвѣтствующею по формѣ присягѣ обыкновенныхъ свидѣтелей (глава III).

66) (Пр. об.). По исполненіи приведеннаго обряда

опознание признается доказанным и опознанный предмет тотчас передается доказавшему на него право собственности; тому-же, у кого этот предмет отобранъ, въ свидѣтельство состоявшаго опознанія выдается, по требованію его, особый знакъ, называемый *ай-ляма-каказъ*, что значить *круговая бумага*.

(Совр. об.). Въ отношеніи первой половины статьи тотъ-же, что и прежній, относительно же второй половины см. статью 67 (Совр. об.).

67) (Пр. об.). *Ай-ляма-каказъ*, передаваемый опознавшимъ похищенный предметъ тому, у кого онъ отобранъ, состоитъ изъ: а) удостовѣренія суда, рассматривавшаго дѣло о состоявшемся опознаніи и б) завернутаго или завязаннаго въ кусокъ бязи, величиною въ $\frac{1}{2}$ *ханскаго* аршина ($\frac{3}{4}$ русскаго аршина), серебрянаго *абаза* (20 коп. серебряная монета) *).

(Совр. об.). Взамѣнъ *ай-ляма-каза* тому, у кого отобранъ опознанный предметъ, выдается на этотъ счетъ удостовѣреніе суда или копія съ судебного рѣшенія **).

*) Не имѣя точныхъ свѣдѣній о происхожденіи *ай-ляма-каза* и назначеніи непремѣнныхъ принадлежностей его—серебрянаго *абаза* и платка изъ бязи, позволяю себѣ дать на этотъ счетъ гадательное объясненіе. Монета *абазъ* или *абасъ*, по всей вѣроятности, получила свое названіе отъ одного изъ шаховъ съ именемъ Абасса. Можно полагать, что на монетѣ находился какой-нибудь текстъ изъ корана или иное изреченіе, говорившее о величій шахской власти и обязательности его повелѣній, и поэтому монета имѣла въ глазахъ народа двоякое значеніе: значеніе денегъ и значеніе символа царскаго повелѣнія. Въ такомъ случаѣ, актъ передачи монеты вмѣстѣ съ судебнымъ рѣшеніемъ, естественно, могъ выражать собою предупрежденіе или напominаніе объ обязательной силѣ судебного рѣшенія. Происхожденіе куска бѣлой матеріи или платка, въ который завертывается *абазъ*, при такихъ условіяхъ, весьма легко объясняется благоговѣйнымъ отношеніемъ народа къ символу.

**) Въ данномъ случаѣ, новый обычай далеко не соответствуетъ, по идеѣ, прежнему. Копія съ рѣшенія суда, служа для того, кому она выдана, доказательствомъ состоявшаго опознанія у него извѣстнаго пред-

68) (Пр. об.). Получившій *ай-ляма-кагазъ*, если опознанный предметъ дошелъ до него путемъ правильного приобрѣтенія отъ другого, передаетъ этотъ знакъ продавцу предмета и получаетъ отъ него обратно отданную плату. Въ свою очередь, продавецъ предмета, сдѣлавшись обладателемъ *ай-ляма-кагаза*, передаетъ его предыдущему продавцу, по полученіи отъ него своей платы, и въ такомъ порядкѣ знакъ переходитъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока не перейдетъ къ тому продавцу, которому некому передать его.

(Совр. об.). Получившій взамятъ *ай-ляма-кагаза* копию съ судебного рѣшенія, или удостовѣреніе суда предъявляетъ этотъ документъ продавцу опознаннаго предмета, требуя возврата полученной за него платы. Если продавецъ согласенъ исполнить приведенное требованіе, то онъ принимаетъ документъ при посредствѣ сельской власти и потомъ самъ распоряжается имъ по примѣру своего предшественника. Если же продавецъ отъ возврата полученной платы отказывается, то о взысканіи ея, въ виду состоявшагося судебного рѣшенія, владѣлецъ копии или удостовѣренія долженъ обратиться въ подлежащій судъ. Въ томъ же порядкѣ можетъ взыскиваться плата за опознанный предметъ со всѣхъ участвовавшихъ въ перепродажѣ его.

69) Но случается, что *ай-ляма-кагазъ* (или свидѣтельство), переходя отъ одного къ другому, попа-

мета, не даетъ ему, обладателю копія, права на обратное полученіе платы отъ продавца предмета безъ особаго судебного разбирательства дѣла. Между тѣмъ, *ай-ляма-кагазъ* обязывалъ всѣхъ, къ кому онъ переходилъ, непременно разсчитаться съ прежними обладателями его. Уничтоженіе *ай-ляма-кагаза* произошло гдѣ 25—30 тому назадъ. Въ Дагестанѣ онъ существуетъ, кажется, и теперь.

даетъ въ руки того, кто обладалъ опознаннымъ предметомъ при условіяхъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ невозможности правильнаго опознанія его кѣмъ либо другимъ. Примѣры: а) опознанъ предметъ, собственноручно сдѣланный кѣмъ либо изъ участвовавшихъ въ перепродажѣ его, или сдѣланный хоть и постороннимъ лицомъ, но по заказу одного изъ этихъ участвовавшихъ; б) опознано домашнее животное, родившееся и выросшее у того продавца его, которымъ начинается рядъ перекупщиковъ животнаго; в) опознанъ предметъ, находившійся у кого либо изъ перекупщиковъ его раньше, чѣмъ такой же предметъ былъ похищенъ у опознаваемаго его—и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ обычай допускаетъ признаніе состоявшагося опознанія ложнымъ, или обратное опознаніе *).

70) Заявленіе о неправильности состоявшагося опознанія, сдѣланное однимъ изъ получившихъ преемственно *ай-лама-кагазъ* (или свидѣтельство), подтверждается на судѣ присяжными показаніями выставленныхъ заявителемъ свидѣтелей, число которыхъ должно вдвое превышать число свидѣтелей, участвовавшихъ въ дѣлѣ самаго опознанія.

71) Послѣ признанія состоявшагося опознанія ложнымъ или ошибочнымъ, опознанный предметъ передается тому, кто доказалъ это обстоятельство. При этомъ всѣ претензіи лицъ, участвовавшихъ въ куплѣ и продажѣ обратно-опознаннаго предмета, разрѣшаются судомъ по обычаямъ, существующимъ для гражданскихъ тяжбъ и исковъ.

*) Современный горскій судъ можетъ практиковать этотъ обычай не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей инстанціи суда, такъ какъ всякое дѣло объ обратномъ опознаніи есть, въ сущности, дѣло объ отмѣнѣ состоявшагося прежде окончательнаго рѣшенія суда.

Примѣчаніе. Въ случаѣ признанія судомъ обратнаго опознанія правильнымъ, свидѣтели по дѣлу первоначальнаго опознанія объявляются лжеприсяжниками.

72) Если опознавшій и получившій похищенный у него предметъ желаетъ получить также понесенные чрезъ похищеніе убытки, то онъ, независимо отъ акта опознанія, долженъ еще исполнить актъ изобличенія кого-либо въ совершеніи даннаго похищенія. Впрочемъ, онъ не имѣетъ въ этомъ случаѣ надобности прибѣгать къ обычнымъ приемамъ обвиненія (доказчикъ, свидѣтели, тусевы), а можетъ, начавъ съ послѣдняго владѣльца похищеннаго, переносить обвиненіе послѣдовательно на всѣхъ участвовавшихъ въ перепродажѣ его лицъ. То изъ этихъ лицъ, которое не докажетъ правильности пріобрѣтенія опознаннаго предмета, признается виновнымъ въ похищеніи его и на него возлагается обычное удовлетвореніе потерпѣвшаго.

1881 г.

Сл. Хасавъ-юртъ.

КУМЫЦКІЯ ПѢСНИ.

Кумыки (разумѣю не однихъ обитателей кумыцкой плоскости, но весь кумыцкій народъ) любятъ и умѣютъ пѣть пѣсни. А что касается кумыковъ собственно аксаевского или притеречнаго района, то они предаются пѣнію пѣсенъ (да и танцамъ) со всѣмъ увлеченіемъ беззаботныхъ и разудалыхъ людей. Кумыцкія пѣсни можно раздѣлить на двѣ категоріи: на пѣсни готовыя, въ томъ смыслѣ, что онѣ сложены когда-то раньше и теперь только повторяются пѣвцами и на пѣсни импровизаціи, слагаемыя пѣвцами въ минуту самаго пѣнія. Послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, тотчасъ-же и забываются, но иногда онѣ какимъ-то образомъ остаются въ памяти ихъ творцовъ или постороннихъ слушателей, и многократно повторенныя, попадаютъ въ категорію общеизвѣстныхъ готовыхъ пѣсенъ. Благодаря богатству и нѣкоторой гибкости кумыцкаго (татарскаго) языка, съ одной стороны, а съ другой—не особенно высокому уровню эстетическихъ требованій кумыковъ, сочиненіе импровизацій для кумыцкихъ баяновъ не составляетъ, впрочемъ, черезъ чуръ труднаго дѣла, хотя оно всетаки требуетъ, разумѣется, нѣкотораго дара и навыка. Импровизаціи чаще всего создаются въ веселыхъ компаніяхъ молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ—невѣсть и

тогда авторами ихъ бываютъ двое—молодой мужчина и дѣвушка. Содержаніе подобныхъ пѣсенъ по преимуществу эротическаго свойства; тонъ ихъ веселый, игривый, иногда злой, съ грубоватыми претензіями на остроуміе; форма—діалогическая. Для примѣра приведу такую пѣсню, записанную для меня однимъ образованнымъ кумыкомъ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ находились на полевой работѣ, занимаясь выпалываніемъ и подбивкой кукурузы. Мимо нихъ проѣзжалъ верхомъ молодой человѣкъ, у котораго на рукѣ сидѣла охотничья птица—копчикъ. Всадникъ не обращалъ или показывалъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на дѣвушекъ. Одну изъ нихъ раззадорило поведеніе всадника и она постаралась втянуть его въ разговоръ съ собою, вылившійся у обоихъ въ формѣ импровизированныхъ стихотворныхъ строфъ.

Дѣвушка.

Молодецъ съ копчикомъ на рукѣ! Куда ты ѣдешь, не оборачиваясь и не глядя на ту, сердце которой рвется къ тебѣ?

Всадникъ.

(Остановившись).

Съ копчикомъ я ѣду для охоты на перепеловъ... Есть развѣ между вами масульманка, желающая подарить бѣдняка своею любовью?

Дѣвушка.

Отчего-же, милый, не подарить? Я готова сильно полюбить тебя. Но любовь—любови рознь... Возьми меня—я съ радостью пойду за тебя *).

*) По подлинной пѣснѣ выходитъ, что дѣвушка тонко намекаетъ на свое желаніе сдѣлаться женой, а не любовницей.

Всадникъ.

Отстранитесь, отстранитесь, красавицы, а то конь мой пугается васъ!.. Которая изъ васъ полюбила меня, та пусть садится ко мнѣ за моимъ сѣдломъ.

Дѣвушка.

Заблудившійся глупецъ можетъ еще выдти на дорогу: что скажутъ люди, увидя меня ѣдущею съ тобою за твоимъ сѣдломъ.

Всадникъ.

Но у меня и конь чужой. Я бѣднякъ безъ кола и двора *). Полюбила молодца, такъ и отдай ему свою любовь!

Дѣвушка.

У тебя копчикъ на рукѣ, а нѣтъ ни кола, ни двора!.. **). Ъзжай себѣ своей дорогой,—добрый путь тебѣ голубчикъ!

Всадникъ.

Ъхать—поѣду по своему желанію! А ты, с..., оставайся тутъ и ковырай себѣ киркой землю.

Упомяну кстати, что лѣтъ 7—8 тому назадъ на кумышской плоскости гремѣлъ пѣвецъ—импровизаторъ, аксаевскій житель, по имени Батрай. Молодой человекъ, статный и красивый собой, онъ былъ душою всякаго рода сборищъ и импровизировалъ когда угодно и на какія угодно темы. При этомъ у него была своеобраз-

*) Т. е. я жениться не могу, не имѣя никакого состоянія.

***) На востокѣ охота съ птицей всегда была привилегією людей знатныхъ и богатыхъ.

ная, очень привлекательная манера пѣнія. Ставь передь группой дѣвушекъ, онъ избиралъ одну изъ нихъ и, торжественно—весело, въ гладкой и звучной строфѣ задавалъ ей вопросъ, затрагивавшій ея сердечныя дѣла. Вопросъ произносился пѣвучимъ речитативомъ, а вслѣдъ затѣмъ пѣвецъ, повернувшись къ группѣ дѣвушекъ спиной и похлопывая въ ладоши, дѣлалъ два—три круга лезгинки, послѣ чего возвращался на прежнее мѣсто. Дѣвушка обязательно отвѣчала ему рифмованными или не рифмованными стихами, не всегда удачными, разумѣется, потомъ въ свою очередь, съ граціозно поднятыми руками и склоненною на бокъ головою, мелкими шажками протанцевывала туръ лезгинки около своихъ подругъ. Такой поэтическій турниръ продолжался иногда довольно долго, возбуждая въ слушателяхъ веселый смѣхъ и вызывая громкіе аплодисменты.

Къ сожалѣнію, Батрай молодымъ человѣкомъ и умеръ, унеся почти всѣ свои вдохновенныя импровизации съ собою въ могилу. Въ настоящее время о существованіи на кумыцкой плоскости пѣвца съ талантомъ Батрая что-то не слышно. Но пѣвцы—импровизаторы второй руки, конечно, не перевелись. Этимъ пѣвцамъ не рѣдко бываетъ довольно трудно справиться съ своею задачею и поэтому они прибѣгаютъ къ приему въ сущности слабому и смѣшному, но допускаемому, однако, народнымъ вкусомъ. Она заключается въ томъ, что въ строфѣ изъ четырехъ рѣчующихся между собою стиховъ первые два стиха не имѣютъ никакого отношенія къ послѣднимъ и къ самой темѣ пѣсни. Иногда эти два стиха—простой наборъ словъ, а иногда они хоть не совсѣмъ пусты, но нисколько не идутъ къ дѣлу. Вотъ примѣръ такой строфы изъ числа отдѣланныхъ наиболѣе старательно.

ПЕРВЫЕ ДВА СТИХА.

Зигзагами текущій отецъ *) Терекъ! Загроможденный несущимися по тебѣ деревьями, ты кажешься узкимъ, хотя въ дѣйствительности широкъ.

ВТОРЫЕ ДВА СТИХА.

Близкіе и родные мои, не почитавшіе меня при жизни, да не плачуть надо мною послѣ моей смерти и да не держать по мнѣ *тазіата* **) послѣ моего погребенія!

Общеизвѣстныя готовыя кумыцкія пѣсни, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою стихотворную обработку историческо-героическихъ или просто героическихъ темъ. По формѣ своей, а часто и по содержанію, онѣ сильно напоминаютъ ногайскія пѣсни, такъ называемыя *казакъ-уръ* (казацкія пѣсни), о которыхъ говорится въ слѣдующей части книги. Возможно, что ногайскія пѣсни и послужили образцомъ для нихъ, а можетъ быть, сходство тѣхъ и другихъ пѣсень объясняется происхожденіемъ ихъ отъ одного и того-же первообраза — тюргско-монгольскихъ поэтическихъ произведеній. Всѣ эти пѣсни — панегирики добродѣтелямъ челоука грубой героической эпохи и притомъ мусульманина: твердости воли, воинской доблести, матеріальной обеспеченности, непоколебимости фаталистическаго міросозерпанія и проч. Въ нихъ нечего искать, разумѣется, гуманнаго и возвышеннаго отношенія къ людямъ и къ жизни. Правда, тонъ ихъ порою поднимается до настоящаго паюса, но источ-

*) Въ подлинникѣ — *мать* Терекъ.

**) *Тазіатомъ* называется обрядъ многодневнаго стоянія близвкихъ и родныхъ покойника у его дома и могилы.

никами его служить или эгоистическая любовь къ матеріальнымъ благамъ, или мусульманскій религіозный фанатизмъ. Изъ тѣхъ-же источниковъ вытекаетъ и меланхолическая грусть, которою проникнуты чуть не всѣ произведенія кумыцкихъ и ногайскихъ бардовъ. Другую особенность этихъ произведеній составляетъ тенденціозность ихъ, хотя и зауряднаго свойства. Каждая пѣсня непременно оканчивается моральнымъ выводомъ, и хорошо еще, если выводъ приуроченъ къ мусульманской этикѣ, а въ противномъ случаѣ онъ представляетъ низменное обобщеніе грубыхъ фактовъ грубой дѣйствительности. Собственно въ историческо-героическихъ пѣсняхъ кумыковъ, какъ впрочемъ, въ такихъ-же пѣсняхъ и ногайцевъ, есть еще одинъ поэтической недостатокъ, дѣлающій ихъ, однако, весьма цѣнными въ другомъ отношеніи—историческомъ. Онѣ очень не богаты проявленіями творческой фантазіи, а, напротивъ, почти всегда остаются въ предѣлахъ реальности и позитивности. Отсюда то, что историческія событія передаются въ нихъ съ замѣчательною точностью и отчетливостью, безъ прибавленій и убавленій. Часто единственное отличіе ихъ отъ обыкновенной лѣтописной хроники только въ томъ и состоитъ, что—по свойственной творцамъ ихъ, въ особенности ногайскимъ, многословности—онѣ уснащены многочисленными сравненіями и уподобленіями. Въ подлинныхъ пѣсняхъ соблюдены законы стихосложенія—метричность и рифмованность стиховъ.

Привожу ниже одну кумыцкую историческо-героическую пѣсню и нѣсколько небольшихъ героическихъ пѣсенъ.

Пѣсня плакальщицы надъ тѣломъ убитаго Султанъ-Мута *).

Ты былъ быстрѣе водъ Алазани, относящихъ коней даже на бродахъ.

Ты былъ подобенъ оленю Кавказскихъ горъ, гордо поднимающему свои рога въ тѣни дубравъ.

Ты водилъ за собою безчисленное войско, покрывавшее на стоянкахъ обширныя поля.

Шахъ уже уговорился съ тобою современемъ сдѣлать тебя королемъ.

Ты держалъ въ осадѣ такой городъ, какъ Тифлисъ **).

Ты открылъ путь въ него, разрушивъ городскія укрѣпленія.

Князей, узденей и чернь Гурджистана ты гналъ въ Персію, какъ стадо.

И послѣ этихъ войнъ тебѣ не суждено было обрѣсти покой и дома ты не нашель себѣ отдыха.

Бѣглецы съ Волги, которымъ ты оказалъ покровительство, поселивъ ихъ на своей землѣ,—

Триста бѣлокурыхъ русскихъ ***) воспользовались

*) О Султанъ-Мутѣ см. выше. „Кто такіе обитатели Кумыцкой плоскости“, гл. V.

Пользуюсь случаемъ заявить здѣсь, что возможностью познакомить русскую публику съ весьма важною въ историческомъ отношеніи пѣсней о Султанъ-Мутѣ я обязанъ потомку этого кумыцкаго героя, почтенному князю Абдуль-Маджиду-Хамзаеву, которому и приношу за эту дружескую услугу мою сердечную благодарность.

**) Султанъ-Мутъ прославился военными подвигами въ походахъ на Грузію. (Иванъ Попоко: „Терскіе казаки съ старо-давнихъ временъ. Историч. очеркъ. Выпускъ первый. Гребенское войско“. С.-Петербургъ, 1880, стр. 44).

***) Откуда взялись эти „бѣглецы съ Волги—триста бѣлокурыхъ русскихъ“ въ кумыцкихъ владѣніяхъ на порогѣ XVII столѣтія? У кумыковъ твердо держится преданіе, что около этого именно времени какой-то

твоимъ отсутствіемъ и приняли къ себѣ вооруженное русское войско.

Они окопались широкимъ рвомъ — и ты нашелъ ихъ измѣнившими тебѣ.

Но ты былъ съ испытаннымъ въ сраженіяхъ войскомъ, передъ которымъ никакой врагъ не могъ устоять.

Оно не разошлось еще по домамъ, оно послѣдовало за тобою и обложило врага въ его укрѣпленной твердынѣ.

Ты долго сражался съ врагомъ, пока не истребилъ его поголовно *).

волжскій атаманъ, по имени Андрей, потерпѣвъ кораблекрушеніе на Каспійскомъ морѣ, высадился съ своими тремястами сподвижниковъ на морской берегъ около Аграханскаго залива. Съ мѣста высадки онъ направился, будто-бы, вверхъ по рѣчкѣ Акташу и на этой рѣчкѣ основалъ селеніе, названное по его имени Андреевымъ. Селеніе Андреево, въ кумыцкомъ произношеніи — *Эндрей*, на указываемомъ въ преданіи мѣстѣ существуетъ и теперь.

Авторъ приведеннаго выше сочиненія относится къ преданію скептически, признавая несообразнымъ, чтобы *триста человекъ съ юными руками могли завоевать известное кумыцкое владѣніе Эндрей* (Ibid. XII). Партии русской вольницы въ триста человекъ *завоевать* цѣлое кумыцкое владѣніе было, конечно, невозможно, но поселиться въ этомъ владѣніи, съ разрѣшенія владѣтельнаго князя, она безспорно могла. Свидѣтельство пѣсни заставляетъ отнести къ разсказанному преданію съ большимъ довѣріемъ.

*) Говорится объ ужасномъ побоищѣ, происшедшемъ въ 1606 г., въ одномъ переходѣ отъ тогдашней столицы шамхаловъ Тарковскихъ — *Тарки* (близъ нынѣшняго Петровска), между кумыками, чеченцами и другими дагестанцами, съ одной стороны, и отрядомъ русскихъ войскъ, состоявшимъ подъ командою боярина Бутурлина, — съ другой. Побоище это, въ которомъ пали какъ начальникъ русскаго отряда Бутурлинъ, такъ и предводитель дагестанскихъ полчищъ Султанъ-Муть, сынъ и замѣститель престарѣлаго шамхала Анди-хана, ярко описано въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Карамзина (т. X, гл. I) и затѣмъ оно нашло себѣ талантливаго и краснорѣчиваго изобразителя въ лицѣ г. Понко. („Терск. Каз.“ и проч. стр. 42—44).

У г. Понко ходъ дѣла, на основаніи нѣкоторыхъ кумыцкихъ преданій, изображенъ нѣсколько иначе, чѣмъ у Карамзина, а въ настоящей пѣснѣ онъ изображается еще иначе.

И предводителя войска, боярина, ты поймалъ, какъ курицу *)..

Стоявшій около него юноша уллучилъ минуту и тайно, проклятый, выстрѣлилъ тебѣ въ поясицу...

Такъ начертанное на лбу предопредѣленіе рока исполнилось надъ тобою на твоей же родинѣ.

И народъ твой, знавшій только одно веселье, по волѣ судьбы на года облекся въ трауръ.

Что теперь наши сожалѣнія, когда нѣтъ уже мужа, называвшагося Султанъ-Мутомъ?

Къ чему мы бьемъ себя и льемъ слезы? Какая польза оттого?

Да поможетъ Богъ оставленнымъ тобою тремъ сыновьямъ твоимъ **), возмужавъ, сдѣлаться достойными тебя!

И да осушатъ они наши слезы, отмстивъ за тебя нашимъ врагамъ!

*) Какъ уже замѣчено, предводитель войска былъ убитъ. Но въ отрядѣ находился князь Владимиръ Бахтѣяровъ и онъ то, „тяжело уязвленный“, по выраженію Карамзина, и былъ взятъ въ плѣнъ.

Кумыки разсказывали мнѣ, что князь (фамиліи его они не знаютъ) во время двухлѣтняго пребыванія въ плѣну сошелся будто-бы съ одною кумыцкою красавицею, съ которою прижилъ мальчика. По общественному положенію матери, мальчикъ попалъ въ сословіе *чмаровъ* (крѣпостныхъ землепашцевъ); въ этомъ-же сословіи оставались и потомки его вплоть до освобожденія крѣпостныхъ. Въ настоящее время изъ потомковъ мальчика образовалось четыре семейства; они живутъ въ селеніи Байрамъ-аулъ и, называя себя князевыми, не упускаютъ случая напоминать о своемъ происхожденіи отъ русскаго князя.

**) По имѣющимся историческимъ свѣдѣніямъ, наслѣдство послѣ Султанъ-Мута перешло къ двумъ его сыновьямъ—Айдемиру и Казаналицу. Что касается третьяго сына, неизвѣстнаго исторіи, то, по преданію, онъ умеръ вслѣдъ за отцемъ.

Героическія пѣсни *).

1.

Когда изъ бѣгущихъ по полю бѣлыхъ ланей одна, прихрамывая, отстаетъ отъ другихъ, — знай: она ранена стрѣлой.

Когда именитый человекъ, сидя на стулѣ, тяжело вздыхаетъ, — знай: онъ потерялъ свое состояніе.

2.

У родителей есть одинъ порокъ: имѣя пять сыновей, они не могутъ смотрѣть на всѣхъ одинаково.

У боевого коня есть одинъ порокъ: когда сѣдокъ въ опасности, онъ не можетъ спасти его.

У тетивы лука есть одинъ порокъ: она такъ растягивается, что не удерживаетъ деревянной стрѣлы.

У Асхарь-тау **) есть одинъ порокъ: на хребтѣ ея покоится батырь ***) и она не можетъ легонько разбудить его.

Родители пяти сыновей! Чѣмъ же вы виноваты, когда одни изъ вашихъ сыновей хорошіе, а другіе дурные?

Боевой конь! Чѣмъ же ты виновата, когда на тебѣ, не осѣдланномъ, все лѣто ѣздили табунщики?

Тетива лука! Чѣмъ же ты виновата, когда тебя постоянно трепала домашняя прислуга?

*) Всѣ эти пѣсни взяты мною изъ кумыцкаго сборника пѣсенъ г. Магомета Османова (уроженца селенія Аксай), напечатаннаго на татарскомъ языкѣ въ среднѣ семидесятыхъ годовъ.

**) Гора Асхарь.

***) Герой, храбрый.

Асхаръ-тау! Чѣмъ же ты виновата, когда наступилъ часъ *) злосчастнаго батыра?..

3.

Ретивый боевой конь—гордость батыра, позолоченный *садакъ* **)—украшеніе его стана.

Красавица, да еще содержащая въ порядкѣ свое хозяйство,—гордость своего дома; батырь и красавица украшеніе другъ для друга,—

И пусть домъ ихъ будетъ стоять одинокимъ и на безводной горѣ,—они и тогда *возьмутъ свою долю!*..

4.

Чему подобенъ захудалый боевой конь?—Онъ подобенъ стоящему на плоскогорьи ветхому памятнику, обросшему мхомъ.

Кому подобенъ родовитый человѣкъ, потерявшій свое состояніе? Онъ подобенъ жалкому слугѣ, не носящему другой обуви, кромѣ искривленныхъ башмаковъ изъ телячьей кожи.

И все-же родовитаго человѣка, бѣднаго и одинокаго, не оскорбляй: онъ совершитъ подвигъ—и богатство вернется къ нему;

А богатый и благородный, онъ для друга пожертвуетъ богатствомъ, а для кровнаго своего пожертвуетъ и душой!

5.

Батыры не прибѣгаютъ къ лести, которою прибрѣтается расположеніе людей.

*) Часъ смертный.

**) *Садакъ* въ тѣсномъ смыслѣ—колчанъ, въ обширномъ—боевое вооруженіе.

Батырь и въ темную ночь и на худой лошади достигаетъ того, чего никогда не достигнуть трусу.

Батыру опасность не страшна, потому что онъ цѣнить жизнь не дороже копѣйки.

Батырь не бѣжитъ отъ опасности, а бѣжить ей на встрѣчу.

Да погибнуть трусы! Честь батырамъ!

Отрѣжьте косы женщинамъ, которыя всѣхъ, входящихъ на *очаръ* *) въ *панакхъ*, **) считаютъ равными между собою!

6.

(Пѣсня двухъ братьевъ).

Для матери своей мы были и сыновьями и дочерьми, въ веселомъ обществѣ мы были сладостью для всѣхъ.

Когда насъ оскорбляли за дѣло, мы несли оскорбленіе, какъ верблюды несутъ на спинѣ свою ношу, когда насъ оскорбляли напрасно, мы бросались на оскорбителя, не спрашивая, сильна-ли его фамилія.

Бывало, мы приобрѣтали средства кражею съ разломомъ хранилищъ; бывало, мы пронизывали груди и вынимали изъ нихъ души.

Одиночество и бѣдность обрушились на насъ вмѣстѣ—и мы, придавленные, смирились....

7.

Батырь не каждымъ ударомъ срубаеъ голову.

Батырь не каждымъ взмахомъ выпускаеъ кровь.

*) Площадь предъ мечетью, на которой собираются мужчины для совѣщаній и обыкновенныхъ разговоровъ.

**) *Панакхъ*—шапка.

Батырь разъ поразить, а разъ понесетъ поражёніе.
Батырь разъ возьметъ верхъ, а разъ верхъ возьмутъ надъ нимъ.

Вотъ пораженный и обобранный батырь лежитъ въ голой степи,

Или его несутъ на носилкахъ, какъ въ люлькѣ,

Или закутаннаго въ сѣрую бурку, его везутъ на сѣрой лошади....

Жизнь наша проходитъ въ исканіи благополучія, — а на этомъ измѣнчивомъ свѣтѣ кто достигаетъ благополучія?!

8.

Отъ продолжительной болѣзни можно избавиться лѣченіемъ, — отъ бѣдствій, выпадающихъ на долю мужей, нѣтъ избавленія..

Назначеніе мужей — жить среди бѣдствій, — бѣдствія обвились вокругъ моей головы.

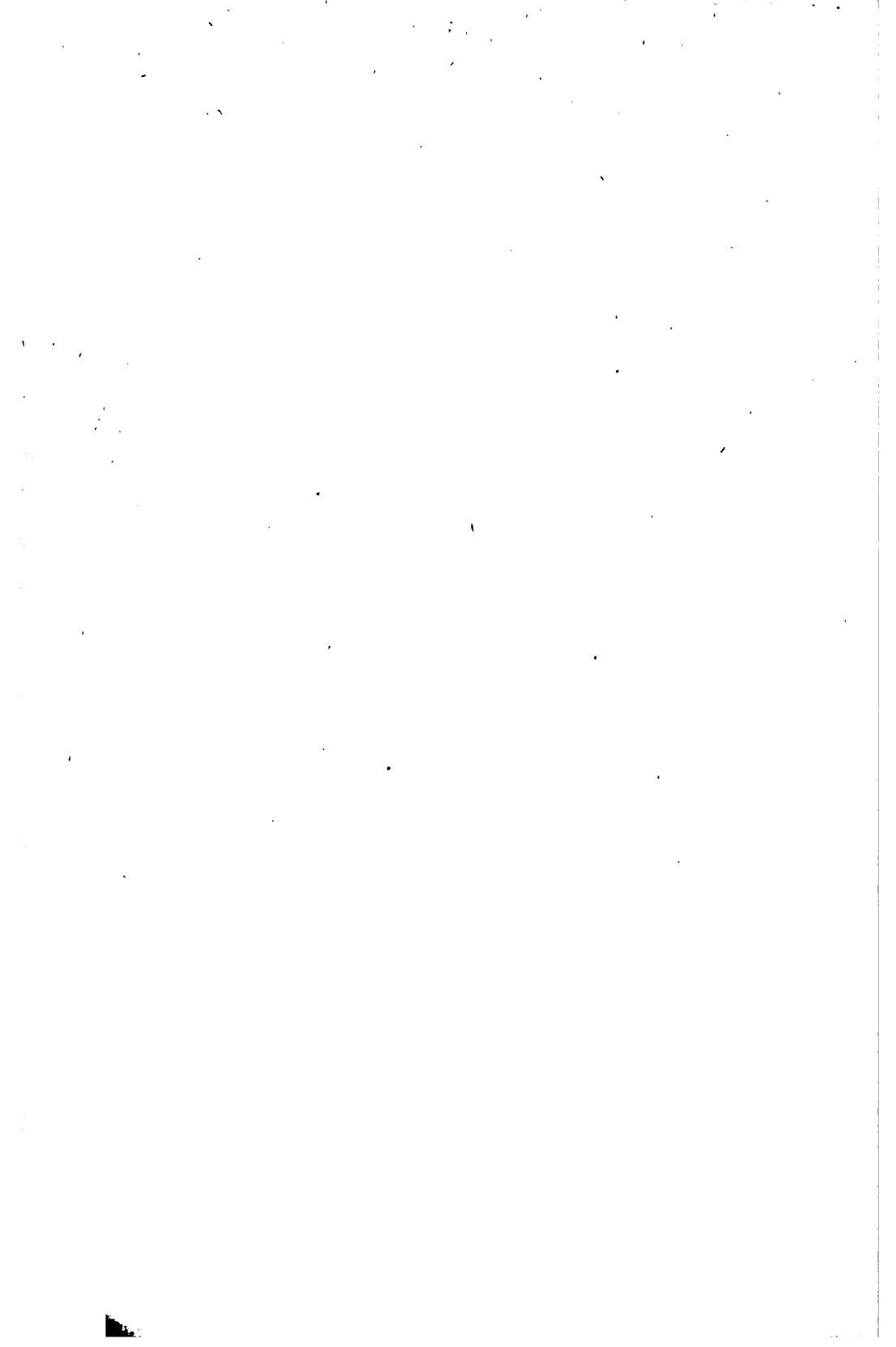
Бѣжать отъ нихъ, какъ отъ опасности бѣжить стадо жирныхъ барановъ, значить, выказать свою горячность.

Горячность, усиливъ бѣненіе моего сердца, не облегчитъ моей участи.

Укройся я въ самое потайное мѣсто и закрой еще свой лобъ ладонью, судьбу, отмѣченную на моемъ лбу, я не отвращу отъ себя....

НОГАЙЦЫ.

О Ч Е Р К Ъ

ногайцевъ, обитающихъ на западномъ берегу Аграханскаго залива.

I.

Степь, занимаемая этими ногайцами.

Ногайцы побережья Аграханскаго залива, состоящіе изъ двухъ обществъ — Костековскаго и Аксаевскаго, занимаютъ прилегающую къ заливу приморскую низменность. Границами этой низменности на сѣверѣ служатъ Кара-ногайскія степи и земли, принадлежащія кизляро-гребенскимъ казакамъ, на югѣ — земли таркинскихъ ногайцевъ и кумыцкихъ селеній и на западѣ — земли кумыцкихъ-же селеній и частныхъ владѣльцевъ изъ кумыковъ. Территорія ногайцевъ имѣетъ форму дуги круга, образуемой южнымъ рукавомъ Терека (Новый Терекъ), до впаденія его въ Аграханскій заливъ, и западнымъ берегомъ залива; протяженіе дуги — версть семьдесятъ; затѣмъ въ ширину, отъ окружности дуги къ центру, территорія эта имѣетъ отъ 20-ти до 25-ти верствъ; слѣдовательно, площадь ея составляетъ до 1,500 кв. верствъ.

Ногайская степь въ отношеніи климата и почвы, а также флоры и фауны, отличается всѣми особенностями, характеризующими собою низменные берега

морей и большихъ рѣкъ теплыхъ странъ. Почву ея составляетъ морской иль, перемѣшанный съ пескомъ; этотъ иль можетъ быть плодороденъ при условіи обильнаго орошенія его водою, но въ дѣлѣ орошенія ногайская степь поставлена въ высшей степени неблагоприятно. Дожди въ ней весьма рѣдки и поэтому она находится въ полной зависимости отъ водныхъ потоковъ, доходящихъ до нея изъ отдаленныхъ ушей Андійскаго хребта. Весною и осенью эти потоки—Аксай, Ярыксу и Акташъ, а также рѣки Терекъ и Сулакъ приносятъ въ степь такую массу воды, которая во много разъ превосходитъ вмѣстимость находящихся въ ней естественныхъ водныхъ ложъ. Озера—*Балыкъ-колъ*, *Айтхана*, *Тежыкъ*, *Алтынъ-колъ*, *Капаръ-аджи-колъ*, *Иваши-колъ* и множество другихъ, переполненные черезъ край, разливаются во всѣ стороны; рядомъ съ ними образуются десятки другихъ озеръ и чуть не вся степь превращается въ сплошное болото. Это безмѣрное обиліе воды въ соединеніи съ раннимъ солнечнымъ тепломъ создаютъ въ степи могучую, хотя въ высшей степени своеобразную жизнь. Изъ болотъ поднимаются настоящіе камышевые лѣса, наполняющіеся дикими свиньями, волками, лисицами, шакалами, оленями и козами. На озерахъ появляются лебеди, дикіе гуси и утки, дудаки и другія болотныя и морскія птицы, соперничающія въ многочисленности съ куропатками и драгоценными фазанами. Озера переполняются рыбою, болота—лягушками и пресмыкающимися всевозможныхъ видовъ и породъ. Гучи разнородныхъ насѣкомыхъ, въ особенности комары—эти настоящіе бичи людей и скота, а весьма часто и прожорливая саранча,—покрываютъ землю, наполняютъ камыши и рѣютъ въ воздухѣ.

Пѣніе птицъ, въ которомъ громче всѣхъ слышатся голоса соловьевъ, кваканье лягушекъ, сопровождающееся аккомпаниментомъ болотнаго тулумбаса, называемаго туземцами болотнымъ быкомъ (*кольбуга*), а въ наукѣ известнаго подъ именемъ жерлянки или уки, жужжаніе насѣкомыхъ, стрекотаніе, визгъ, пискъ, стоны, оханье, — вся эта масса звуковъ превращаетъ степь въ арену величественнаго, хотя и не особенно стройнаго концерта. Раннею весною, когда испаренія болотъ еще незначительны, а комары не такъ досаждаютъ, жизнь въ степи довольно сносна, даже привлекательна. Свѣжія и ясныя ночи смѣняются ясными и теплыми днями; воздухъ чистъ и прозраченъ, а земля покрыта красивымъ ковромъ сочной зелени, разукрашенной яркими цвѣтами. Но эта благодатная пора оканчивается очень рано, иногда даже въ концѣ мая, но вообще не позже двадцатыхъ чиселъ іюня. За нею наступаютъ другое время и другая жизнь. Медленно подвигающійся въ безоблачномъ небѣ огненный шаръ безопадно пронизываетъ степь своими жгучими лучами; воздухъ не движенъ; испаренія болотъ стоятъ въ немъ молочнымъ туманомъ, пропитаннымъ запахомъ гнили. Камыши сохнутъ, трава блекнетъ. Все живое или безсильно томится или отчаянно бунтуетъ... Пѣшая саранча цѣлыми арміями направляется къ югу, къ хлѣбамъ ногойцевъ и сосѣднихъ кумыковъ, оставляя за собою одни обглоданные стебли камыша и травы. Комары летучими легионами нападаютъ на бѣдныхъ животныхъ и людей и отравляютъ имъ существованіе... Въ іюлѣ болота и частью озера до того пересыхаютъ, что бѣдному ногойцу часто не откуда воды напиться, или онъ пьетъ воду грязную и гнилую, насыщенную вдобавокъ солью.

Жизнь замирает... Отъ всей недавней роскоши остаются лишь тощая, высохшая трава, которой едва хватаетъ на прокормъ немногочисленныхъ ногайскихъ овецъ, тысячи змѣй и прочихъ гадовъ, покрывающихъ потрескавшуюся землю милліонами норъ, да комары, наполняющіе воздухъ своимъ назойливымъ жужжаніемъ. Если въ этотъ періодъ времени, продолжающійся до октября, хоть изрѣдка не перепадаютъ дожди, то жизнь въ степи становится невыносимой. Скотъ худѣетъ, люди — даже всевыносящіе ногайцы — начинаютъ болѣть и впадаютъ въ апатію. Не дай вамъ Богъ, читатель, попасть въ Ногайскую степь въ такую пору! — Съ наступленіемъ осени степь опять оживаетъ, благодаря дождямъ, прибыли воды отъ переполненія ею горныхъ рѣчекъ и ослабленію солнечной жары. Вновь появляется трава, опять слышатся концерты птицъ. Скотъ и люди поправляются, набираясь новыхъ силъ для борьбы съ предстоящею зимою. Осенью степь живетъ дѣятельнѣй и героемъ этой дѣятельности является ея царь—ногаецъ. Осенью ногаецъ заготавливаетъ *кизякъ* *) для топлива, чинить кибитку, перекочевываетъ съ лѣтней стоянки на зимнюю, исправляетъ камышевый загонъ для зимняго пребыванія рогатаго скота и овецъ, одно продаетъ, другое покупаетъ. Осенью-же степь наполняется *барантою* **), пригоняемою сюда на зиму съ Тавлинскихъ горъ, такъ-какъ здѣсь значительно теплѣе, притомъ мелкій скотъ охотно питается зимою сухою травою степи, пропитанною солью. Въ декабрѣ, иногда въ январѣ, наступаетъ зима, хотя и не продолжительная, но часто суровая, сопровождающаяся силь-

*) Высушенный на солнцѣ скотскій пометъ.

**у Мѣстное названіе стада овецъ и козъ.

ными, холодными вѣтрами; бываетъ и снѣгъ, лежащій обыкновенно не долго. У обитателей степи въ эту пору года дѣла не много и они скорѣе прозябаютъ, чѣмъ живутъ. Ногаецъ день проводитъ у огня, разложеннаго посреди кибитки, лѣниво совершая *намазы* и обогрѣвая себя плохонькимъ калмыцкимъ чаемъ, а на ночь зарывается отъ холода въ невообразимую массу домашняго хлама.

II.

Экономическія условія быта и образъ жизни костековскихъ и аксаевскихъ ногайцевъ.

Хотя ногайцы побережья Аграханскаго залива дѣлятся на двѣ большія группы—аксаевскую, кочующую у береговъ Терека, и костековскую, занимающую приморскую низменность, но въ экономическомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, эти группы весьма мало различаются между собою, а потому объ нихъ умѣстно говорить, какъ объ одномъ обществѣ. Въ этомъ обществѣ въ настоящее время *) считается до 1,300 семействъ, образующихся изъ 3,200 душъ мужского и 2,984 женскаго пола. Изъ приведеннаго числа семействъ около 950 семействъ помѣщаются въ своихъ національныхъ кибиткахъ, представляющихъ всѣ удобства для перекочевыванія съ мѣста на мѣсто и вообще соотвѣтствующихъ образу жизни и привычкамъ степняка. Остальныя семейства живутъ въ домахъ, или—точнѣе говоря—въ жалкомъ подобіи кумыцкихъ саклей. Эти подобія постоянныхъ жилищъ—плодъ цивилизаторскихъ усилій нашихъ мѣстныхъ ад-

*) Въ 1885 году.

министраторовъ, но, къ сожалѣнью, плодъ не вполнѣ зрѣлый. Въ постоянное жилище ногаецъ вошелъ со всѣми своими замашками и привычками степняка, т. е. съ своей безпечностью насчетъ самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни и съ своею колоссальною нечистоплотностью. Въ саклѣ у него грязно, сыро и невыносимое зловоніе; вся подвижность въ ней, отъ деревянной кровати до послѣдней тряпки, до невозможности загажена и биткомъ набита паразитами; вокругъ жилища масса нечистотъ. Ногаецъ, живущій въ кибиткѣ, такъ-же, разумѣется, безпечень и нечистоплотень, какъ и его собратъ—обладатель постоянного жилища, но его кибитка цѣлое лѣто провѣтривается, что избавляетъ его отъ сырости и удушливаго воздуха; затѣмъ съ кибиткою этою ему ничего не стоитъ бросить занавоженное мѣсто и переселиться на другое, чистое, что онъ и дѣлаетъ, по крайней-мѣрѣ, разъ въ году. Словомъ осѣдлый ногаецъ находится въ неизмѣримо худшихъ условіяхъ жизни, чѣмъ ногаецъ кибитки, и если онъ отличается отъ послѣдняго блѣдностью и одутловатостью лица, чрезмѣрнымъ слабосиліемъ и апатіею, то, несомнѣнно, вслѣдствіе своего мнимаго культурнаго роста, выразившагося въ замѣнѣ войлочнаго жилища жилищемъ изъ грязи.

Настоящее кибиточное ногайское селеніе называется *купъ* (напоминаетъ славянское „купно“). Купъ состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ кибитокъ, расположенныхъ одна отъ другой на разстояніи отъ версты до двухъ. Въ каждой группѣ насчитывается отъ 40 до 60 кибитокъ, поставленныхъ такимъ образомъ: половина кибитокъ занимаетъ окружность круга, настолько обширнаго, чтобы внутри его могъ помѣститься весь скотъ группы или юрта, а другая половина, со-

стоящая изъ кибитокъ меньшаго размѣра, размѣщается за первую, внутри круга. Большія кибитки служатъ кунацкими, т. е. пріемными для гостей, а также помѣщеніемъ для старшихъ въ семействахъ; въ меньшей кибиткѣ сбито въ кучу все семейство ногайца и въ ней-же помѣщается весь домашній скарбъ, не исключая и запасовъ продовольствія. Если и кунацкая съ кроватью, поставленною въ противоположной сторонѣ отъ дверей (почетное мѣсто), съ разостланными на полу, у стѣнъ кибитки, грязными камышевыми циновками, съ сундуками, мѣшками съ шерстью или мукою, съ десяткомъ грязныхъ войлоковъ, имѣеть неприглядный видъ, то кибитка для семейства являетъ собою нѣчто совсѣмъ невообразимое. Чтобы представить себѣ прелести этой кибитки, достаточно вспомнить, что въ ней зачастую одновременно помѣщаются и неоправившаяся послѣ родовъ женщина съ своимъ новорожденнымъ, и какой-нибудь другой больной членъ семьи, и только что родившійся теленокъ, и двое-трое хозяйскихъ ребятъ, и старая хозяйка дома со своимъ трехногимъ очагомъ, съ котлами, кувшинами, тазами, со всѣми молочными продуктами, тутъ-же подвергаемыми соотвѣтствующей переработкѣ. Подлѣ второй кибитки устроенъ загонъ для крупнаго и мелкаго скота, гдѣ скотъ проводитъ всѣ ночи, отдѣленный отъ жилища своего владѣльца только тонкою стѣнкою кибитки, т. е. почти неотдѣленный вовсе. Площадка въ срединѣ круга служитъ для стона лошадей; на ней-же ногайская молодежь собирается иногда для своихъ незатѣйливыхъ развлеченій. Если возможно, ногайцы выбираютъ для своихъ юртовъ возвышенныя мѣста и въ особенности любятъ располагаться около кургановъ (*тюбе*), бессознательно, кажется, повторяя

старину, когда курганы имѣли для нихъ значеніе наблюдательныхъ постовъ.

Сосѣди нашихъ ногайцевъ—*кара-ногайцы* (черные ногайцы), отличающіеся отъ первыхъ многими особенностями, никогда подолгу не остаются съ своими кибитками на одномъ мѣстѣ. У нихъ, что ни мѣсяцъ, то новое переселеніе, и совершаютъ они его чрезвычайно быстро и безшумно. Еще вчера на фонѣ темно-голубого неба отчетливо вырисовывались конусообразныя крыши кибитокъ кара-ногайскаго юрта, а сегодня отъ юрта и слѣдовъ не осталось. За одну короткую лѣтнюю ночь онъ успѣлъ откочевать версть за десять и за одинъ день окончательно устроился на новомъ мѣстѣ. Костековскіе и аксаевскіе ногайцы подвижностью не отличаются и въ теченіе года перемѣняютъ мѣсто иногда разъ, но вообще не болѣе двухъ разъ: осенью, когда они придвигаются къ своимъ зимовникамъ (камышевые крытые двory для скота), и весною, когда кучи навоза и зараженный воздухъ зимняго юрта, а больше недостатокъ корма для скота вблизи юрта, заставляютъ ихъ отходить отъ зимовника на нѣсколько верствъ. Впрочемъ, у нашихъ ногайцевъ такъ мало земли, что если-бы они и захотѣли перекочевывать чаще, то имъ пришлось-бы кружиться на однихъ и тѣхъ-же, вытопанныхъ скотомъ, мѣстахъ.

Малоземелье вынуждаетъ до 450 семействъ нашихъ кибиточныхъ ногайцевъ вѣчно скитаться внѣ района своей родной степи. Главная масса отсутствующихъ семействъ кочуетъ въ *Оракъ-кумпъ*—степи, разстилающейся сѣвернѣе Новаго Терека и принадлежащей казакамъ-собственникамъ и частью казачьимъ станицамъ; затѣмъ, нѣкоторая часть ихъ живетъ ху-

торами на землях кумыцких помѣщиковъ; напр., у помѣщика Аджаматова ими населены два хутора, на землѣ кн. Хамзаевыхъ находится третій хуторъ. Постоянное отсутствіе цѣлой трети коренныхъ обитателей ногайской территоріи обусловливаетъ для остальныхъ двухъ третей лучшія, разумѣется, условія существованія, но все-таки это существованіе весьма и весьма неудовлетворительно.

Ногайцы, какъ извѣстно, не земледѣльцы, а кочующіе номады, все экономическое благополучіе которыхъ держится на скотоводствѣ. Наши костековскіе и аксаевскіе ногайцы занимаются, однако, и хлѣбопашествомъ, но эта несвойственная имъ дѣятельность поставлена у нихъ весьма плохо. На населеніе въ 850 семействъ они высѣваютъ въ годъ около 250 *чуваловъ* *) пшеницы и до 150 чуваловъ проса, снимая этихъ хлѣбовъ: пшеницы до 1,400 чуваловъ и проса до 750 чуваловъ въ годъ. По раскладкѣ на количество семействъ снимаемаго хлѣба приходится на одну семью: пшеницы 1 чуваль $7\frac{3}{4}$ пуда и проса 9 пудовъ, а всего 2 чувала $4\frac{3}{4}$ пуда. Между тѣмъ на продовольствіе средней семьи въ пять душъ (по количеству дворовъ и душъ въ ногайскомъ обществѣ приходится именно около пяти душъ на семью) въ теченіе года необходимо, по-крайней-мѣрѣ, $7\frac{1}{2}$ чуваловъ зерна; слѣдовательно, у ногайцевъ собственнаго хлѣба не хватаетъ въ годъ: на семью 5 чуваловъ $1\frac{1}{4}$ пуда, а на все общество 4,338 чуваловъ 6 пудовъ.

Отмѣтимъ, что ногайцы понятія не имѣютъ о другихъ отрасляхъ земледѣльческаго труда, напр., обогородничествѣ, садоводствѣ, и перейдемъ затѣмъ къ ихъ спеціальности — скотоводству.

*) Чуваль заключаетъ въ себѣ три сабы, а въ сабѣ считается 4 пуда.

Говоря о пастушескомъ народѣ, невольно представляешь себѣ большіе табуны лошадей и рогатаго скота и десятки, сотни стадъ мелкаго скота, въ которыхъ особи считаются не сотнями и тысячами, а десятками и сотнями тысячъ. Если вы съ этимъ представленіемъ подойдете къ нашимъ ногайцамъ, то испытаете горькое разочарованіе. По имѣющимся у насъ подъ рукой свѣдѣніямъ *), въ концѣ прошлаго **) года у нашихъ ногайцевъ было всего скота: лошадей 415 головъ, рогатаго (быковъ и коровъ) 4,299 головъ и мелкаго 16,600 головъ. Разложенныя на 850—число живущихъ на своихъ мѣстахъ ногайскихъ семействъ,—приведенныя цифры дають на каждое семейство: лошадей 0,48 или менѣе половины лошади, рогатаго скота 5,05 и мелкаго 19,5! Скромность этихъ цифръ говорить сама за себя.

Итакъ костековскіе и аксаевскіе ногайцы хлѣба своего не имѣютъ и скота у нихъ немного; затѣмъ какими-либо ремеслами, торговлею и промыслами, кромѣ скотоводства, они не занимаются,—какъ-же и чѣмъ они существуютъ, ухитряясь при этомъ еще уплачивать подати и повинности?

Въ отвѣтъ на этотъ, въ настоящемъ случаѣ весьма замысловатый вопросъ мы приведемъ здѣсь данныя о среднемъ годовомъ приходѣ и расходѣ всего ногайскаго общества, надѣясь, что онѣ окажутся краснорѣчивѣе всякихъ общихъ разсужденій.

Хотя скотоводство у ногайцевъ далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, однако отъ продажи приплода рогатаго и мелкаго скота они все-таки выру-

*) Свѣдѣнія эти имѣлись въ Хасавъ-Юртовскомъ Окружномъ Управленіи.

**) 1885 году.

чаютъ отъ него до 17,000 рублей въ годъ, и это составляетъ первую статью доходовъ общества.

Вторую крупную доходную статью являются заработки на сторонѣ. Ежегодно, съ наступленіемъ времени полевыхъ и садовыхъ работъ, человѣкъ 700—750 ногайцевъ оставляютъ свою степь и расходятся по окрестнымъ мѣстамъ. Одни изъ нихъ идутъ въ Кизляръ и въ надтеречныя станицы—работать въ садахъ, другіе направляются въ кумыцкія селенія и берутся здѣсь на полевныя работы. Такъ какъ работники они весьма плохіе (самое выдающееся качество ногайца-работника—покорность), то цѣна на ихъ трудъ стоитъ низкая, копеекъ 30—40 и рѣдко 50 въ день. Тѣмъ не менѣе, проработавъ на сторонѣ мѣсяца четыре, ногаецъ возвращается домой съ заработкомъ рублей въ 20—25, который приносится или деньгами или хлѣбомъ. Полагая заработокъ среднимъ числомъ въ 22½ рубля на человѣка и опредѣляя число отлучающихся на работы цифрою 750, получимъ вторую статью дохода въ суммѣ 16,875 рублей.

Далѣе идутъ слѣдующія доходныя статьи.

Отъ продажи овечьей шерсти выручается въ годъ до 3,000 рублей.

Отъ продажи кожъ крупнаго и мелкаго скота получается рублей 400.

Сѣна продается въ Кизляръ до 1,000 возовъ, по цѣнѣ 2 рубля возъ, слѣдовательно, на 2,000 рублей.

За отдаваемые тавлинцамъ для зимней пастьбы овецъ свободныя степныя участки получается арендной платы до 1,500 руб.

Наконецъ, молочныхъ продуктовъ, собственно овечьяго сыру (коровьяго масла ногайцы не продаютъ, потому что приготавливаютъ его въ ничтожномъ коли-

чествѣ и сами расходуютъ съ калмыцкимъ чаемъ), а также домашней птицы и яицъ продаютъ на кизлярскомъ и аксаевскомъ базарахъ рублей на 400.

Итого по всѣмъ статьямъ прихода ногайцы получаютъ въ годъ сумму около 41,200 рублей.

Обратимся теперь къ расходамъ общества.

Государственной подати оно платитъ въ годъ по три рубля съ дыма или семьи, а это по числу 850-ти дворовъ (семейства, живущія внѣ района своего земельного надѣла, платятъ подать сами за себя) составляетъ расходъ въ 2,550 рублей.

Земскихъ и общественныхъ податей и повинностей каждый дымъ платитъ около 1 рубля, а всѣ вмѣстѣ 850 рублей.

Какъ сказано выше, ногайцы для своего продовольствія должны прикупать на сторонѣ хлѣба въ количествѣ 4,338 чуваловъ 6 пудовъ. Это количество можетъ быть еще уменьшено чуваловъ на 375, падающихъ на долю тѣхъ 750 человекъ, которые четыре лѣтнихъ мѣсяца проводятъ внѣ дома, и въ такомъ случаѣ покупаемаго хлѣба окажется 3,963 чувала 6 пудовъ. Ногайцы уже не думаютъ о пшеницѣ, а покупаютъ для хлѣба просо, чуваль котораго по средней цѣнѣ стоитъ 4 руб. 50 коп.; однако, продовольствуясь даже просяными лепешками, они должны расходовать въ годъ на приобрѣтеніе хлѣба не менѣе 17,836 рублей.

Столь-же насущною потребностью, какъ хлѣбъ, является для ногайца калмыцкій чай, замѣняющій для него все: и всякаго рода супы, и обыкновенный чай, и водку, и даже теплое помѣщеніе и теплую одежду. Какъ ни бѣденъ иной ногаецъ, онъ обойдется безъ мяса, безъ нужнаго количества хлѣба, но чай ему

необходимъ и потому онъ все-же израсходуетъ на него въ годъ рублей 25—30; ногаецъ-же посостоятельнѣе употребляетъ чаю не менѣе, чѣмъ на 50 р. въ годъ. Полагая на 850 семействъ относительно состоятельныхъ семействъ только 100, получимъ на эту сотню семействъ расходъ на чай въ суммѣ 5,000 р., затѣмъ остальные 750 семействъ израсходуютъ на тотъ-же предметъ (750×25) 18,750 руб.; слѣдовательно, расходъ на калмыцкій чай для всего общества выразится суммою 23,750 рублей.

Далѣе идетъ расходъ на соль, не менѣе 2-хъ р. на семейство, составляющій сумму 1,700 рублей.

Затѣмъ на покупку предметовъ одежды, кое-какихъ орудій для работъ и разныхъ домашнихъ принадлежностей необходимо положить по крайней мѣрѣ рублей по 8 на семью въ годъ; это на все общество составитъ расходъ въ суммѣ 6,800 рублей.

Такимъ образомъ, на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей ногайскому обществу необходимо израсходовать въ годъ 53,486 рублей.

Сличеніе приведенныхъ итоговъ приходовъ и расходовъ занимающаго насъ общества приводитъ къ выводу почти нелѣпому: оказывается, что ногайцы, чтобы только не умереть съ голоду и не ходить голыми, должны ежегодно затрачивать больше, чѣмъ имѣютъ, на 12,300 рублей на все общество, а на каждый дымъ по 14 руб. 47 коп.

Считаю умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшую оговорку. Приведенныя выше свѣдѣнія взяты изъ лучшаго источника, какой только имѣется въ настоящее время; однако, я не рѣшусь утверждать, что источникъ этотъ, какъ и большая часть нашихъ источниковъ статистическихъ данныхъ относительно эконо-

мической жизни народа, безусловно достовѣренъ. Очень можетъ быть, что ногайцы за продаваемый скоть выручаютъ одною или двумя тысячами рублей больше или меньше, или шерсти продаютъ въ годъ не на три, а на четыре тысячи и проч. Можетъ быть, слѣдовательно, и то, что дефицитъ въ ихъ бюджетѣ составляетъ не 12, а 10, 8 и даже 6 тысячъ рублей. Во всякомъ случаѣ, истина въ томъ, что дефицитъ существуетъ, несмотря на кажущуюся абсурдность такого явленія *).

*) Приведенныя данныя относятся къ 1885 году.

А вотъ нѣкоторые данныя за 1893 годъ. Семействъ въ Костековскомъ и Аксаевскомъ обществахъ за этотъ годъ оказывается уже не 1.300, а только 1.191, т. е. менѣе на 109. Съ уменьшеніемъ числа семействъ уменьшилось и количество душъ въ обществахъ: душъ мужскаго пола, вмѣсто прежнихъ 3.200, теперь 2.945—менѣе на 255, душъ женскаго пола, вмѣсто 2.984, только 2.519—менѣе на 465. Достоинно вниманія, что уменьшеніе количества душъ идетъ еще быстрѣе уменьшенія числа семействъ. Согласно даннымъ 1885 года, по числу 109 дворовъ или семействъ убыль въ количествѣ душъ обоого пола должна была выразиться числомъ 518 д., между тѣмъ въ дѣйствительности убыло душъ обоого пола 720, т. е. за протекшій періодъ времени и остальные семейства уменьшились въ своемъ составѣ.

Изъ приведеннаго числа семействъ въ 1893 году помѣщалось въ вибиткахъ 930 (вмѣсто прежнихъ 950) и въ сакляхъ кумыцкаго типа 261 семейство (вмѣсто прежнихъ 350 семействъ).

Скота у ногайцевъ обоихъ обществъ въ 1893 году было: лошадей 740 — противъ 1885 г. на 345 головъ больше, остального-же крупнаго и мелкаго (быковъ, коровъ, овецъ и козъ) всего 7.647 головъ—неизмѣримо менѣе, чѣмъ въ 1885 году, когда быковъ и коровъ было 4.299 головъ, а овецъ и козъ—16,600 головъ.

Достаточно сдѣлать простое сопоставленіе данныхъ о количествѣ скота за 1885 и 1893 года, чтобы придти къ заключенію, что благосостояніе ногайцевъ падаетъ съ чудовищною быстротою. Увеличеніе числа лошадей, почти не нужныхъ ногайцамъ въ ихъ хозяйствѣ, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ почти такое-же значеніе, какъ увеличеніе потребления воды въ крестьянской средѣ внутреннихъ губерній. Оба явленія—результатъ потери почвы подъ ногами, результатъ сознанія своей безпомощности передъ неотвратимымъ рокомъ. Лошадь для ногайца не орудіе производства, а орудіе бѣгства отъ своей нищеты: на ней онъ слоняется по окрестнымъ юртамъ и кумыцкимъ ауламъ съ единственною мыслію, подобно голод-

Но гдѣ же нашимъ ногайцамъ взять 12 или даже 6 тысячъ рублей въ годъ? Какихъ-либо запасныхъ капиталовъ они не имѣютъ, кредитомъ также никакимъ и нигдѣ не пользуются. Дѣйствительно, взять денегъ имъ негдѣ и нашимъ несчастнымъ парямъ остается одно: покрывать дефицитъ въ своемъ бюджетѣ уменьшеніемъ удовлетворенія своихъ потребностей до крайняго *minimum*'а. Такъ, на одежду и другія мелочныя потребности ухитряются расходовать 4—5 рублей въ годъ на семью, вмѣсто положенныхъ нами 8 рублей. Многія семейства пріобрѣтаютъ хлѣба не $7\frac{1}{2}$ чуваловъ, а только 7 и $6\frac{1}{2}$ и при этомъ чувала 3—4 покупаютъ, а остальное количество хлѣба выпрашиваютъ или вырабатываютъ въ зимнее время у сосѣднихъ кумыковъ. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ года ѣздятъ въ гости къ своимъ кунакамъ-кумыкамъ и къ своимъ родственникамъ, живущимъ въ Оракъ-

ному волку, поживиться хоть обглоданною костью, а хозяйство его тѣмъ временемъ все падаетъ и падаетъ. И вотъ за какихъ нибудь 8—9 лѣтъ количество производительнаго, необходимаго въ хозяйствѣ скота съ цифры почти 21.000 опускается въ обществахъ до цифры 7.647!

На уменьшеніе благосостоянія ногайцевъ за послѣднее время не могли не оказать своего вліянія еще два фактора: увеличеніе земскихъ и мірскихъ повинностей съ 1 рубля, падашаго на семью въ 1885 году, до двухъ рублей, приходившихся на нее въ 1893 году, и обложеніе ногайцевъ, какъ мусульманъ Кавказскаго края, особымъ денежнымъ сборомъ, взаменъ отбыванія воинской повинности натурою, въ размѣрѣ 62 копейки съ семейства (дымъ).

Въ одномъ отношеніи судьба сжалилась надъ ногайцемъ и тѣмъ отдала моментъ его полной матеріальной несостоятельности. Говорю о баснословномъ паденіи цѣнъ на хлѣбъ, въ особенности на просо, которымъ ногаецъ, какъ сказано выше, питается по преимуществу. Въ 1885 году чуваль проса стоилъ 4 р. 50 к., въ 1893 году онъ продавался 2 р. 25 к. и 2 р. 50 к. Это уменьшеніе цѣны почти вдвое дало ногайцу возможность вдвое дешевле продовольствовать себя и свое семейство, а для обихъ обществъ выразилось сбереженіемъ въ расходахъ въ суммѣ 7—8 тысячъ ежегодно.

(Позднѣйшее примѣчаніе).

кумѣ, и этимъ способомъ дѣлають экономію на хлѣбѣ и на чаѣ. Въ критическія минуты продають крупную и мелкую скотину—не приплодъ, а матокъ, разрушая такимъ образомъ основу своего матеріальнаго благосостоянія.

Таковы экономическія условія быта аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ. Понятно, что образъ жизни этихъ ногайцевъ находится въ тѣсной связи съ приведенными условіями. Ногаецъ плохо ѣсть, плохо одѣвается и живетъ въ плохомъ, ободранномъ жилищѣ. Просяная лепешка съ двумя-тремя чашками сквернаго калмыцкаго чая да кусокъ овечьяго сыра—вотъ его пища, изрѣдка только слабриваемая кускомъ баранины или мяса прирѣзанной передъ моментомъ издыханія рогатой скотины. Одежду его составляютъ: плохонькая пародія на кавказскую черкеску, чаще всего безъ гозырей и перехваченная по талии веревочкой, заношенное и истрепанное исподнее бѣлье, папашка изъ домашней овчины и сафьянные сапожки безъ подошвъ. Оружіе у нашего тихаго сына степей всегда старенькое, заржавленное, зазубренное и вообще никуда негодное. Объ убранствѣ его жилища мы уже говорили, а здѣсь добавимъ только, что бѣдность и неряцливость помѣщенія ногайца возбуждаютъ чувство брезгливости не только въ русскихъ, но и въ живущихъ по сосѣдству съ ногайцами кавказскихъ горцахъ.

Дурно питаюсь, мало работая, ногаецъ не чувствуетъ также охоты къ живымъ развлечениямъ. Пѣсни, игры, танцы среди ногайцевъ — большая рѣдкость. Всякаго рода развлечениямъ предпочитается апатичное сидѣнье вокругъ дымящагося кизяка и сонливое пересказываніе другъ другу разныхъ пустя-

ковъ. Такой образъ жизни не можеть не оказывать весьма вреднаго вліянія на здоровье—и ногаецъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ малосилень и худосочень.

Болѣзненность между ногайцами весьма значительна, а смертность чаще всего преобладаетъ надъ рождаемостью. Такъ въ 1883 году родилось 112, а умерло 160 душъ; въ 1884 году родилось 143, а умерло 180 душъ... *).

Если при такомъ положеніи дѣла костековскіе и аксаевскіе ногайцы до сихъ поръ не вымерли, то лишь благодаря тому, что самое это положеніе создано въ относительно недавнее время. По свидѣтельству самихъ ногайцевъ, а также сосѣдей ихъ — кумыковъ, экономическія условія ногайскаго общества еще 25—30 лѣтъ тому назадъ были неизмѣримо лучше теперешнихъ. Въ то время въ пользованіи общества находились обширныя земли кумыцкихъ помѣщиковъ, отдававшіяся въ аренду за незначительную оброчную плату. Располагая лишнею землею, ногайцы выпасывали на ней большое количество мелкаго и крупнаго скота, не исключая и лошадей. Обиліе скота обуславливало собою крупныя денежныя выгоды, независимо отъ обладанія избыткомъ мяса, сала и молочныхъ продуктовъ для собственнаго употребленія. Ногаецъ, несмотря на свою апатію и лѣнь, относительно благоденствовалъ. Рассказываютъ, что онъ любилъ тогда погарцовать на сытомъ *армакѣ*, задавалъ пиры и не прочь былъ пощеголять своимъ гостепримствомъ. Но около поры покоренія Восточнаго Кавказа все это благополучіе стало быстро уходить изъ рукъ нашего степняка. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того

*) За 1893 г. на 147 смертныхъ случаевъ приходится 99 рожденій.

какъ прекращалась одна борьба, борьба съ пушечною пальбою между русскимъ воиномъ и кавказскимъ горцемъ, этотъ послѣдній, т. е. горець, вступилъ въ другую борьбу, борьбу культурную съ жалкими остатками древней кичакской орды. Чеченець направился изъ своихъ лѣсныхъ трущобъ на кумыцкую плоскость и захватилъ южную, самую плодородную часть ея. Кумыкъ придвинулся съ своимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ къ востоку и началъ бросать хлѣбное зерно тамъ, гдѣ прежде слышалось одно ржанье коней. Одновременно съ тѣмъ въ горцѣ мало-помалу окрѣпло сознание важности и плодотворности сельского хозяйства и потому онъ съ каждымъ годомъ сталъ занимать своими запашками все большія пространства земли, а на свободные отъ запашекъ участки сталъ выгонять своихъ собственныхъ овецъ и лошадей. Словомъ, въ культурной борьбѣ ногаецъ, какъ болѣе слабая сторона, оказался совершенно побѣжденнымъ. Энергическіе сосѣди исподоволь втиснули его въ предѣлы узкой береговой полосы и теперь онъ, жалкій, ободранный и полуголодный, вертится въ ней, какъ бѣлка въ колесѣ.

Изъ всего только-что рассказаннаго видно, что въ дѣлѣ обѣднѣнія ногайцевъ участвовали два фактора: неблагоприятныя внѣшнія условія и отсутствіе въ самихъ ногайцахъ предпримчивости и энергии, необходимыхъ для борьбы съ ними. Факторы эти существуютъ и теперь, а потому трудно предсказывать занимающей насъ отрасли ногайскаго племени болѣе или менѣе отрадную будущность.

III.

*Наружность и нравственные и умственные качества
аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ.*

Ногаецъ по преимуществу средняго роста, сухо-
щавъ, нѣсколько сутуловатъ; грудь плоская, нерѣдко
впалая, оконечности рукъ и ногъ, какъ у человѣка
физически слабаго и непривычнаго къ мускульному
труду, малы и нѣжны. Лицо ногайца плоское, съ
одутловатыми щеками, маленькимъ, приплюснутымъ
носомъ, низкимъ лбомъ, небольшими карыми или чер-
ными глазами, большимъ ртомъ и широкими скулами;
волосы на головѣ черные, на бородѣ и усахъ жидкіе,
неопредѣленнаго темно-сѣраго или каштановаго цвѣта,
бакъ почти нѣтъ, цвѣтъ кожи блѣдно-желтый. Таковъ
общій типъ, отъ котораго существуютъ значительныя
отступленія, особенно между аксаевскими ногайцами.
Среди послѣднихъ не рѣдкость, напр., лицо съ круп-
ными и рѣзкими чертами, съ большимъ, хотя сплюсну-
тымъ носомъ, обрамленное небольшою черною боро-
дою и жидкими баками. Попадаютъ также фигуры
приземистыя и расплывшіяся. Взглядъ ногайца кроткій,
съ выраженіемъ наивнаго изумленія, подобный взгляду
овцы, его неизмѣнной спутницы, голосъ у него тонкій,
визгливый, какъ-разъ такой, въ какомъ нуждается
трусливый сынъ степей и болотъ, ловко пользующійся
имъ для произведенія тревоги въ случаѣ опасности
для скликанія затерявшихся среди камышей товари-
щей, для переговоровъ съ отдаленныхъ одинъ отъ
другого пунктовъ. На блѣдно-желтомъ лицѣ нашего
степняка неизмѣнно сохраняется одно и то-же выра-

женіе—выраженіе тупого спокойствія, такъ похожее на томительно-однообразное спокойствіе степи въ знойную лѣтнюю пору, когда надъ выцвѣтшею и пожелтѣвшою равниною разстилается безоблачное небо и воздухъ недвиженъ. Можетъ быть тонкій наблюдатель въ тупо-спокойномъ лицѣ современнаго ногайца, потомка, какъ надо полагать, длиннаго ряда минувшихъ поколѣній, нашель-бы признаки разочарованной дряхлости, давно примирившейся съ мыслью, что „ничто не ново подъ луною“; но на обыкновенный взглядъ оно свидѣтельствуеетъ только о неподвижности мысли и примиреніи съ судьбою.

Ногайская женщина похожа, конечно, на мужского представителя своего племени, но мелкія черты лица, кроткій взглядъ и тонкій нѣжный голосъ къ ней идутъ больше, чѣмъ къ мужчинѣ, поэтому она много выигрываетъ передъ первымъ. Между молодыми женщинами и дѣвушками встрѣчаются даже красивыя *), если только онѣ не обезображены большими кольцами, вдѣтыми въ носъ.

Описанная наружность ногайца вполне гармонируетъ съ его внутренними качествами. Онъ смиренъ и покоренъ. Съ нимъ нужно обойтись очень грубо, чтобы взволновать его, но и въ этомъ случаѣ онъ только краснѣетъ, не давая, насколько возможно, своему возмущенному чувству вылиться наружу. Предвидя опасность, ногаецъ спѣшитъ укрыться, при внезапномъ наскокѣ врага онъ теряется и бѣжитъ, не пробуя защищаться. Эта черта его характера отлично извѣстна сосѣдямъ ногайцевъ—кумыкамъ и чеченцамъ, ловко эксплуатирующимъ ее въ свою пользу. Бывали

*) Лицо красивой ногайской дѣвушки нѣсколько напоминаетъ лицо донской казачки, только въ немъ меньше мысли и жизни.

случаи, когда кумыцкiй, а еще чаще чеченскiй *джитта*, подобравъ себѣ двухъ-трехъ ловкихъ товарищей, внезапно заскакивалъ съ ними въ ногайскiй табуны и, на виду не только пастуховъ, но и цѣлаго ногайскаго юрта, выбиралъ и угонялъ изъ него лучшихъ коней. Но когда ногайцевъ много, а врагъ малочисленъ, или когда цѣлая толпа ихъ проникнется чувствомъ негодованiя и злобы и у нихъ есть руководитель, тогда они способны ринуться на противника съ дерзостью отчаянiя и крошить и мять все безъ разбора. Какъ у большинства трусливыхъ животныхъ, у ногайцевъ развиты инстинкты общественности, стадности, если хотите. Жители одного юрта живутъ, какъ одна семья, которая вмѣстѣ плачетъ по покойнику, вмѣстѣ веселится на общей юртовой площадкѣ, вмѣстѣ садится и снимается съ извѣстныхъ мѣстъ, какъ стая птицъ, и вмѣстѣ и единодушно защищается отъ врага. Въ юртѣ, что извѣстно одному, то становится достоянiемъ всѣхъ. Первый тревожный лай собакъ съ какой-нибудь стороны юрта заставляетъ выскакивать изъ своихъ кибитокъ все населенiе съ мыслью о взаимопомощи и обоюдной защитѣ. Этотъ инстинктъ общественности или чувство взаимной солидарности, столь естественное въ людяхъ, живущихъ бокъ-о-бокъ въ войлочныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ кибиткахъ, въ дуплѣ ногайца, переплетается съ чувствомъ фамилiальной или родовой дисциплины, о которомъ будетъ сказано ниже, и затѣмъ съ навыкомъ къ подчиненiю дисциплинѣ религiозной. Ногайцы, очевидно, не новички въ дѣлѣ мусульманской религiи, какъ многiе другiе кавказскiе народы. Если они, какъ надо думать, появились на материкѣ Европы и много раньше рожденiя мусульманства, то адептами этой религiи

все-таки сдѣлались не позже водворенія въ приволжскихъ степяхъ татарско-монгольскаго царства, т. е. въ срединѣ XIII вѣка. Періодъ времени въ шесть вѣковъ съ лишнимъ былъ вполне достаточенъ, чтобы вытѣснить изъ жизни ногайцевъ всѣ ихъ прежнія вѣрованія и обычаи и поставить на ихъ мѣсто требованія и обычаи ислама, превратившіеся для народа въ органическую законъ. Обладая инстинктомъ общественности и навыкомъ къ подчиненію требованіямъ религіи и оставаясь по природѣ смиренными и апатичными, ногайцы именно поэтому во многихъ отношеніяхъ являются носителями весьма солидныхъ добродѣтелей. Убийствъ между ними почти не бываетъ; воровство, ссоры, драки—явленія весьма рѣдкія. Гостепріимство отличается полною искренностью и теплотою. Уваженіе къ старшимъ полное, а если этотъ старшій является въ ореолѣ *хаджи* (старикъ, ходившій на богомоленіе въ Мекку), то уваженіе переходитъ въ благоговѣніе. Между родителями и дѣтьми господствуетъ обыкновенно полное согласіе. Родители любятъ дѣтей, а дѣти платятъ имъ за это почтеніемъ и послушаніемъ. Женщины не рабыни, какъ у многихъ восточныхъ народовъ, а полноправные члены; жены даже совѣтницы своихъ мужей, хотя по общей молвѣ жена ногайца не особенно хлопочетъ о супружеской чести своего мужа и на защиту этой чести во многихъ случаяхъ является безстрастность ногайскихъ кавалеровъ. Но и на солнцѣ есть пятна, поэтому и въ ногайцѣ не все добродѣтели. Совѣстливости въ ногайцѣ весьма немного и поэтому пристыдить его чѣмъ-нибудь чрезвычайно мудрено; затѣмъ, онъ лживъ и изворотливъ и, какъ человѣкъ тупой, чрезвычайно упрямъ. Къ числу его несимпатичныхъ качествъ слѣдуетъ отне-

сти также и склонность его къ цинизму.

Въ умственномъ отношеніи ногаецъ стоитъ на весьма низкой ступени. Говорить онъ плохо и запутанно. Думать онъ, повидимому, совершенно неспособенъ и, когда требуется размышленіе, молчить и смотреть передъ собою спокойно и безпечально, какъ человѣкъ, давно порѣшившій, что ему нечего утруждать свою голову, такъ какъ она все равно работать не будетъ. Это не только умственная слабость, но еще какая-то неподвижность мысли, замкнутость въ тѣсномъ кругѣ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, или — характеризуя тоже явленіе съ другой стороны — омертвѣлость способности познавать новое, полное отсутствіе любопытства. Ногаецъ, разумѣется, знаетъ очень мало. Онъ знаетъ обиходныя требованія своей религіи, знаетъ, что въ мірѣ существуетъ *шайтанъ*, не рѣдко издѣвающійся надъ человѣкомъ, знаетъ обычаи сватовства, похоронъ, гостепріимства, знаетъ, что передъ силою нужно преклоняться, знаетъ, какъ строить кибитку, какъ пасти и стричь барановъ и изъ шерсти валять грубыя полости. Вотъ на этихъ знаніяхъ онъ и застылъ и больше ничего не хочетъ знать. Ни небо, ни земля, внѣ ея служенія его первобытнымъ потребностямъ, ни другіе народы (кромѣ упоминаемыхъ въ его пѣсняхъ), ни другія условія жизни, — нисколько не останавливаютъ на себѣ его вниманія. Можетъ быть, тутъ таится даже нѣкотораго рода самоувереніе, столь свойственное древнимъ народамъ, какъ китайцы, іудеи, персы и др. Дѣйствительно, если очень пристально всматриваться въ умственную фیزیономію ногайцевъ, то можно, къ крайнему изумленію, найти въ ней черты какого-то самодовольства, увѣренности, что народъ „въ предѣлѣхъ земномъ совер-

шилъ все земное“, а чего не совершилъ, о томъ не стоитъ и хлопотать. Въ практической жизни приведенная особенность ногайцевъ сказывается въ упорномъ отстраненіи ими отъ себя всего чужого. Живя, на примѣръ, въ сосѣдствѣ кумыковъ, они кое-что имъ дали, но сами отъ нихъ почти ничего не позаимствовали, если не считать тѣхъ убогихъ саклей, о которыхъ говорено раньше, да нѣкоторыхъ усовершенствованій въ исполненіи земледѣльческаго труда, на примѣръ, въ отношеніи искусственнаго орошенія полей.

Вообще, полная моральная инертность—самая характерная особенность современныхъ намъ ногайцевъ и этимъ объясняется, почему въ семьѣ другихъ кавказскихъ племенъ они занимаютъ совершенно исключительное мѣсто. Со времени водворенія въ краѣ нашей власти интересы наши и этихъ другихъ племенъ переплелись между собою тысячью нравственныхъ и материальныхъ нитей. Осетинъ, кумыкъ, кабардинецъ, чеченецъ торгуютъ съ нами; состоятъ на нашей службѣ, учатся въ нашихъ школахъ, заимствуютъ отъ насъ новыя отрасли дѣятельности, куначатся съ нами, во многомъ подражаютъ намъ и проч. и проч. Благодаря этому, хоть не быстро, но они подвигаются впередъ. Ногайцы вполнѣ изолировались отъ нашего вліянія. За десятки лѣтъ обоюднаго сожителства съ нами они не подвинулись впередъ на югу, оставаясь среди живыхъ народовъ окоченѣвшимъ трупомъ—и, правда, трудно сказать, есть-ли сила въ мірѣ, способная оживить этотъ трупъ...

IV.

*Соціальное устройство ногайского общества и нѣкоторыя
соображенія о происхожденіи и прежнемъ мѣстѣ жи-
тельства аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ.*

Общественное устройство костековскихъ и аксаевскихъ ногайцевъ зиждется на началахъ родовыхъ или фамильныхъ. Каждое изъ этихъ обществъ состоитъ изъ нѣсколькихъ крупныхъ и мелкихъ родовъ, внутри которыхъ господствуетъ принципъ патріархальности, сохранившійся во всей первобытной чистотѣ. Кромѣ старшаго всѣ другіе члены рода — равноправные братья, этотъ-же старшій — родовой начальникъ. Не имѣя при настоящихъ внѣшнихъ условіяхъ народной жизни (подчиненность другой народности) никакой матеріальной власти, родовой начальникъ тѣмъ не менѣе морально вполне властвуетъ надъ умомъ и волею всѣхъ своихъ младшихъ родственниковъ. Впрочемъ, если родъ великъ и многочисленъ, власть эта принадлежитъ не одному, а коллегіи старшихъ, рѣшеніямъ которой повинуются безусловно. Съ своей стороны, старшіе или старики, проникнутые сознаниемъ общности интересовъ или, быть можетъ, находясь подъ вліяніемъ наслѣдственнаго инстинкта, при рѣшеніи родовыхъ вопросовъ не преслѣдуютъ своекорыстныхъ цѣлей, а дѣйствуютъ въ интересахъ всѣхъ: отсюда отсутствіе между ними разладовъ и окончаніе дѣлъ съ общаго согласія. Внѣ фамиліи или рода начинается уже простое сожительство или сосѣдство различныхъ группъ одного племени. Раздѣленія на сословія не существуетъ, но всѣ фамиліи равноправны и незави-

сими одна отъ другой. Есть, правда, фамиліи, члены которыхъ склонны гордиться передъ другими превосходствомъ своего рожденія, но источникомъ гордости служить убѣжденіе въ древности своего фамильнаго дерева или сознаніе многочисленности фамиліи—и только; поползновенія-же на властительство надъ другими не существуетъ. Однако рѣзко обозначается то, что отдѣльныя фамиліи племени, живя теперь при однихъ и тѣхъ-же экономическихъ и политическихъ условіяхъ, въ значительной степени чужды другъ другу. По возможности, фамиліи группируются въ обособленные юрты; въ ихъ стремленіяхъ и цѣляхъ нерѣдко проявляется полный антагонизмъ. Между представителями разныхъ фамилій не замѣчается большой тождественности ни въ наружномъ обликѣ, ни въ особенностяхъ въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, хотя, разумѣется, печать обособленной народности лежитъ на всѣхъ. При этомъ каждая фамилія имѣетъ свои особыя историческія преданія, связанныя съ фамильными прозвищами и фамильными эмблематическими знаками, весьма сходными по значенію своему съ гербами у европейскихъ народовъ. Эти эмблематическіе знаки, употребляемые въ домашнемъ обиходѣ для таврированія лошадей и рогатаго скота, клейменія могильныхъ памятниковъ и обозначенія вообще принадлежности предмета той или другой фамиліи, носятъ тѣже названія, что и самыя фамиліи. Смотря на эти названія, какъ на источникъ, проливающей довольно яркій свѣтъ на прошлое описываемой нами народности, я попробую привести тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ извѣстны *).

*) Эмблематическіе знаки приводимыхъ здѣсь ногайскихъ фамилій смотри въ концѣ очерка (стр. 398—399).

Въ числѣ названій первое мѣсто по многочисленности семей, носящихъ его, принадлежитъ названію *Найманъ* или *Найманъ*, развѣтвляющемуся на названія *Тараклы-Найманъ*, *Килымъ-Найманъ*, *Гелекъ-Нейманъ* и *Багала-Найманъ*; за нимъ идетъ названіе: *Кыпчакъ* и вѣтвь его *Курама-Кыпчакъ*; слѣдующія мѣста принадлежатъ названіямъ: *Канлы*, *Иракъ-лы-Канлы* и *Канлы-Ай*, *Чи-джугутъ*, *Казанъ-кулакъ*, *Казанъ-уллу*, *Буюра-башъ* или *Уракъ*, *Алашъ*, *Эргенекъ*, *Чапханчи*, *Усунъ* или *Уйсюнъ*, *Ашъ-май-лы*, *Уйгуръ-тууръ*, *Чомишлу-Асъ*, *Деръ-уллу-асъ*, *Юаръ*, *Хасай-уллу*, *Баята*, *Мажаръ*, *Янлы-Байлы*, *Серкели*, *Койсу-лу*, *Тарту-уллу-асъ* и др.

Сами ногайцы о происхожденіи своихъ фамильныхъ названій многого, конечно, не знаютъ, хотя считаютъ ихъ всѣ весьма древними. Между прочимъ, они утверждаютъ, что названіе *Хасай-уллу* носятъ потомки какого-то современника Мамаю—Хасая или Хасана-Абуза; затѣмъ, по ихъ сказаніямъ, къ фамиліи, носящей названіе *Алашъ*, принадлежалъ самъ Мамай, а названіе *Буюра-Башъ* или *Уракъ* было дано потомкамъ племянника Мамаю—Урака или Орака. Къ представителямъ фамиліи *Усунъ* или *Уйсюнъ* они относятъ также многія кумыцкія фамиліи, отдѣлившіяся отъ своихъ родичей въ давно минувшія времена.

За недостаточностью свѣдѣній, даваемыхъ намъ народною памятью ногайцевъ, обратимся для разъясненія вопроса о значеніи приведенныхъ названій къ имѣющимся у насъ историческимъ даннымъ.

Монахъ Іоакимѣ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о народахъ, обитающихъ въ средней Азіи въ древнѣйшія времена, между прочимъ, говоритъ: „*найманъ*“ — монгольское племя, и нынѣ обитающее въ Средней-же Азіи, рядомъ съ *аймаками* и *аоханъ* (ч. I, стр. 7).

Онъ-же въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (ч. I, стр. 23, ч. III, стр. 5, 100), пишетъ, что усунь (усунь)— племя, о существованіи котораго въ средней Азіи въ качествѣ большого государства съ главнымъ городомъ Чигу китайцамъ было извѣстно за 176 лѣтъ до Р. Х.

Изъ всемірной исторіи мы знаемъ, что названіе *кыпчаки* или *капчаки* принадлежало народамъ, кочевавшимъ въ нынѣшнихъ Оренбургскихъ и Астраханскихъ степяхъ еще до прихода туда монголовъ *) и что эти народы были выходцами изъ Азіи.

Въ томъ-же источникѣ имѣются свѣдѣнія объ *уйгурахъ*, какъ о народѣ тюркскаго племени, въ глубокой древности обитавшемъ на юго-западной границѣ Китая, на югъ отъ хребта Тянь-Шань, въ нынѣшней Кашгаріи. Венгры или мадьяры (угры) считаются потомками этихъ уйгуровъ **).

Переходя къ русской исторіи, мы прежде всего встрѣчаемся въ ней съ указаніемъ, что славяне на южной и юго-восточной границѣ своей земли, въ самый моментъ выхода своего на историческую арену, встрѣтились съ какими-то *печенгами* и родственными имъ *узами* и *торками* ***). Кто-же такіе узы, если не усунь монаха Іоакимфа, перекочевавшіе въ теченіе вѣковъ изъ Средней Азіи къ берегамъ Дона и Днѣпра? Названіе родственныхъ узамъ *торковъ* вполне тождественно съ названіемъ *торко* или *таро*, а тарко-ногайцы и теперь живутъ въ сосѣдствѣ съ нашими аксаевскими и костековскими ногайцами, на берегахъ

*) Всем. ист. Шюссера, VII, 215.

**) Афганистанъ и сопредѣльные страны Южакова, 1885 года, ст. 92—93.

***) Исторія Россіи Соловьева, I, 122.

Сулака, и по всей вѣроятности, положили собою основаніе образованію на западномъ берегу Каспійскаго моря цѣлаго государства, подъ именемъ шамхальства *Тарковскаго*. Затѣмъ, кто такіе печенѣги? А. Вельтманъ въ своей оригинальной монографіи: „Аттила и Русь IV и V вѣка“ *) говоритъ, что слово *печенѣги*, повидимому, образовалось изъ словъ *бѣязь* и *ноге* и означаетъ бѣлые или вольные ногаи, добавляя къ этому, что такъ называлась древняя азіятская казачья орда. Догадка эта страдаетъ натянутостью, хотя въ подтвержденіе правильности ея можно-бы, пожалуй, сослаться на существованіе кара-ногайцевъ или черныхъ ногайцевъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе Вельтмана имѣетъ въ моихъ глазахъ значеніе, потому что оно совпадаетъ съ моимъ мнѣніемъ. Только для объясненія слова *печенѣги* я не вижу надобности прибѣгать къ слову *бѣязь* (татары говорятъ не бѣязь, а бязь). Слово *печенѣги* гораздо проще объясняется словами: *печень* (сѣно, трава) и *ноге*, т. е. ногаи; печенѣги, слѣдовательно, означаетъ ногайцы травы или сѣна, т. е. ногайцы, живущіе въ мѣстахъ, обильныхъ травою или, можетъ быть, въ жилищахъ, сдѣланныхъ изъ травы. Интересно, что наши ногайцы, живущіе теперь въ кибиткахъ калмыцко-киргизскаго типа, сами утверждаютъ, что кибитки ими заимствованы отъ другихъ народовъ во времена Мамаю, а что раньше они имѣли какія-то другія жилища. Принимая во вниманіе умственную ограниченность ногайцевъ, нельзя сомнѣваться, что этими жилищами были просто шалаши, обложенные и покрытые травою и камышомъ. Такимъ образомъ, можно предположить,

*) Атт. и Русь IV и V вѣка, А. Вельтмана, Москва, 1858, ст. 148, пр. 3.

что слово *печеньги* тождественно съ словомъ *ногаи* и образовалось по тому-же типу, по которому образовались славянскія названія—древляне, поляне и пр.

Возвратимся къ нашей исторіи. Вслѣдъ за печенѣгами врагами юной Руси все съ той-же Кипчакской стороны называются *половцы*, причемъ дѣлается указаніе, что слово *половцы*—передѣлка слова *кыпчакъ* *). Съ появленіемъ половцевъ со страницъ исторіи какъ-то безслѣдно пропадаетъ имя печенѣговъ, но имя *узоев* остается и рядомъ съ нимъ появляется имя *кумановъ*, столь созвучное съ именемъ *наймановъ*. Куда же дѣвались печенѣги? Нѣкоторая часть ихъ, какъ извѣстно, поселилась на тогдашней границѣ Россіи, а остальные слились, вѣроятно, съ половцами, а можетъ быть, что еще вѣроятнѣе, ни съ кѣмъ и не сливались, а остались тѣми-же *печень-ноге*, начавшими только именоваться другимъ изъ своихъ фамиліальныхъ прозвищъ. Иначе и объяснить трудно, съ одной стороны, внезапное и безслѣдное исчезновеніе *печень-гоевъ* **), а съ другой—то обстоятельство, что жившіе совместно съ печенѣгами у днѣпровскихъ пороговъ *узы* и *торки* и послѣ того остаются мирно сожителствовать съ *кыпчаками*, *найманами*, а также (что представляется въ высшей степени вѣроятнымъ) *алашцами*, *серкелинцами* ***) и другими ногайскими фамиліями, родовыя прозвища которыхъ укрылись отъ глазъ исторіи за видовымъ именемъ *кыпчакъ*.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія, сначала изъ-

*) Исторія Россіи Соловьева, I, прим. 40.

**) Она, казалось-бы, могли откочевать на Кавказъ. Но внимательное изученіе вопроса о народахъ, обитающихъ на Кавказскомъ перешейкѣ съ древнѣйшихъ временъ, приводитъ къ убѣжденію, что въ числѣ этихъ народовъ печенѣговъ не было (См. истор. Грузіи кн. Баратова, тетр. 1-я).

***) Припомнимъ *Серкель*, древнюю крѣпость или городъ на Дону.

за Кавказа, съ юга, потомъ съ востока, изъ-за Урала, появляются татары—монголы и овладѣвають всѣмъ юго-востокомъ Европы до устьевъ Днѣпра. Имя половцевъ, этихъ „холопей и конюховъ татаръ“, какъ послѣдніе сами говорили объ нихъ *), выдавая такимъ образомъ свое кровное родство съ ними, въ свою очередь исчезаетъ со страницъ исторіи. Но проходить какихъ-нибудь сорокъ съ небольшимъ лѣтъ послѣ второго вторженія татаръ въ Европу, и на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде, до 1240 года, жили половцы, появляется независимая отъ волжской Золотой орды—орда Ногайская. Въ нашей исторіи появленіе Ногайской орды связывается съ именемъ хана Ногая, изъ рода Джучи, сына Чингисъ-хана **). Однако, мы не знаемъ орды съ именемъ Чингизова или Батыева или Беркеева, поэтому позволительно предположить, что не ханъ Ногай далъ свое имя ордѣ, но по Ногайской ордѣ и ханъ ея названъ въ нашихъ лѣтописяхъ Ногаемъ, такъ какъ собственное его имя не было извѣстно. Но изъ кого же именно могла составиться у береговъ Чернаго моря Ногайская орда, если не изъ прежнихъ обитателей тѣхъ мѣстъ, т. е. кипчакцевъ, узовъ, кумановъ, торковъ? Объ истребленіи монголами названныхъ обитателей намъ ничего неизвѣстно, да это и невѣроятно, въ виду проявленной ими покорности предъ властью грозныхъ завоевателей. Что они переселились куда-нибудь, спасаясь отъ монгольскаго ига—свѣдѣній не имѣется. При томъ при ихъ пастушескомъ образѣ жизни имъ и некуда было укрыться отъ монголовъ, захватившихъ въ свои руки пастбища Европы и Азіи. Наконецъ, нельзя забывать, что въ

*) Истор. Росс. Соловьева, 11, 420.

***) Ист. Россіи Соловьева, III, 171.

случаѣ истребленія или переселенія половцевъ (кипчаковъ) край, орошаемый Днѣпромъ и Дономъ, довольно продолжительное время былъ бы пустъ и безлюдень, такъ какъ Монгольская орда вначалѣ сосредоточилась на берегахъ Волги. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ея прихода мы находимъ у береговъ Чернаго и Азовскаго морей сильную орду, соперничающую даже съ Великою Золотою ордою. Остается, значитъ, согласиться, что Ногайское царство было царствомъ *узовъ, торковъ, кумановъ, кипчаковъ* (они-же *печенги*, они-же *половцы*), въ концѣ XIII столѣтія сдѣлавшихся извѣстными въ исторіи подъ своимъ обще-народнымъ именемъ *ногай*.

Слѣдя далѣе за судьбой ногайскихъ племенъ, мы въ послѣдующіе вѣка сначала находимъ эти племена отброшенными къ западному берегу Азовскаго моря и къ Крыму, потомъ видимъ ихъ на пространствѣ между Дономъ, восточнымъ берегомъ Азовскаго моря и Кубанью. Потомъ... но здѣсь мы оставимъ писанную исторію, которая, къ слову сказать, не особенно внимательно относится къ нашимъ бѣднымъ потомкамъ старо-давнихъ противниковъ юной Россіи, и перейдемъ къ устнымъ преданіямъ аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ. По этимъ преданіямъ, былъ нѣкогда очень умный и очень могущественный ногаецъ, именемъ Мамай (сынъ Мусы) — слава и гордость своего народа. Мамай, благодаря уму и ловкости, захватилъ въ свои руки золотой тронъ великихъ хановъ Золотой орды, потомковъ страшнаго Чингисъ-хана, и изъ стана своего на рѣкѣ *Эдиль* *) сталъ распространять свою власть во всѣ стороны. Какъ бѣльмо на глазу, стояли передъ нимъ незави-

*) Эдиль тоже, что Итиль—Волга.

симые отъ Золотой орды владѣнія крымскаго хана Батырь-хана. Но не надѣясь захватить эти владѣнія силою или просто подчиняясь свойству своего ума, онъ рѣшился дѣйствовать хитростью. Взявъ племянника своего Орака, прозвищемъ *Делли* *), онъ отправился съ нимъ въ Крымъ къ Батырь-хану—просить союза и помощи въ войнѣ съ Московскимъ царемъ Юваномъ **). Не подозрѣвая хитрости, Батырь-ханъ согласился вступить въ союзъ и послѣ отъѣзда Мамаю немедленно выступилъ со своимъ войскомъ къ сторонѣ Волги, на соединеніе съ его войскомъ. Вмѣстѣ съ Батырь-ханомъ въ походъ отправился и единственный братъ и наслѣдникъ его Паливанъ-Султанъ. Мамаю только того и нужно было. Извѣщенный о приближеніи хана, онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и затѣмъ уговорилъ его оставить войско и вмѣстѣ съ братомъ ѣхать къ нему въ шатеръ. Произошла пышная встрѣча и угощеніе союзниковъ, а потомъ Мамай пригласилъ ихъ играть съ нимъ въ шахматы. Во время игры Мамай сдѣлалъ ходъ, имѣвшій значеніе условнаго знака, и тогда племянникъ его Оракъ, не раздумывая долго, однимъ ловкимъ ударомъ кинжала отрубилъ хану голову. За ханомъ той-же участи подвергся и Паливанъ-Султанъ. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ соперниковъ, Мамай захватилъ Крымское ханство въ свои руки и тотчасъ приступилъ къ переселенію части населенія ханства въ малолюдныя тогда степи у подошвы Кавказскихъ горъ. Въ число переселенцевъ попали и наши ногайцы, которые пер-

*) *Делли*—отчаянно-храбрый, бѣшеный.

**) Вѣроятно, рѣчь идетъ объ Іоаннѣ II Іоанновичѣ, великомъ князѣ Московскомъ, въ годъ кончины котораго (1359) въ Золотой ордѣ выдвинулся на сцену темникъ Мамай, правившій еще тогда именовъ хана Абдулы.

воначально перекочевали со своими стадами на плоскость нынѣшней Чечни, приче́мъ глава племени или орды—*Бора-ханъ* основалъ свой юртъ на рѣкѣ Сунжѣ, вблизи впаденія ея въ Терекъ *). Мѣсто это, благодатное въ климатическомъ и почвенномъ отношеніяхъ, оказалось однако для ногайцевъ весьма непривѣтнымъ въ другомъ отношеніи. Съ запада ихъ тѣснили воинственныя племена черкесовъ; съ юга, какъ коршуны, налетали на нихъ буйные чеченцы **). Это вынудило ихъ двинуться далѣе на востокъ и, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, сѣсть, наконецъ, тамъ, откуда идти было некуда, т. е. на полосѣ земли, за которой уже начинается Каспійское море.

Такимъ образомъ, основываясь на приведенномъ преданіи, мы вправѣ полагать, что ногайцы, по крайней мѣрѣ, аксаевскіе, костековскіе и таркинскіе—суть жалкіе остатки печенѣговъ или половцевъ, узовъ, торковъ, кумановъ. Это они, т. е. предки ихъ, появились на югѣ Россіи, у предѣловъ Кіевского княжества, во времена сыновей Ярослава Мудраго; именно ихъ били наши предки при каждомъ столкновеніи съ дикимъ врагомъ въ открытомъ полѣ, притуляя свои мечи „о поганяя головы половецкія“. Но ихъ было много, а Русь только-что зарождалась. Вотъ почему мы видимъ, что русскіе князья заключаютъ съ ними дружественные союзы, чествуютъ ихъ князьковъ Кончаковъ и Бодяковъ, женятся на дочеряхъ этихъ

*) Это нынѣшній чеченскій аулъ Бораганъ или Брагуны.

***) У чеченцевъ тоже сохранилось преданіе о столкновеніи ихъ съ ногайцами, гдѣтъ 500 тому назадъ, въ предѣлахъ нынѣшней Малой Чечни. Ногайцы, по этому преданію, въ большой массѣ встрѣтились съ чеченцами въ широкомъ ложѣ рѣки Аргуна. Произошло побоище, въ которомъ трусливые кипчацы, естественно, понесли страшное пораженіе. (Чечня и чеченцы Берже, Тифлисъ, 1860 г.).

князьковъ, отводятъ своимъ дикимъ сосѣдямъ земли для охоты и поселенія и, вообще, не только тѣшатся охотою на „половчанина“, но и способствуютъ рассовому смѣшенію его съ населеніемъ Руси...

Что наши ногайцы не потомки монголовъ-татаръ, создавшихъ въ степяхъ Волги въ XIII столѣтіи грозное монгольское царство, можно доказать многимъ. Распространяться на этотъ счетъ въ настоящемъ очеркѣ не совсѣмъ уместно, поэтому мы ограничимся указаніемъ только на два важныхъ обстоятельства. Прежде всего монголы, при появленіи ихъ на исторической аренѣ, вовсе не были первобытнымъ народомъ. По оставшимся намъ отъ того времени свидѣтельствамъ, они имѣли чуть не образцовую военную и политическую организацію и отличались большимъ политическимъ тактомъ и смысломъ. У нихъ были свои письмена *), свое уложеніе законовъ (*ясса*), они занимались ремеслами, торговлею; умѣли устраивать себѣ роскошную обстановку **) и не чужды были занятій искусствами, чему доказательствомъ служатъ нѣсколько замѣчательныхъ поэмъ, сохранившихся въ ногайскомъ народѣ. Это одно. Затѣмъ, объ отчаянной храбрости монголовъ-татаръ было-бы излишне распространяться. Не даромъ-же этотъ народъ въ короткій періодъ жизни одного человѣка, какъ Чингисханъ, сумѣлъ заставить трепетать передъ собою чуть не двѣ трети Стараго Свѣта. Какъ хотите, но не возможно придумать такія условія, такую историческую судьбу для народа, при которой онъ въ те-

*) Современные намъ ногайцы пишутъ только по арабски, какъ и большинство кавказскихъ племенъ. ●

**) За справками отсылаемъ къ Шлоссеру (В. И. т. VII), Соловьеву (Ист. Рос. т. III) и къ вн. Баратову (Ист. Грузія, тет. V).

чение четырех—пяти столѣтій безслѣдно утратили бы свою воинственность и отвагу и при этомъ еще съ довольно значительной культурной высоты спустился-бы до первобытныхъ формъ жизни младенческихъ обществъ. Между тѣмъ ногайцы со времени процвѣтанія Монгольской орды и не подвергались никакимъ особеннымъ случайностямъ судьбы. Гдѣ они поселились при Мамаѣ или при Тохтамышѣ, тамъ живутъ и теперь. Какого-либо сильнаго нравственнаго давленія чуждой народности они не испытали. Что-же касается сосѣдства ихъ съ воинственными кавказскими горцами, то послѣдствіемъ этого могло быть только усиленіе храбрости и отваги, если-бы онѣ были прежде, а никакъ не полное исчезновеніе ихъ.

Но если ногаи и не потомки монголовъ-татаръ, то они, во всякомъ случаѣ, родственны имъ. Предки тѣхъ и другихъ—одни и тѣ-же—первобытные обитатели Средней Азіи, которыхъ перечисляетъ въ своемъ сочиненіи монахъ Іоакимѣвъ. Увѣриться въ этомъ чрезвычайно легко, хотя-бы сличеніемъ примѣтъ монгола, записанныхъ путешественникомъ временъ величія Золотой орды, итальянцемъ Миноритомъ-Іоанномъ Платано-Корпини *), съ примѣтами современнаго намъ ногайца. Только нашъ половчанинъ (кипчаковецъ) пришелъ на равнину юго-восточной Европы, надо полагать, еще въ древнѣйшія времена, да такъ и застылъ здѣсь въ первоначальныхъ формахъ своего быта. Отвагою, вѣроятно, онъ не отличался и прежде (здѣсь умѣстно припомнить замѣчаніе нашего историка Соловьева, что „печенѣги *ни разу* не дали побѣды князьямъ (русскимъ)“, нанимавшимъ ихъ **); тотъ-же

*) Истор. Рос. Соловьева, III, 179.

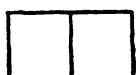
**) Ист. Рос. Соловьева, I, 250.

историкъ, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, весьма нелестно отзывается и о храбрости половцевъ; но если она и была у этого народа, то въ такой незначительной степени, что ее не трудно было растерять, пробираясь со своими стадами на пространствахъ времени чрезъ такія станы, какъ готскій, гунскій, хазарскій, славянскій, турецкій, монгольскій, черкесскій и въ заключеніе калмыцкій.

Итакъ, исторія ногайцевъ побережья Аграханскаго залива, независимо своего значенія, какъ исторія своеобразнаго человѣческаго общества, какъ исторія одного изъ племенъ, населяющихъ нынѣ Кавказскій перешеекъ, имѣетъ еще для насъ высокій интересъ и въ томъ отношеніи, что ею открывається одинъ изъ факторовъ, вліявшихъ на историческія судьбы коренной Россіи. Сверхъ того она даетъ намъ также указаніе на элементы, изъ смѣшенія которыхъ между собою и съ элементомъ славянскимъ образовались природа, наклонности и бытовой строй южнаго и юго-восточнаго населенія Европейской Россіи.

Приложение.

Эмблематические знаки ногайских фамилий (тавры).

Тараклы-Наймакъ.
(Найманы гребня).

Клымышъ-Наймакъ.
(Найманы сабли).

Гельскъ-Наймакъ.
(Найманы вущи).

Бузала-Наймакъ.
(Столбовой Найманъ).

Кыпчакъ.
(Кыпчакцы).

Курама-кыпчакъ.
(Сборные кыпчакцы).

Канлы.
(Собств. имя).

Ириакъ-лы-канлы.
(Канлы багра).

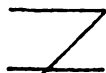
Канлы-ай.
(Канлы луны).

Ти-дѣзутъ.
(Кровные еврей).

Казанъ-кулакъ.
(Дужка котла).

Казанъ-улу.
(Котловые).

Буора-башъ оки-жеУракъ.
(Курчаво-головые).

Алашъ.
(Собств. имя).

Эрненекъ.
(Имѣющіе тавромъ плетень).

Чапханчи.
(Рубящiе холоднымъ оружіемъ).

Уйсюнъ (Усунъ).
(Собствен. имя племени).

Ашъ-май-лы.
(Не ѣвшіе).

Уйгуръ-Тууръ.
(Собств. имя).

Чомишу-асъ.
(Тавро-разливательной ложки).

Деръ-улуу-асъ.
(?).

Югаръ.
(Собств. имя).

Хасай-улуу.
(Фамилія-Хасая).

Баята.
(Собствен. имя).

Мажаръ.
(Собствен. имя).

Янлы-Байлы.
(Вновь разбогатѣвшіе).

Серкели.
(Покрытые гнидами).

Койсу-лу.
(?).

Тарту-улуу-асъ.
(?).

Примѣчаніе. По пѣснямъ ногайцевъ, всѣхъ тавровъ или знаковъ фамилій сорокъ, а такъ какъ въ настоящей таблицѣ ихъ приведено только двадцать девять, то, слѣдовательно, не достаетъ еще одиннадцати.

ЖИЗНЬ НОГАЙСКАГО ЮРТА.

(Эскиз).

Трудно представить себѣ жизнь, болѣе скучную и монотонную, чѣмъ жизнь ногоайскаго юрта. Днем жители юрта, не занятые пастьбою барановъ и рога-таго скота, сидятъ въ своихъ кибиткахъ, не только ничего не дѣлая, но и ни о чемъ не думая. Зимомъ сидѣнье происходитъ вокругъ тлѣющей посреди кибитки кучки *кизяка* и все вниманіе сидящихъ сосредоточивается на томъ, чтобы горѣніе кизяка не прекращалось. Лѣтомъ сидятъ подлѣ кибитки у дверей ея и механически отмахиваются руками или какою нибудь грязною тряпкою отъ комаровъ и мошекъ, тупо прислушиваясь къ ихъ однообразному жужжанію. Около полудня ногоецъ встаетъ, лѣнливо и молча беретъ кувшинъ съ грязною водою, обмываетъ себѣ руки и ноги и становится на молитву. Пошептавъ про себя молитвы въ теченіи десяти-пятнадцати минутъ, онъ снова садится на землю и отъ нечего дѣлать пѣлые полчаса возится съ надѣваніемъ на босую ногу своихъ сафьянныхъ сапожковъ. Есть у него, конечно, кое-какая несложная работишка по хозяйству, но она вся справляется женщиною безъ участія мужчины. Женщина—ногоайка далеко не такъ апатична, какъ мужчина. Ходитъ она живѣе, гово-

рить больше, громче и скорѣе мужчины; нѣжно-визгливый голосъ ея поминутно раздается то въ кибиткѣ, то въ овчарникѣ, то около грязной лужи, изъ которой она наполняетъ кувшинъ своею водою. А если отъ хозяйственныхъ хлопотъ у нея остался досугъ, она займется изготовленіемъ войлоковъ для кибитки. Вонъ на юртовой площадкѣ ихъ собралась цѣлая компанія, усѣвшаяся въ кружокъ. Въ срединѣ кружка виднѣется какой-то свѣтло-сѣрый комъ шерсти, который по очереди наклоняется къ каждой изъ нихъ и каждую отталкивается въ противоположную сторону, къ своей *vis-à-vis*. Такъ они валяютъ войлокъ, шебеча въ то-же время, какъ птицы въ стаѣ.

Вонъ къ одной изъ кибитокъ юрта подѣхалъ всадникъ. Всадникъ въ изодранной черкескѣ и старенькой папашкѣ и сидитъ онъ на низко-рослой темно-сѣрой лошади съ раздутыми боками и толстыми, покрытыми длинною шерстью ногами. Вся сбруя на лошади—сѣдло, стремяна, уздечка — представляетъ собою смѣсь узловатыхъ веревокъ, ключевъ шерсти и изодранной кожи. Заслышавъ топотъ лошади, хозяинъ кибитки вышелъ на встрѣчу гостю и, обмѣнявшись съ нимъ взаимными привѣтствіями, повелъ его въ свою кибитку. Въ то-же время въ другой кибиткѣ, гдѣ помѣщаются жена и дѣти хозяина, а также весь его домашній скарбъ, поднялась возня въ виду необходимости угостить кунака *кинжаломъ* *) и неизбѣжнымъ калмыцкимъ чаемъ. По случаю приѣзда гостя сосѣди гостепріимпа накинули на себя что ни попало—старые бешметышки, изодранныя черкески, кое-кто опоясался плохонькимъ кинжаломъ, нисколько не

*) Национальное кушанье у ногайцевъ и кумыковъ; оно описывается дальше.

заботясь о красотѣ и опрятности туалета, — и одинъ по одному вошли въ его кибитку. Молодежь, по обычаю, расположилась по сторонамъ дверей кибитки и уставилась глазами на старшихъ. Старики усѣлись по сторонамъ гостя. Гость — ногаецъ-же и заѣхаль онъ въ юртъ по тому случаю, что у него украли пару быковъ, которыхъ онъ теперь розыскиваетъ. Монотонно, хотя и скороговоркой, рассказалъ онъ компаніи о своемъ несчастіи, выразивъ увѣренность, что кража совершена извѣстными въ ногайскихъ степяхъ братьями Д.—кумыками, умѣющими пользоваться простоватостью своихъ сосѣдей. Въ заключеніе онъ со вздохомъ объявилъ, что везетъ ворами тридцать рублей, надѣясь умиловитъ ихъ этой жертвой и получить отъ нихъ обратно своихъ быковъ *). Слушатели дружно одобрили намѣреніе рассказчика, причемъ никому изъ нихъ не пришло въ голову что либо похожее на протестъ противъ нелѣпой покупки у вора собственнаго-же добра. Разговоръ истощился. Помолчали. Какъ разъ въ это время, словно для развлечения компаніи, въ дверяхъ кибитки показался *хаджи* — придурковатый старичекъ, маленькаго роста, худенькій, съ морщинистымъ и голымъ, какъ у женщины лицомъ и съ красноватыми, бѣгающими, какъ у пойманнаго мышенка, дѣтски-лукавыми глазками. При входѣ хаджи всѣ встали и на его привѣтствіе „саламъ-алейкумъ“ почтительно и хоромъ отвѣтили „алейкумъ саламъ“, присовокупивъ еще пожеланія здоровья и благополучія. Хаджи усѣлся рядомъ съ гостемъ и началъ болтать разный вздоръ, щурясь и подмигивая своими мышиными глазками. Рѣчь его сводилась къ тому, что

*) Это написано въ 1884 г.; теперь, можетъ быть, положеніе дѣлъ измѣнилось.

въ кражѣ у гостя быковъ виновать не кто иной, какъ старшина *купа* *), къ которому принадлежитъ юртъ гостя и что слѣдуетъ этимъ воспользоваться для принесенія жалобы на старшину. Бѣдовый старичишка тутъ-же придумывалъ и различные планы дѣйствія, одинъ глупѣе другого. Но такъ какъ онъ *хаджи* и притомъ одинъ изъ старшихъ въ юртѣ, то его слушали съ благоговѣніемъ, хотя и знали причину его разглагольствованія: старику давно хотѣлось подставить ножку старшинѣ въ той надеждѣ, что на его мѣсто ему удастся посадить своего сына. Безконечная болтовня старика прервалась, наконецъ, суетней изъ-за закуски. Вытащили изъ угла кибитки низенькій круглый столъ и поставили его противъ гостей; ободранный молодой ногаецъ внесъ въ кибитку и поставилъ на стулъ большую деревянную чашку съ крупною лапшею, сваренною въ водѣ; въ самой срединѣ чашки виднѣлись куски курдючьяго сала, положенные кучкою. Около блюда были разложены небольшихъ размѣровъ просынная лепешки. Хаджи, пошептавъ губами, дотронулся рукою до кончика подбородка въ знакъ окончанія молитвы и тою-же рукою взялъ изъ блюда кусокъ сала. Его примѣру послѣдовали другіе. Ъли всѣ руками и съ помощью деревянныхъ спичекъ, которыми очень ловко вылавливали лапшу изъ чашки; Ъли, по обыкновенію, жадно, быстро, точно опасаясь, что кто-нибудь внезапно забѣжитъ и отниметъ чашку **). Но вотъ наступилъ и торжественный моментъ обѣда. Въ растворенную дверь

*) *Купа* — нѣсколько юртовъ, соединенныхъ вѣстѣ подъ управленіемъ одного старшины, это родъ волости.

***) Напротивъ того, чеченцы ѣдятъ намѣренно медленно, дѣлвно, выказывая этимъ полное равнодушіе въ чувству голода и въ дѣлу утѣленія его.

кибитки два ногайца внесли и поставили на полъ деревянную миску съ ручками, вмѣстимостью не менѣе двухъ ведеръ. Отъ миски до самаго верха кибитки поднялся бѣлый паръ и кругомъ распространился соблазнительный для ногайца аромат калмыцкаго чая. Хозяинъ усѣлся на корточкахъ около любимаго блюда, разставилъ подлѣ себя деревянные ковши съ ручками, стакановъ въ 5—6 каждый, и занялся наполненіемъ ихъ съ помощью деревяннаго-же половника. Молодые люди подхватывали наполненные ковши и обносили ими гостей, начиная со старшаго. Выпившему первый ковшъ наливался второй, а кое-кому было налито и по третьему. Калмыцкій чай—страсть ногайца. Когда ногаецъ въ гостяхъ и хозяинъ, угощая его драгоценнымъ напиткомъ, наливаетъ ему третій или четвертый ковшъ, онъ, махая въ воздухѣ руками, кричитъ: „ай, ай, ай!“, ничего не добавляя къ возгласу, а когда ковшъ налить, онъ покорно произноситъ: „ты уже налилъ“... и смиренно истребляетъ налитое. Нѣкоторое время въ кибиткѣ слышно было только одно громкое прихлебываніе; затѣмъ тамъ и сямъ послышались звуки отрыжки, а нашъ знакомецъ — хаджи раза три рыгнулъ и еще столько-же причмокнулъ губами.

Обѣдъ кончился. Гости вымыли руки и обтерли ихъ о голенища своихъ сафьянныхъ сапогъ. Кое-кто и во главѣ ихъ хаджи стали на послѣобѣденную молитву. Еще посидѣли, потомъ полежали... Приѣзжій гость простился, наконецъ, съ хозяиномъ и потрусилъ на своей пузатой клячѣ. Послѣ него разошлись по своимъ кибиткамъ и всѣ другіе...

Вечерѣло. Баранта и рогатый скоть уже пригнаны съ пастбы и забраны въ загоны. Хозяйки передоили коровъ и козъ. Воздухъ юрта все болѣе и бо-

лѣе наполняется тяжелыми животными испареніями и звуками блянья, мычанья и изрѣдка конскаго ржанья. Ногайки замелькали по направленію къ ближайшей лужѣ, дрянной и вонючей лужѣ, съ огромными кувшинами для воды. Съ этой хозяйственною вознею скоро однако покончили. Сумерки сгустились. Тихо, если не считать общаго гудѣнія степи, да немолчнаго жужжанія комаровъ... И вотъ на краю горизонта, какъ-бы подталкиваемый кѣмъ-то, сталъ медленно подниматься вверхъ багровый шаръ луны неимовѣрныхъ размѣровъ. Тихо и степенно поднимаясь все выше и выше, онъ чрезъ полчаса или немного болѣе того уменьшился въ размѣрахъ, поблѣднѣлъ—и степь освѣтилась блѣдно-голубымъ свѣтомъ лунной ночи. Даже ногаецъ не могъ усидѣть въ эту пору въ своей душевной кибиткѣ. Молодежь обоего пола не спѣшно высыпала на общую юртовую площадку; около нея постепенно образовалась группа людей старшаго возраста. Дѣвушки сбились въ одномъ углу площадки, вдали отъ кавалеровъ, и начали какую-то безцѣльную бѣготню. Кавалеры постояли на одномъ мѣстѣ, потомъ перешли на другое, на третье, словомъ толкались на площадкѣ, очевидно не зная, какъ и чѣмъ развлечься. Бѣдные ногайцы! Они даже не умѣютъ танцевать, т. е. не умѣютъ того, что мастерски исполняютъ какіе-нибудь дикари тихо-океанскихъ острововъ. Разъ я присталъ къ нѣсколькимъ молодымъ ногайцамъ, чтобы они показали мнѣ свое искусство въ танцахъ. Молодежь долго отговаривалась, ссылаясь на неумѣнье, но наконецъ согласилась таки исполнить мою неотступную просьбу. Достали пастушескій рожокъ — и цвѣтъ ногайскаго юношества пустился исполнять лезгинку. Боже мой! Что это

были за-жалкія и смѣшныя кривлянья, выдававшіяся за чудесную кавказскую лезгинку. Смотри на танцующихъ, бывшіе со мною кумыки — недурные вообще танцоры — хохотали какъ сумасшедшіе...

Нѣтъ, танцы, какъ развлеченіе людей веселыхъ, бойкихъ, съ горячею кровью, ногайцамъ рѣшительно не по натурѣ. Съ большею охотою займутся они своимъ національнымъ удовольствіемъ: пробою силы, борьбою. Вотъ старые и молодые ногайцы составили большой кругъ. На средину круга вышли два молодыхъ человѣка: одинъ высокій верзила, худой, костлявый, съ торчащими къ верху плечами и съ длинными, какъ у обезьяны, руками, другой — средняго роста, пухлый и съ блѣднымъ, одутловатымъ лицомъ. Противники сняли съ себя свои кинжалишки, трякнули плечами и схватили другъ дружку руками за талии. Началось долгое и однообразное балансированіе. Каждый изъ борцовъ съ разставленными врознь ногами, съ наклоненнымъ впередъ корпусомъ, давилъ противника внизъ, толкалъ его въ стороны, дѣлалъ попытки внезапно поднять его на воздухъ, все добиваясь, чтобы тотъ потерялъ равновѣсіе, либо ослабѣлъ отъ чрезмѣрной натуги и грохнулся о землю. Напрягая всѣ силы, оба противника, молча, передвигались то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ, пухлый ногаецъ упалъ. Верзила навалился на него, крѣпко придавилъ его къ землѣ и тотчасъ вскочилъ на ноги. Взглядъ его и осанка приняли торжествующее выраженіе. Изъ толпы вышелъ новый боецъ — среднихъ лѣтъ, широкоплечій, съ шустрыми манерами — и схватился съ побѣдителемъ. Черезъ двѣ — три минуты этотъ тоже лежалъ на землѣ. Побѣдитель рѣшительно преобразился: въ походкѣ появилась величавая медленность, глаза заблестѣли...

„Кто-же еще?—выходи!“ хвастливо произнесъ онъ, напоминая собою того великана—печенѣга, который въ давно прошедшія времена, при Владимірѣ-Красномъ солнышкѣ, также хвастливо расхаживаль передъ станомъ русскихъ, вызывая на бой отважнаго славянина. Въ толпѣ послышались пререканія: „Ступай, ты.“ — „Ну вотъ, ступай самъ!“ раздавались голоса то тутъ, то тамъ. Нѣкоторое время арена оставалась въ полномъ распоряженіи верзилы.— „Ну иди, иди!“ слышалось изъ одной группы, и вслѣдъ затѣмъ на площадку почти силою вытолкнули парня такого-же роста, какъ и побѣдитель, съ такими же плечами и руками, но сутуловатаго и съ сильно впавшею грудью. Противники сцѣпились. Долго слышно было только хрустѣніе костей, да тяжелое дыханіе борцовъ. Наконецъ, оба противника упали, но новый боецъ ухитрился очутиться на верху, спина же прежняго побѣдителя коснулась праха. Только мигъ—и сплосхавшій боецъ уже столкнулъ съ себя противника, норовя налечь на него. Но поздно... побѣда у него вырвана изъ рукъ, слава, какъ у древняго печенѣга, „перейта“. Толпа бросается къ борцамъ, расталкиваетъ ихъ и разводитъ въ разныя стороны, крѣпко держа обезславленнаго борца, который съ налитыми кровью глазами рвется къ противнику, готовый задушить его на мѣстѣ.

Борьба кончилась. Толпа опять молчить, не зная, что дѣлать и какъ занять приѣзжаго гостя, чужеземца.

— Ну, такъ пойте же, друзья, ваши пѣсни, которыми, говорятъ, вы такъ богаты!

Послѣ недолгихъ отговорокъ согласились пѣть. Вышелъ молодой ногаецъ и сразу и быстро пустилъ струю словъ. Онъ не то пѣлъ, не то говорилъ, но чрезвычайно часто произносимыя имъ слова своимъ

сочетаніемъ производили пріятно-музыкальное впечатлѣніе, подобное впечатлѣнію отъ игры на цитрѣ. Конецъ монолога былъ произнесенъ, впрочемъ, медленно и на распѣвъ и въ напѣвѣ слышалась грусть. Закончивъ строфу, пѣвецъ тонкою фистулою издалъ громкій и протяжный окликъ, похожій на сигналъ степняка. Стоявшіе подлѣ него два—три ногайца отвѣтили ему такимъ-же окликомъ. — „И....и....и....а....у“ — пронеслось въ воздухѣ и чувствовалось, что это старый — старый кличъ ногайцевъ, но не побѣдный, а кличъ безпокойства, тревоги... За первымъ монологомъ также былъ повторенъ другой за другимъ третій — и такъ до конца пѣсни. Только окликъ въ концѣ каждаго монолога или строфы измѣнялся: протяжный — замѣнялся короткимъ и рѣзкимъ, этотъ — опять протяжнымъ въ нѣсколько темповъ.

Пѣвецъ пѣлъ одну изъ многихъ ногайскихъ пѣсенокъ, носящихъ общее названіе „казакъ-иръ“, т. е. казачья пѣсня. Содержаніе ея было приблизительно такое: „хорошо имѣть плодородную жену и верблюда; хорошо, если жена родить пять сыновей; хорошо, если, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, положишь свое добро на верблюда, жена поведетъ верблюда, а сыновья пойдутъ спереди, сзади и съ боковъ; хорошо, если, встрѣтившись съ врагомъ, сыновья прогонятъ его. Ну, а если они, встрѣтивъ врага, не прогонятъ его, то.... эхъ!.... лучше бы имъ было не родиться совсѣмъ!“

Послѣ первой пѣсни тѣмъ-же напѣвомъ была пропѣта другая, а за нею третья. Содержаніе послѣднихъ двухъ пѣсенъ вертѣлось около *казака*, который главнымъ образомъ хвастался своимъ аргамаконъ съ „терновыми глазами“ и не то жаловался на свою

участь—участь бродяги, вынужденнаго переплыть съ конемъ широкия рѣки и постоянно—гоняться „за богатством“, не то гордился ею, потому что онъ былъ свободенъ, какъ аргамакъ въ степи. Вообще, сюжеты пѣсенъ, краски и уподобленія отличались невообразимою простотою и наивною.

Перваго пѣвца смѣнили двое другихъ, ставшихъ другъ противъ друга. Одинъ изъ нихъ, какъ и прежній пѣвецъ, заговорилъ музыкальнымъ речитативомъ, то замедляя, то учащая рѣчь, и наговорившись, остановился. Тоже самое сдѣлалъ другой, потомъ очередь опять перешла къ первому и т. д. Пѣвцы чествовали русскаго гостя свободною импровизаціею, шеголяя другъ передъ другомъ подборомъ красивыхъ фразъ и риѣмующихъ словъ. Въ переводѣ импровизація выходила пріятною чепухою, проникнутою благодушнымъ дружелюбіемъ къ представителю господствующей народности.

Чтобы закончить вечеръ достойнымъ образомъ, ногойцы вызвали изъ своей кибитки извѣстнаго пѣвца, муллу, человекъ грамотнаго, съ довольно осмысленнымъ лицомъ, обрамленнымъ темно-каштановыми бородами и баками. Упрощенный другими, онъ пріятнымъ теноромъ тоскливо запѣлъ длинныя строфы, произнося первую половину ихъ громко и отчетливо, съ возвышеніемъ голоса на нѣкоторыхъ словахъ, а вторую тише и медленнѣе, и заканчивая каждую строфу *pianissimo*.

„Ты, мой Делли-Оракъ! Твой лукъ такъ натянутъ, что когда коснешься его, онъ издаетъ звонъ.“

„Брошенная тобою стрѣла пронизываетъ землю, раздробляетъ камни...“

„Такъ ильй-же терпилье! Паливанг-Султанъ и Ба-

тыръ-Ханъ *) уже въ нашемъ станѣ: погоди смущать ихъ....

„Еще немного — и Крымъ со своими сорока таврами будетъ твоимъ.

.....
„Если разсердится мой Делли — онъ взмахиваетъ шапкой, если обратитъ врага въ бѣгство — онъ сплшитъ заградить ему дорогу.

„Дорога моего Делли выше дороги бѣлаго лебедя, крикъ его ужаснѣе крика аждага **).

„Видѣлъ-ли ты, народъ, видѣлъ-ли Орака, подобнаго лву, — моего Делли, повалившаго на землю могущественныхъ хановъ ***)“.

Такъ пѣль — грустиль пѣвецъ, унесшись мыслью въ прошлое своего народа.

— Кто это Делли-Оракъ, старикъ? спросилъ пѣвца гость.

— Племянникъ Мамаю.

— А самъ Мамай?

— Извѣстно, прежній ханъ ногайскій. Оракъ былъ очень храбрый... началъ пѣвецъ и рассказалъ преданіе о его подвигахъ.

За рассказомъ послѣдовала опять пѣсня, за пѣснею рассказъ. Внимательно слушали старика братья его — ногайцы, еще съ большимъ вниманіемъ слушалъ его гость. Только мѣсяць, высоко стоявшій въ небѣ, и на пѣвца, и на обступившій его народъ, и на чернѣвшія кругомъ кибитки глядѣлъ холодно — равнодушно. И мудрено-ли: все, что происходило на курто-

*) Крымскіе ханы.

**) Аждага — легендарный крылатый змѣй.

***) Приведенныя строфы взяты изъ ногайской эпопеи о Мамаѣ и его сподвижникахъ.

вой площадкѣ, а главное этотъ самый народъ съ его кибитками, съ его стадами (когда-то многочисленными, а теперь ничтожными), со всею его обстановкою (бывшею прежде богаче, но не изящнѣе, не чише)— онъ много-много вѣковъ назадъ видѣлъ на берегахъ Оксуса *), потомъ на Уралѣ, на Волгѣ, на Дону, на Днѣпрѣ и не со вчерашняго дня видитъ его въ степяхъ, стелющихся у подошвы величественнаго Кавказа.....

*) Аму-Дарья.

МУРЗА ЭДЫГЕ.

(Монгольская эпическая поэма, переведенная съ ногайскаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ногайцы, обитающіе на западномъ берегу Агратанскаго залива Каспійскаго моря, распѣвають въ настоящее время пѣсни, содержаніе которыхъ относится къ эпохѣ процвѣтанія въ юго-восточной Европѣ монгольскаго царства, носившаго громкое названіе „Золотой Орды“. Пѣсни эти въ особенности богаты эпизодами изъ царствованія въ Ордѣ хана Тохтамыша, а также изъ періода властвованія въ ней предшественника Тохтамыша, „темника“ (полководца-диктатора) Мамай, величаемаго въ нихъ также ханомъ. По формѣ и характеру своему, онѣ суть отрывки существовавшихъ когда-то (можетъ быть, существующихъ и теперь у прямыхъ потомковъ монголовъ, кочующихъ въ прикаспійскихъ степяхъ) большихъ эпическихъ поэмъ, представлявшихъ собою широкія картины жизни и судебъ монгольскаго царства и его властителей. Не имѣя цѣлыхъ поэмъ, ногайцы или, правильнѣе говоря, немногіе пѣвцы ихъ все-таки въ достаточной мѣрѣ знакомы съ содержаніемъ этихъ памятниковъ монгольскаго творчества и охотно сообщаютъ его любознательнымъ слушателямъ. Благодаря послѣдней особен-

ности ногайскихъ бардовъ, при желаніи оказывается возможнымъ ознакомиться, какъ съ отдѣльными отрывками той или другой поэмы, такъ и съ фавулою каждой изъ нихъ.

Въ 1880 и 1881 годахъ, живя среди прикаспійскихъ ногайцевъ, не мало лѣтнихъ вечеровъ провелъ я за слушаніемъ отрывковъ монгольскихъ поэмъ изъ устъ своихъ тихихъ и апатичныхъ хозяевъ. Пѣлись эти отрывки, разумѣется, по татарски и потомъ переводились для меня на русскій языкъ опытнымъ *толмачемъ*. При этомъ въ пѣсняхъ встрѣчалось довольно много темныхъ выраженій, которыя разъяснялись или самими пѣвцами или же болѣе свѣдущими и сообразительными стариками изъ народа; однако въ нѣкоторыхъ, правда, немногихъ случаяхъ темныя мѣста такъ и остались не разъясненными или, если и получили разъясненіе, то неудовлетворительное и проблематичное.

Достаточно ознакомившись съ пѣснями - отрывками, я записалъ ихъ по-русски, отчасти со словъ пѣвцовъ, преимущественно же пользуясь имѣющимися у ногайцевъ рукописными сборниками на татарскомъ языкѣ. Записанное кромѣ ногайцевъ прочитывалось мною также и образованнымъ кумыкамъ — представителямъ народа, издавна живущаго бокъ о бокъ съ ногайцами и говорящаго на одномъ языкѣ съ ними, — и по ихъ указаніямъ измѣнялось и исправлялось. Если, не смотря на это, нѣкоторыя мѣста пѣсенъ — отрывковъ изъ поэмы „Мурза Эдыге“ остаются въ моемъ переводѣ все-таки неясными, то вина тутъ падаетъ не столько на меня, сколько на условія, въ которыхъ исполнялась мною настоящая работа. Усердія и доброй воли достигнуть лучшихъ результатовъ было

у меня достаточно, но они встрѣтились съ непреодолимыми препятствіями въ видѣ, съ одной стороны, крайней искаженности текста пѣсень, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ устной передачѣ, а съ другой—полнѣйшей неспособности ногайцевъ, этихъ самодовольно-невѣжественныхъ сыновъ камышей и болотъ, сколько нибудь толково разъяснить искаженія.

Переходя къ вопросу о значеніи пѣсень, представляемыхъ мною въ весьма неудовлетворительномъ переводѣ и съ нѣкоторыми пропусками, считаю своимъ долгомъ высказать, что, по моему мнѣнію, значеніе онѣ имѣютъ и притомъ весьма крупное. Прежде всего пѣсни чрезвычайно богаты историческими фактами. Можно сказать даже, что онѣ — ничто иное, какъ исторія монголовъ, конечно, той эпохи, которой касаются, изложенная только въ стихотворной формѣ. Въ этомъ читатель убѣдится, впрочемъ, и самъ послѣ того, какъ сравнитъ приводимыя пѣсни съ примѣчаніями, помѣщенными въ концѣ перевода. Потомъ, пѣсни мѣстами проникнуты истинною поэзіею. Пусть это — поэзія своеобразная, азіатско-монгольская или туранская, — тѣмъ не менѣе, какъ поэзія, она вполне доступна пониманію и оцѣнкѣ всякаго эстетически-развитого человѣка. Полагаю, что однѣхъ приведенныхъ особенностей пѣсень, именно исторической достоверности и поэтичности ихъ, вполне достаточно для того, чтобы признать за ними право на извѣстное мѣсто въ ряду памятниковъ всемірной литературы. Однако, онѣ имѣютъ еще и другое, очень крупное и цѣнное значеніе—значеніе документа, таящаго въ себѣ непререкаемыя указанія на источникъ происхожденія этическихъ критеріевъ и основъ жизни значительной части туземныхъ племенъ, населяющихъ горы и до-

лины Кавказа. Дѣло въ томъ, что хотя событія, которыми посвящены занимающія насъ пѣсни, происходили въ средѣ татаро-монголовъ, давно уже сошедшихъ съ исторической арены, и хотя время этихъ событий (конецъ XIV и начало XV вѣка) отдѣлено отъ насъ цѣлыми пятью столѣтіями, тѣмъ не менѣе внутреннее содержаніе пѣсенъ, ихъ духовная сущность отнюдь не анахронизмъ для нашего времени. Напротивъ того, все, чѣмъ характеризуются въ пѣсняхъ обычаи, вѣрованія, вкусы, пристрастія и антипатіи монгольскихъ героевъ, даже наклонности и страсти этихъ представителей грозной когда-то кипчакской орды,—все это, безъ всякихъ измѣненій и поправокъ, относится также, если не ко всѣмъ, то къ большинству современныхъ намъ мусульманскихъ народовъ Кавказа. Долгъ кровомщенія и у этихъ народовъ считается священнѣйшимъ долгомъ человѣка; и у этихъ народовъ высшимъ предметомъ гордости человѣка является происхожденіе его отъ болѣе сильныхъ или болѣе благочестивыхъ предковъ; и безмѣрная жестокость въ отношеніи къ врагу признается доблестью, достойною подражанія, и презрѣніе къ физическимъ страданіямъ входитъ въ понятіе о достоинствѣ личности, и хитрость пользуется неизмѣримо большимъ престижемъ, чѣмъ высокій умъ, и благочестіемъ считается точное соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ религіи, а знаніе и постоянное повтореніе корана и другихъ мусульманскихъ книгъ, соединенныя съ отрѣшеніемъ отъ всякихъ житейскихъ тревоженій, даютъ право на званіе *шейха* (святого). Словомъ, читая эти пѣсни, мы знакомимся съ жизнію, нравами, возрѣніями и страстями не однихъ отошедшихъ въ вѣчность татаро-монголовъ, но также живущихъ подлѣ насъ

нашихъ соотечественниковъ: кумыковъ, чеченцевъ, кабардинцевъ, ногайцевъ и др.

Смѣю думать, что послѣ только что высказаннаго читатель не откажется присоединиться къ моему мнѣнію о крупномъ значеніи монгольскаго эпоса, составную часть котораго составляетъ поэма объ Эдыге или Тохтамышѣ.

Въ заключеніе добавлю, что переводъ или — лучше сказать — переложеніе пѣсень, сдѣланное мною съ помощью толмача и прозою, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо ниже своего оригинала. Отмѣчаю это въ тѣхъ видахъ, чтобы читатель зналъ, что подлинныя пѣсни, какъ произведенія замѣчательно поэтическія и мастерски обработанныя, вполне заслуживаютъ вниманія къ себѣ не только любителя поэзіи, но и строгаго изслѣдователя умственнаго и нравственнаго достоянія минувшихъ историческихъ обществъ, прародителей обществъ существующихъ. Если-бы мой слабый трудъ оказался хотя чуть мерцающимъ маякомъ на пути къ полному раскрытію по всѣмъ признакамъ очень богатаго турано-монгольскаго эпоса, то я и въ этомъ нашель-бы для себя полное удовлетвореніе за употребленныя на него усилія.

Какъ сказано выше, сами ногайцы сопровождаютъ или предпосылаютъ пѣнію историческихъ своихъ пѣсень рассказы, которыми пѣсни и объясняются и связываются между собою. Соблюденіе этого порядка показалось мнѣ вполне пѣлесообразнымъ, а потому и въ моемъ изложеніи рассказъ смѣняетъ пѣсню, а пѣсня — рассказъ, до самаго конца поэмы. Сверхъ того, текстъ пѣсень въ необходимыхъ случаяхъ снабженъ мною примѣчаніями, составляющими главнымъ образомъ результатъ сличенія его съ данными всемірной и русской исторіи.

ЧАСТЬ I.

Эдыге-Кубугуль.

Разсказъ.

При дворѣ могущественнаго хана „Золотой Орды“ *Тохтамыша* ¹⁾, страстнаго охотника, первое мѣсто занималъ ханскій кравчій, храбрый мурза Кутлу-кая, потомокъ многихъ знаменитыхъ мурзъ монгольскаго царства. Завѣдывая стаей дивныхъ охотничьихъ птицъ хана, Кутлу-кая обязанъ былъ въ особенности беречь, какъ зѣницу ока, ту драгоценную пару охотничьихъ соколовъ, которою во всемъ свѣтѣ обладалъ лишь одинъ Тохтамышъ. И не соколовъ только долженъ былъ онъ беречь, но и ихъ яйца и птенцовъ, чтобы—Боже сохрани!—ихъ не похитилъ кто-нибудь и не сдѣлался чрезъ это вторымъ обладателемъ безцѣнныхъ птицъ. Но молва о чудныхъ соколахъ разнеслась далеко. Дошла она и до могущественнаго владыки Азіи, шаха *Темира* ²⁾, который рѣшилъ во чтобы то ни стало приобрѣсти то, чѣмъ такъ гордился ханъ приволжской орды. Чтобы достигнуть своей цѣли, шахъ Темиръ сталъ подсылать къ Кутлу-кая своихъ вѣрныхъ людей съ богатыми подарками, склоняя мурзу подарить ему лишь два соколиныхъ яйца. Мурза долго не поддавался искушенію, но наконецъ не устоялъ (его шайтанъ поучалъ),—взявъ подарки, онъ послалъ шаху нѣсколько яицъ завѣтныхъ соколовъ. Кутлу-кая сдѣлалъ это совершенно секретно, но поступокъ его не ускользнулъ отъ зоркихъ глазъ его исконнаго врага и соперника,

коварнаго мурзы Джаммая, который поспѣшилъ довести объ немъ до свѣдѣнія хана Тохтамыша. Могушественный повелитель Золотой Орды пришелъ въ ярость отъ измѣны своего кравчаго и приказалъ казнить вѣроломнаго слугу со всеми членами его семейства, чтобы совершенно истребить ненавистный родъ. Вѣсть о грозномъ повелѣніи, быстро распространившись по ханству, дошла и до *эмчека* ³⁾ злополучнаго мурзы *Эсебія*, поразивъ его въ самое сердце. Вѣрный *эмчекъ* задумался надъ тѣмъ, какъ избавить знаменитый и славный родъ мурзы отъ окончательнаго истребленія, и наконецъ придумалъ, что ему нужно дѣлать. Дождавшись наступленія ночи, онъ вынулъ изъ колыбельки своего роднаго сына *Кубугула* и отправился съ нимъ въ юрту Кутлу-кая, гдѣ въ колыбелькѣ спалъ сынъ осужденнаго мурзы *Эдыге*. Въ юртѣ мурзы онъ подмѣнилъ одного ребенка другимъ, а затѣмъ, ни кѣмъ не замѣченный, вернулся домой и положилъ подмѣненнаго Эдыге въ свою колыбельку, на мѣсто своего роднаго сына Кубугула.

Приказъ хана о казни надъ родомъ Кутлу-кая былъ исполненъ, но Эдыге избѣгнулъ своей печальной участи, благодаря преданности эмчека Эсебія, пожертвовавшаго за него своимъ роднымъ сыномъ.

Неизвѣстно, гдѣ и какъ жилъ Эдыге послѣ достиженія имъ отроческаго возраста и ухода его изъ дома своего благодѣтеля. Извѣстно лишь, что, возмужавъ, онъ явился ко двору убійцы своего отца Хана Тохтамыша и подъ именемъ Кубугула поступилъ на службу къ хану, въ качествѣ его *саклау* ⁴⁾. Много было у хана Тохтамыша славныхъ и храбрыхъ мурзъ и *саклау*, но Кубугулъ скоро превзошелъ ихъ всехъ своими доблестными качествами: силою, мужествомъ

и краснорѣчіемъ. Ханъ замѣтилъ эти качества своего воина и сначала почтилъ его за нихъ ласкою и довѣріемъ; потомъ онъ отъ ласки и довѣрія перешель къ уваженію, а потомъ, невѣдомо для себя, сталъ оказывать своему воину глубокое почтеніе. Кубугуль, какъ и другіе приближенные хана, являлся ежедневно къ своему повелителю привѣтствовать его съ наступленіемъ свѣтлаго дня. И вотъ, когда онъ входилъ въ юрту хана для произнесенія привѣтствія, Тохтамышъ невольно привставалъ со своего мѣста и на поклонъ воина отвѣчалъ поклономъ, чего онъ не дѣлалъ ни для кого изъ самыхъ знатныхъ своихъ вельможъ. Необычайное поведение хана относительно простого воина вызвало въ сердцахъ именитыхъ мурзъ и саклау зависть и злобу и подъ вліяніемъ этихъ чувствъ они рѣшились разяснить причину образа дѣйствій своего владыки. Явившись къ женѣ Тохтамыша Дана-Бике они потребовали, что-бы она узнала отъ хана, за что онъ оказываетъ предпочтеніе передъ ними безвѣстному воину. Дана-Бике согласилась исполнить требованіе, но какъ только она сказала хану о Кубугулѣ, тотъ гнѣвно приказалъ ей замолчать, воскликнувъ, что никогда и никакого предпочтенія онъ не оказываетъ этому воину. Однако, Дана-Бике знала, что мурзы правы и что-бы вывести хана изъ заблужденія, рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости. Однажды, въ ожиданіи прихода Кубугула она, незамѣтно для Тохтамыша, приколола его платье къ подушкѣ, на которой онъ сидѣлъ. Когда вошелъ Кубугуль и произнесъ обычное привѣтствіе, ханъ, отвѣчая на привѣтствіе, невольно приподнялся съ мѣста и при этомъ потянулъ за собою тяжелую подушку... Тутъ глаза у Тохтамыша открылись—и

онъ задумался надъ тѣмъ, кто-же такой Кубугуль, какого онъ племени и рода и въ чемъ заключается тайна почтенія и страха, которые этотъ безвѣстный воинъ внушаетъ ему, могущественному владыкѣ народовъ, земель и морей.

Пѣсня.

Въ дни жизни и царствованія хана Тохтамыша и служенія при немъ тѣлохранителемъ Кубугула Тохтамышъ созвалъ къ себѣ всѣхъ князей и совѣтниковъ своихъ, усадилъ ихъ на высококомъ курганѣ и открылъ съ ними совѣтъ.

Обращаются ханъ къ *Узунъ-Айдару* ⁵⁾, сыну Конгурата: „Повѣдай намъ, о Узунъ-Айдаръ!—кто такой Кубугуль и какого онъ рода?“ Отвѣчаетъ Узунъ-Айдаръ:—„*Эфенди!* ⁶⁾ Простите мнѣ: кто Кубугуль и какого онъ рода—я не знаю“.

Обращаются ханъ къ *Кара-Коджа*, изъ рода *Армынъ*: „Кара-Коджа! повѣдай намъ ты, кто такой Кубугуль?“ Отвѣчаетъ Кара-Коджа: „Я тоже прошу прощенія: связанный клятвою, я не властенъ открыть вамъ происхожденіе Кубугула!“ ⁷⁾.

Обращаются ханъ къ народу: „Ты, извѣстный своею храбростью народъ мой! Ты скажи намъ, какого рода и племени Кубугуль!“ Отвѣчаютъ храбрые своему хану: „Эфенди! Мы не знаемъ собственнаго своего происхожденія, какъ-же намъ знать происхожденіе Кубугула?“ ⁸⁾.

Обращаются ханъ къ своему молочному брату Ярисиму: „Повѣдай тамъ ты, Ярисимъ: что знаешь о Кубугулѣ?..“

— Эфенди! Я и о себѣ ничего не знаю, что-же я могу знать о Кубугулѣ?“ ⁹⁾.

Обращаются ханъ къ пѣвцу Куба изъ рода *Кычакъ*¹⁰⁾: „эй, Куба! Повѣдай намъ въ пѣснѣ о родѣ Кубугула!“ Куба упаль на колѣни, лѣвую руку приложилъ къ сердцу, правую, сжавшую стаканъ съ медомъ, поднялъ вверхъ и произнесъ:

— Эфенди! Я могу спѣть вамъ пѣсню про родъ Кубугула! Но Джаммай, сынъ Гебея, схвативъ Куба за руку, оттолкнулъ его отъ хана, промолвивъ: „остановись!“

Произносятъ ханъ Тохтамышъ: „Джаммай, сынъ Гебея! Джаммай, умнѣйшій изъ моихъ князей, первый мой совѣтникъ! Джаммай, трава лучшихъ моихъ луговъ, молоко буланой кобылицы, храбрѣйшій сынъ моихъ предковъ, совѣтникъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ! Ты повѣдай намъ про родъ Кубугула!“

Джаммай, ожидавшій обращенія къ себѣ съ такимъ нетерпѣніемъ, что даже баки его ошетились, поправилъ на себѣ лукъ и стрѣлы и потомъ воскликнулъ: „Эфенди! Или мало людей въ твоемъ ханствѣ?“

„Есть въ немъ богачи съ кунными шапками на головѣ и собольими шубами на плечахъ, есть храбрецы, сидящіе на коняхъ съ оленьими ногами, вооруженные сталью, чистою, какъ вода, храбрецы, уничтожающіе враговъ по первому твоему слову.“

„И есть ставосьмидесятилѣтніе старцы: у нихъ десна даже коренныхъ зубовъ стерлась, нижняя губа такъ отвисаетъ, что ее нужно подвязывать шерстянымъ платкомъ, зубами имъ служатъ драгоценныя маргариты...“

„Таковъ пѣвецъ Парздакъ, сынъ Шабана! Онъ знаетъ про родъ и племя Кубугулы и кромѣ него никто не знаетъ про это!“

Ханъ Тохтамышъ всталъ съ своего кресла и на-

чалъ ходить... И приказали ханъ созвать всѣхъ лучшихъ мастеровъ всего ханства, выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ, имѣющихъ самые лучшие инструменты, и велѣть имъ сдѣлать *арбу* ¹¹⁾:

Что-бы въ колесахъ къ ней ступицы были изъ самага крѣпкаго дуба, спицы были серебряныя, а ободки карагачевыя, чтобы оглобля была золотая, чтобы ящикъ арбы былъ узорчатый, а ось, скрѣпляющая ящикъ съ козлами, была изъ черной березы ¹²⁾.

И повелѣли ханъ Тохтамышъ заперчь въ арбу шесть вороныхъ коней и съ шестюдесятью воинами отправить ее въ Хиву—привезти на ней пѣвца Парздака.

Посланные воины прибыли въ Хиву и нашли тамъ ставосьмидесятилѣтняго старца, который не могъ сидѣть ни верхомъ, ни въ арбѣ, не могъ говорить, потому что былъ безъ зубовъ и десна у него стерлась и нижняя челюсть отвисала,—ему было сто-восемьдесятъ лѣтъ.

Воины положили старца въ золотую арбу и привезли его къ своему хану.

Обращаются ханъ Тохтамышъ къ пѣвцу Парздаку: „какъ мы—старѣйшій между ханами, такъ ты старѣйшій между людьми,—таковымъ тебя сдѣлало время. Старѣйшій изъ старыхъ! Повѣдай намъ, кто такой нашъ тѣлохранитель Кубугуль?“

Пѣвецъ сѣлъ въ углу юрты и выпилъ три стакана крѣпкаго меду. Медъ зажегъ въ немъ кровь: черные глаза его загорѣлись, какъ у молодого оленя, темное лицо просвѣтлѣло, сѣдолодая грудь поднялась, и онъ запѣлъ:

„Ханъ Тохтамышъ въ твоёмъ царствѣ много дорогихъ тебѣ озеръ, но однимъ изъ нихъ ты дорожишь

больше, чѣмъ всѣми остальными: оно таково, что и павлину не хочется сниматься съ него, когда онъ утолить въ немъ свою жажду. Потому оно и дорого тебѣ!

„Такъ и въ станѣ твоёмъ много храбрыхъ воиновъ, но между ними есть одинъ храбрѣйшій—онъ дороже всѣхъ! Онъ богатство—и что передъ нимъ всѣ твои бурдюки съ золотомъ? О царь! Не сталкивай ногу съ своей дороги этого богатства, чтобы оно совсѣмъ не ушло отъ тебя!

Отвѣчаютъ ханъ: „глаза наши видятъ его и сердце наше его чувствуетъ, но самъ онъ таится отъ насъ, какъ скупецъ таитъ свои сокровища... Пѣвецъ! пой-же намъ, пой о Кубугулѣ!“

Пѣвецъ замолкъ и задумался. Но Джаммай поднесъ ему еще стаканъ меду. Медъ ударилъ ему въ голову, и онъ снова запѣлъ:

„Я изъ числа тѣхъ, которые признали своимъ ханомъ предка твоего, Тохтамышъ, носившаго имя *Чингизъ-хана*¹³⁾. Чингизъ-хана, носителя желѣзнаго панцыря, покинувшаго этотъ свѣтъ язычникомъ, я видѣлъ, потому что я жилъ при немъ!

„Я видѣлъ сорокасаженную башню *Союзъ-хана*¹⁴⁾ и видѣлъ *Гокай-хана*¹⁵⁾, строителя желѣзнаго неба и противника Бога, наказаннаго за это истребленіемъ его потомства.

„Я видѣлъ безвѣсти пропавшаго *Юша-хана*¹⁶⁾ и видѣлъ того хана, обладателя золотого лука, который властвовалъ надъ *Татаръ-тупомъ* и *Джулатомъ*¹⁷⁾ и назывался *Султанъ Берки-ханъ* и *Алтунъ Берды-бекъ*¹⁸⁾.

„Я видѣлъ *Боракъ-хана*, сына Бодыка, владѣтеля земель отъ родника *Балта* до *Ташъ-гечу*¹⁹⁾, и видѣлъ хана *Амедъ-Самета*, владѣтеля *Амстана* и *Дажестана*²⁰⁾.

„Я видѣлъ хана *Янгурчи*, владѣтеля земель отъ *Гуенъ-чала* до *Сагызъ-коль* ²¹⁾, и видѣлъ хана *Тохт-а-лана* ²²⁾, жившаго въ „*торъ атъ баши акъ чатыръ*“ ²³⁾.

„Я видѣлъ хана *Буднейтей-Борденкей*. Я видѣлъ хана *Тенибека* ²⁴⁾, имѣвшаго *тебени* ²⁵⁾ изъ кованнаго золота, который царствовалъ только вчера ²⁶⁾.

„Я видѣлъ хана *Узебека* ²⁷⁾, обладателя стремень изъ золота, который самъ сдѣлался ханомъ ²⁸⁾, и видѣлъ хана, запрещавшаго народу пить воду нѣкоторыхъ источниковъ ²⁹⁾.

„Почетную стражу его составляли тысячи *кута-союсцевъ* ³⁰⁾, садившихся на тысячу *армаковъ* ³¹⁾; дворецъ его былъ окруженъ тѣнистыми деревьями, у него было восемьдесятъ *сараявъ* ³²⁾, въ которыхъ жгли собираемый руками *сексеулъ* ³³⁾ и которые соединялись между собою тысячью *трубъ* ³⁴⁾.

„Бурка его была вышита золотомъ и золотомъ-же было покрыто одѣяло ³⁵⁾,— ханъ этотъ *Джанибека* ³⁶⁾, сынъ Узебека!

„Я видѣлъ хана съ *верблюжьими локтями* ³⁷⁾, который назывался *Бердыбекъ* ³⁸⁾, и видалъ хана *Тоу-ходжа* ³⁹⁾, въ панцырѣ котораго каждое звѣно стоило тысячу золотыхъ.

„Высшихъ хановъ я видѣлъ *тридцать* и низшихъ видѣлъ *десять* ⁴⁰⁾.

„И нынѣ, въ цвѣтушія времена Крыма ⁴¹⁾, я вижу послѣдняго изъ десяти хановъ, сына Тоу-Ходжа, еще вчера бѣгавшаго босымъ и съ непокрытою головою, вижу смотрящаго на меня *торболиновыми* ⁴²⁾ глазами Тохтамыша!...

„Ты можешь убить меня—и я войду въ домъ праведныхъ, можешь оставить въ живыхъ—я вернусь на

свою родину (пѣвецъ всталъ), но ты велѣлъ мнѣ пѣть—и я пою!

„Говорилъ я: наполни войскомъ долину *Джарнака* ⁴³⁾ и заготовь для него достаточно продовольствія, ибо *онъ* ⁴⁴⁾ живъ и на волѣ; говорилъ я: избавься отъ него секретно отъ народа! ⁴⁵⁾ Но меня не послушали и вѣтеръ разнесъ мои слова по степи.

„Эфенди! Теперь *его*, одинокаго, не возстановляй противъ себя и не прогоняй изъ своего стана, ибо, уйдя отъ тебя, *онъ* только годъ проходить *казакомъ* ⁴⁶⁾.

„Черезъ годъ *онъ* внесетъ смуту въ твой народъ, черезъ два—*онъ* присвоитъ себѣ твои конскіе табуны, а черезъ четыре—*онъ* заставитъ *псть песокъ* ⁴⁷⁾ твоихъ храбрецовъ, которыхъ ты вышлешь противъ него.

„Черезъ пять—*онъ* безъ всякихъ опасеній будетъ разгуливать по твоимъ обширнымъ владѣніямъ, черезъ шесть—всѣ твои овечьи стада сдѣлаются *его* добычею, а чрезъ семь—*онъ* беззаботно будетъ цѣлыми кувшинами пить твой медъ.

„Черезъ восемь—*онъ* нѣкогого хана, напоминающаго тебя, выгонитъ изъ его владѣній въ песчанья степи, а чрезъ девять — *онъ* назоветъ своими женами дѣвушекъ, похожихъ на взлелѣянныхъ тобою дочерей твоихъ *Ханыке* и *Газыке*!

„Не возстановляй *его* противъ себя, не полагайся на свою силу! Онъ въ безводной степи найдетъ себѣ воду, онъ тамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, найдетъ себѣ до рогу. Съ икрами какъ ведра, съ бедрами, какъ ступицы колесъ, *онъ*—*палъванъ* ⁴⁸⁾.

„Крутолобый, мрачноокій, *онъ* свирѣпъ, какъ верблюдь въ періодъ гонки; тонкогубый, длинноязыкій, онъ первый мастеръ краснорѣчія; широкоплечій, съ

длинной шеей и длинными руками, онъ лучшій изъ стрѣлковъ.

„Онъ... стоящій между переднимъ и заднимъ..., съ орлинымъ носомъ... онъ порветъ нить жизни нѣкоего хана...

„У меня цѣпенѣтъ языкъ... произнести, кто онъ? Но ты приказаль: могу-ли я послушаться тебя?..

Разсказъ.

При послѣднихъ словахъ пѣсни Кубугуль, бывшій въ свитѣ хана, понялъ, что наступилъ моментъ той опасности, которой онъ всегда ожидалъ и къ которой готовился. Незамѣтно для другихъ, онъ подаль условный знакъ своимъ семи преданнымъ товарищамъ, лучшимъ воинамъ хана. Тѣ, одинъ за другимъ, вышли изъ ханской юрты и отдѣлили своихъ коней отъ коней другихъ воиновъ и мурзъ. Затѣмъ, чтобы обезпечить себѣ успѣшное бѣгство изъ ханской ставки, они надрѣзали подпруги у коней мурзъ и воиновъ, которые могли пуститься за ними въ погоню. Но у коня мурзы Джаммая подпруги остались неповрежденными, потому что конь этотъ стоялъ въ сторонѣ и охранялся особыми *нукерами* ⁴⁹⁾. Между тѣмъ Пардакъ продолжалъ.

Пѣсня.

„Онъ—ханъ *Эдыге* ⁵⁰⁾, другое имя котораго Шаабудинъ-шейхъ! Онъ князь народа!

„Потомокъ *Абубекиръ—Садыка*, *Чачлы-Ализа*, *Батыръ-кая*, *Боръ-кая*, *Кадыръ-кая*, сынъ страшнаго *Кутлукая*, рожденный по молитвамъ *Коджа-Ахмата* ⁵¹⁾,

котораго называли также *Ясу-биемъ*, — вотъ кто *онъ!*.. Я это знаю... и отъ того, что знаю, мнѣ страшно, страшно!...

Разсказъ.

Тохтамышъ приказалъ схватить Кубугула. Но въ этотъ мигъ Кубугуль вскочилъ на кадушку съ медомъ, стоявшую посрединѣ юрты; съ кадушки, чрезъ верхнее отверстіе юрты, онъ выбрался на крышу ея, съ крыши спрыгнулъ на землю, потомъ вскочилъ на своего коня и понесся въ степь, сопровождаемый своими семью товарищами.

Князья и воины хана бросились въ погоню за бѣглецомъ. Но подрѣзанныя подруги лопались и воины, одинъ послѣ другого, падали на землю. Одинъ Джаммай догналъ опальнаго воина и обратился къ нему съ рѣчью.

Пѣсня (Джаммая).

„Возвратись, мурза, возвратись! Ханъ ждетъ тебя въ своей кунацкой: войди въ нее и поклонись ему!

„Войди въ кунацкую хана и выпей изъ рукъ хана фарфоровую чашу меду!

„Ханъ жалуется тебя шубой, вышитой золотомъ: войди къ нему и надѣнь ее!

„Ханъ жалуется тебя конемъ съ золото-лукиемъ сѣдломъ и серебряною уздечкою: возвратись и садись на него!

(Отвѣтъ Кубугула).

„Джаммай, сынъ Гебея! Слова твои лживы, Джаммай!

„Эй, отъѣзжай подальше и говори и слушай меня издали!

„Или я втисну тебѣ въ ротъ горящій тальникъ и выжгу лживый языкъ твой, не вытягивая его изо рта.

„Сынъ отца низкаго происхожденія, ты кланяешься тому, кто жалуетъ тебя подарками....

„А я не вернусь и кланяться хану въ его кунацкой не буду.

„Войти въ его кунацкую не дастъ мнѣ большой рогъ, выросшій у меня на шеѣ ⁵²).

„Пить ханскій медъ изъ фарфоровой чаши мѣшаютъ мнѣ мои больные зубы ⁵³).

„Подарка хана, золотую шубу, я не приму, потому что она мнѣ, злосчастному, не къ лицу.

„На коня хана съ золотолукимъ сѣдломъ и серебряною уздечкою я и не сяду, потому что я слабъ ногами ⁵⁴).

„Эй, я ѣду къ шаху Темиру, Боракову сыну!

„Если шахъ поддержитъ меня, и Богъ благословитъ мои дѣла, то такимъ ханамъ, какъ беззубый и шамкающій Тохтамышъ, пощады не дамъ я, не дамъ!...

ЧАСТЬ II.

Отомщеніе за кровь.

Разсказъ.

Окончивъ рѣчь, обращенную къ Джаммаю, Кубугуль-Эдыге повернулся спиною къ царедворцу и вмѣстѣ съ своими товарищами поѣхалъ дальше, держа путь къ далекимъ владѣніямъ грознаго Темиръ-шаха.

Слѣдуя широкою степью, онъ занимался охотою. Однажды онъ увидѣлъ впереди себя бѣгушаго оленя, за которымъ гнался какой-то охотникъ. Кубугуль пустиль въ оленя стрѣлу, а въ тоже время, съ другой стороны, въ звѣря вонзилась стрѣла догонявшаго его охотника. Убитый олень упалъ. Оба охотника бросились къ добычѣ, считая ее каждый своею. У добычи охотники заспорили между собою изъ-за права на нее, такъ какъ въ ней оказались стрѣлы обоихъ. Чтобы рѣшить вопросъ, чьею стрѣлою причинена смерть, добычу разрѣзали. Тутъ, къ удивленію всѣхъ, увидели, что обѣ стрѣлы вонзились оленю въ сердцѣ и концы стрѣлъ впились одинъ въ другой. — Такъ ты — мой братъ Эдыге! — воскликнулъ неизвѣстный охотникъ, обратившись къ своему сопернику. Кубугуль сталъ спрашивать неизвѣстнаго, какъ онъ узналъ его настоящее имя и почему называетъ его братомъ. Я сынъ Эсебія, твоего *атамыка* ⁵⁶), — заявилъ тотъ и затѣмъ разсказалъ, что когда отецъ его Эсебіи умиралъ, то подозвалъ его къ себѣ и объявилъ ему: „У тебя есть молочный братъ — храбрый сынъ страшнаго мурзы Кутлу-кая; ты когда нибудь встрѣтишься съ нимъ и узнаешь его по тому, что его стрѣла и твоя стрѣла встрѣтятся одна съ другою въ сердцѣ охотничьей добычи“. И вотъ наши стрѣлы встрѣтились — и ты — братъ мой! Послѣ того, молочные братья поздравили другъ друга со счастливою встрѣчею и отправились въ дальнѣйшій путь вмѣстѣ.

Продолжая этотъ путь, Эдыге наѣхалъ въ широкой степи на *калмуцкаго* хана *Кабардына*. Калмуцкій ханъ съ большимъ войскомъ убѣгалъ изъ владѣній шаха Темира, у котораго онъ похитилъ себѣ въ жены дочь его, красавицу *Фердаузъ*. Теперь ханъ былъ уже

внѣ опасности и поэтому подвигался по степи спокойно, проводя время съ молодою женою. Не будучи въ состояніи вступить съ калмукомъ въ открытую борьбу, Эдыге подъ именемъ Кубугула покорился ему и, что-бы быть ближе къ красавицѣ Фердаузъ, поступилъ въ штатъ его прислуги, въ качествѣ повара. Скоро Кубугуль встрѣтился съ Фердаузъ. Красавица-ханша при первомъ взглядѣ на него назвала его настоящимъ его именемъ Эдыге. Удивленный мурза, спросилъ ее, какъ она узнала его, и получилъ отвѣтъ: „Эдыге я узнала по двумъ примѣтамъ: садясь на коня, онъ никогда не оглядывается назадъ, а садясь на землю, онъ всегда подстилаетъ подъ себя что нибудь“. Сказавъ это, Фердаузъ дала Эдыге обѣщаніе сдѣлаться его женою, если онъ осводитъ ее отъ ненавистнаго ей калмука.

Между тѣмъ Кабардынъ такъ полюбилъ постоянно угрождавшаго ему Кубугула, что началъ возвышать его въ своемъ войскѣ и, наконецъ, сдѣлалъ его главнымъ начальникомъ войска, чего именно и добивался мурза. Какъ главный начальникъ, онъ сталъ выбирать мѣста для стоянки войска во время ночлеговъ. Однажды, предвидя долгую стоянку на одномъ мѣстѣ, онъ выбралъ для нея степь, покрытую сочною травою, но значительно удаленную отъ ближайшей рѣки. На вопросъ Кабардына о причинѣ такого страннаго выбора, Кубугуль сказалъ, что истощеннымъ постоянными переходами конямъ нуженъ хорошій кормъ, и то, что далеко до воды,—это полезно и для коней, и для всадниковъ: кони не застоятся, а для всадниковъ ежедневная ѣзда къ мѣсту водопоя будетъ хорошимъ и полезнымъ развлеченіемъ. Ханъ Кабардынъ склонился на доводы своего любимца—и войско осталось

на избранномъ мѣстѣ. Въ срединѣ лагеря былъ разбитъ пышный шатеръ для самого хана и его красавицы жены, послѣ чего калмукъ, по своему обыкновенію предался ѣдѣ и сну.

Войско богатыря устроилось такъ, какъ рѣшилъ Кубугуль. Днемъ на отдыхахъ, а вечеромъ воины садились на коней и уѣзжали къ рѣкѣ. На берегу рѣки, по требованію Кубугула, стали устраиваться разныя игры, изъ которыхъ самую любимую сдѣлалась слѣдующая: воины разбивались на два стана,—одинъ станъ представлялъ войско калмукскаго богатыря Кабардына, а другой назывался войскомъ невѣдомаго, но грознаго и страшнаго князя Эдыге. Оба стана вступали между собою въ борьбу и боролись до тѣхъ поръ, пока воинамъ одного стана не удавалось повалить на землю воиновъ другого. Во время одной изъ такихъ игръ побѣдителями остались воины стана Эдыге, воины-же другого стана лежали въ прахѣ, придавленные первыми. Кубугуль велѣлъ побѣдителямъ перевязать побѣжденныхъ поясными ремнями. Потомъ онъ зычнымъ голосомъ объявилъ, что страшный и грозный Эдыге—онъ самъ, и приказалъ всѣхъ связанныхъ воиновъ бросить въ рѣку. Приказаніе его было немедленно исполнено. Послѣ того онъ сталъ во главѣ преданной ему половины войска и двинулся съ нею къ шатру Кабардына. Калмукъ въ это время спалъ, но Фердаузъ ожидала прихода Эдыге и, какъ только онъ приблизился, открыла ему полы шатра. Эдыге натянулъ свой лукъ, прицѣлился въ спящаго калмука и спустилъ стрѣлу. При необычайной силѣ мурзы стрѣла, ударившись въ спинной хребетъ Кабардына и раздробивъ его, пронизала ему животъ и впиалась въ землю. Богатырь, заревѣвъ отъ

страшной боли, хотѣль подняться, но стрѣла удержала его на мѣстѣ. Проведя рукою вокругъ себя, онъ поймалъ однако хвостъ коня Эдыге и потянулъ его къ себѣ. Конь мурзы сталъ пятиться назадъ, приближая всадника къ мстительной рукѣ сраженнаго врага. Но Эдыге не потерялся въ опасности: обнаживъ пашку, онъ однимъ ударомъ ея отрубилъ хвостъ своему коню. Потомъ онъ тою же пашкою нанесъ богатырю такой ударъ, что разсѣкъ его пополамъ ⁵⁶).

Сразивъ противника, Эдыге завладѣль его имуществомъ: дивными аргамаками *Чаласбаномъ* и *Саразлюномъ*, богатымъ шатромъ и казною; завладѣль онъ и его женою, красавицею Фердаузъ, и всѣмъ его войскомъ. Побѣда надъ ненавистнымъ калмуцкимъ ханомъ была отпразднована пышнымъ пиромъ, и послѣ него „князь народа“ двинулъ свой станъ къ владѣніямъ шаха Темира, что-бы выпросить у шаха помощь для борьбы съ могущественнымъ ханомъ Золотой Орды Тохтамышемъ.

И вотъ онъ прибылъ къ шаху Темиру, своему грозному тестю. Много лѣтъ онъ прожилъ у шаха, служа въ его войскѣ, прежде чѣмъ успѣль склонить азіатскаго владыку двинуть свое войско въ царство Тохтамыша. Но, наконецъ, шахъ согласился исполнить неотступную просьбу доблестнаго Эдыге — и войска его двинулись къ волжскимъ предѣламъ. Престарѣлый ханъ вышелъ на встрѣчу своему противнику, далъ ему сраженіе — и былъ разбитъ ⁵⁷). Войско его бросилось въ беспорядочное бѣгство, а съ нимъ долженъ былъ бѣжать гордый ханъ, спасаясь отъ преслѣдованія сына Эдыге — *Нурадилья*.

Пѣсня.

Въ моментъ, когда хана преслѣдуютъ его-же князья ⁵⁸), въ моментъ, когда золотой тронъ его разбивается какъ сѣдло, слетѣвшее со спины скачущаго по степи коня;

Въ моментъ, когда онъ похожъ на всадника, сидящаго на бѣшено несущемся конѣ, котораго онъ безсиленъ остановить, потому что порвались удила, — въ этотъ моментъ ханъ, тоскуя, говоритъ:

„Верблюженокъ, такъ пышно обросшій шерстью! не на моихъ-ли пастбищахъ ты выросъ и разжирѣлъ?

„Земля, растилающая передъ моими глазами! не на тебѣ-ли паслись мои несчетныя стада овецъ?

„Земля! Ты не та-ли, на которой богачи моего ханства при выдачѣ дочерей своихъ брали за нихъ по сорока плодныхъ кобылицъ ⁵⁹)?

„Не на тебѣ-ли они готовили въ кадкахъ кумысъ, издававшій трескъ, подобный треску растираемаго сафьяна ⁶⁰), и не на тебѣ-ли устраивались мои и ихъ многочисленныя пиршества?

„Земля! Не на тебѣ-ли выросли мои безсчетныя аргамаки? Не по тебѣ-ли они бѣгали и рѣзвились, махая хвостами, какъ сазаны въ рѣкѣ?

„Не на тебѣ-ли сынъ мой Султанъ распростра- нялъ страхъ, подобно змѣю *саріекъ* ⁶¹)? И не ты-ли была свидѣтельницею свадьбы моей съ Дона-Бике?

„Или не по тебѣ, земля, *Эдыль* и *Тэнз* ⁶²) текутъ?! Или не твоя трава — сахаръ, не твоя вода — шербетъ и не ты называешься *Шермутунз* ⁶³)?!

„Тебя я вижу и съ тобой расстаюсь! И не ты меня покидаешь, а я покидаю тебя... Такъ скажи хоть мнѣ: „въ добрый часъ, мой ханъ!“

Разсказъ.

Между тѣмъ разрозненные остатки разбитаго войска Тохтамыша снова соединились между собою на берегу Волги (Эдыль). Признавъ невозможнымъ дать новое сраженіе непріятелю, преслѣдовавшему его по пятамъ, Тохтамышъ призвалъ къ себѣ всѣхъ военачальниковъ и предложилъ имъ обсудить: что предпринять дальше? Отвѣты послѣдовали уклончивые и неясные: военачальники уже думали объ измѣнѣ своему властелину. Какъ разъ въ это время поднялась сильная буря, предвѣстница грозы и дождя.

Пѣсня.

И надѣвъ на себя золотой лукъ, сразу посѣдѣвшій Ханъ Тохтамышъ говорить:

„Что ты клубишься, проклятая сѣрая пыль? Стихнетъ вѣтеръ, ударить дождь и ты уляжешься, прибитая къ землѣ.

„Эдыль! Что ты бѣшено вскидываешь свои волны? Придетъ *токсана* ⁶⁴⁾ и, какъ узника, скуетъ тебя!..

„Съ конскую голову мое сердце! Что ты прыгаешь, какъ воробей? Явятся люди Эдыге, вырвутъ изъ тебя желчь—и ты остановишься...

„Дочери мои Ханыке и Газыке! Что вы ослѣпляете мнѣ глаза своею чистотою? Когда придутъ люди Эдыге и будутъ цѣловать васъ—развѣ вы не покоритесь имъ?!

„Приближенные мои, совѣтники мои таинственно переговариваются между собою, не посвящая уже меня въ свои планы: надъ моею головою повисла опасность, что же они сдѣлаютъ, если не измѣнятъ мнѣ?

„Этимъ малымъ дѣтямъ неизвѣстна великая тайна... Можетъ быть открытъ имъ ее? Эй! Подо мною уходился испытанный конь, къ чему-же садиться на неиспытаннаго! ⁶⁵).

„Вонъ сзади виднѣются уже люди сына Эдыге-Нурадиля. Боже! Да не исполнятся ихъ надежды! Но когда они настигнутъ меня, то заройся я въ землю, какъ корень *иблекэ* ⁶⁶)—развѣ я скроюсь отъ нихъ?

Коварный Джаммай дѣйствительно, придумалъ выходъ изъ критическаго положенія. По соглашенію съ другими мурзами, онъ предложилъ Тохтамышу покинуть войско и бѣжать въ виднѣвшійся вдали лѣсъ.— „Если ты будешь съ нами,—сказалъ онъ хану:— то мы погибнемъ; если ты спрячешься въ лѣсу, тебя не найдутъ тамъ, намъ непріятель дастъ пошадю“. Несчастный ханъ невольно подчинился предложенію и приготовился оставить свой станъ. Джаммай пропѣлъ ему прощальную пѣсню.

Пѣсня (Джаммая).

Стоя на высокомъ курганѣ, сидя на высокомъ гнѣдомъ конѣ, съ золотымъ лукомъ чрезъ плечо, посѣдѣлый Джаммай говоритъ своему хану:

„Ханъ мой! Когда-то я былъ упругъ, какъ выдѣланная кожа; а теперь я—старая, растянувшаяся кожа; я былъ рѣзвъ, какъ молодой конь, а теперь я—старая кляча;

„Я былъ крѣпокъ, какъ дубъ, а теперь этотъ дубъ прогнилъ; я былъ твердъ, какъ сталь, а теперь сталь эта разсыпалась...

„И ты былъ мужемъ, мужемъ... Теперь же... Теперь намъ должно разстаться съ тобою.

Разсказъ.

Отдѣлившись отъ войска, Тохтамышъ одинъ, безъ тѣлохранителей, поскакалъ къ лѣсу. Достигнувъ опушки его, онъ бросилъ коня и углубился въ лѣсную чащу. Идя въ ней болотомъ, онъ задѣлъ ногою гнѣздо ибиса. Ибисъ вспорхнулъ и съ пронзительнымъ крикомъ поднялся надъ лѣсомъ.

Пѣсня.

Въ моментъ, когда хана преслѣдуютъ его-же князья, въ моментъ, когда золотой тронъ его разбивается, какъ сѣдло, упавшее съ бѣшено скачущаго по полю коня:

Въ моментъ, когда онъ похожъ на всадника, не управляющаго болѣе разгоряченнымъ конемъ, потому что порвались удила, ханъ, тоскуя, поетъ:

„Зачѣмъ кричишь ты, ибисъ? У тебя крылья и шея свободны, клювъ твой крѣпокъ, какъ рогъ и передъ Богомъ ты чистъ... Эй, такъ тоскливо не кричи!..

„Чтобы причинить тебѣ зло, отнявъ у тебя дѣтей, мнѣ нужны люди, а я хоть ханъ, но людей нѣтъ у меня! И чтобы взять твои яйца изъ травы *юкчигъ* ⁶⁷⁾, ихъ нужно розыскать, а кому я велю розыскать ихъ?..

„Какъ я господствовалъ въ своемъ ханствѣ, такъ ты, ибисъ, господствовалъ въ этомъ болотѣ. Выгнавшій меня изъ моего ханства гонить и тебя изъ твоего болота,—

„То сынъ Эдыге, *Нурадилъ* ⁶⁸⁾, никогда не расстающийся со своимъ оружіемъ. Да постигнетъ его участь казака!

Разсказъ.

Послѣ бѣгства хана Джаммай поспѣшилъ сдаться со всѣмъ войскомъ счастливому побѣдителю Нурадилю. Побѣдителю большѣ всего нуженъ былъ, однако, врагъ его Тохтамышъ; поэтому онъ потребовалъ немедленной выдачи его. Джаммай заявилъ, что несчастный ханъ покинулъ войско и скрылся неизвѣстно куда. Такъ говорилъ языкъ Джаммая, а въ то же время лукавый мурза кивалъ головою на лѣсъ, въ которомъ ханъ только-что скрылся. Понявъ измѣнника, Нурадилъ воскликнулъ: „Лѣсъ великъ! какъ отыскать въ немъ хана?“—Въ несчастьи ханы поютъ, а въ лѣсу голосъ пѣвца разносится далеко!—процѣлъ коварный царедворецъ, поправляя сбрую на своемъ конѣ.

Сынъ Эдыге приказалъ Джаммаю слѣдовать за собою и поскакалъ въ лѣсъ. Вскорѣ до него донесся голосъ одиокаго хана, успокаивавшаго пѣснею испуганнаго ибиса. Въ глухой чащѣ онъ нашель и самого Тохтамыша и гнѣвно занесъ пашку надъ его головой.—„Сынъ Эдыге, остановись, крикнулъ ханъ,—остановись и слушай! Было время—я убилъ твоего дѣда по наущенью Джаммая! Теперь—ты хочешь убить меня по наущенью Джаммая! Эй, Нурадилъ! Будеть время—тебя убьетъ сынъ мой Султанъ—по наущенью Джаммая-же!“... Нетерпѣливый Нурадилъ не дождался окончанія рѣчи своего кровнаго врага и однимъ ударомъ снесъ ему голову. Соскочивъ потомъ съ коня, онъ радостно поднялъ отрубленную голову съ земли и долго любовался ею; потомъ онъ завернулъ ее въ бѣлую бязь и поскакалъ съ нею въ главный станъ войскъ Темира, при которомъ находился отецъ его Эдыге. Тамъ онъ радостно положилъ трофей свой къ ногамъ своего отца.

ЧАСТЬ III.

Отецъ и сынъ.

Разсказъ.

Нурадилъ, покончивъ съ кровнымъ врагомъ своего дома Тохтамышемъ, рѣшилъ воспользоваться его дочерьми, дивными красавицами Ханьке и Газьке. Взявъ небольшой отрядъ войска, онъ поскакалъ въ дворецъ хана по Волгѣ, горя нетерпѣніемъ сдѣлаться обладателемъ красавицъ. Но когда онъ уже приближался къ дворцу, красавицъ предупредили о грозящей имъ опасности и онѣ приняли свои мѣры, что-бы не сдѣлаться женами убійцы своего отца. Обѣ дѣвушки придали себѣ видъ беременныхъ женщинъ, мало заботящихся притомъ о своей наружности и о своемъ костюмѣ. И все-таки онѣ были такъ необычайно красивы, что Нурадилъ, проникнувъ въ ихъ комнату и увидѣвъ ихъ, въ восхищеніи воскликнулъ: „Вотъ когда я нашелъ себѣ женъ!“ На эти слова Ханьке, поднявшись съ мѣста, гнѣвно произнесла, что еще не было случая, что-бы сынъ отнималъ женъ у своего отца, а она и сестра ея—жены благословеннаго Богомъ мурзы Эдыге. Видъ дѣвушекъ послужилъ подтвержденіемъ сказанныхъ Ханьке словъ. Нурадилъ повернулся къ сестрамъ спиною и съ страшною бурей въ душѣ покинулъ ханскій дворецъ. Съ этого времени онъ воспылалъ ненавистью къ отцу своему и принялъ рѣшеніе жестоко отомстить ему.

Между тѣмъ грозный Темиръ-шахъ, сокрушивъ Тохтамыша, удалился въ свои владѣнія, оставивъ

властителемъ Золотой Орды доблестнаго Нурадила, а руководителемъ и совѣтникомъ его благочестиваго и разсудительнаго Эдыге. Нѣкоторое время отецъ и сынъ жили мирно. Но сынъ не забылъ нанесенной ему отцомъ обиды и, воспользовавшись какимъ-то случаемъ, приговорилъ отца къ изгнанію изъ ханства ⁶⁹). Престарѣлый мурза былъ страшно пораженъ и огорченъ приговоромъ Нурадила и состояніе своей души выразилъ въ пѣсняхъ.

Пѣсни Эдыге.

Я, Эдыге, въ ожиданіи возможности достигнуть своей цѣли ⁷⁰), пресмыкался у ногъ сына Бора-хана, шахъ-Темира, угождая ему, какъ простой слуга.

А раньше того, для достиженія той-же цѣли, я въ одинъ день истребилъ пятьсотъ человѣкъ и въ тотъ-же день убилъ человѣка, голова котораго стояла тысячу человѣкъ.

Убитый мною назывался калмуцкимъ ханомъ Кабардыномъ; ему я, въ ожиданіи случая ⁷¹), служилъ даже поваромъ.

Когда дочь Темира, Фердаузъ, подняла мнѣ полы шатра богатыря, я, съ божьей помощью, разсѣкъ Кабардына пополамъ,—я выпустилъ кровь его, какъ воду.

Потомъ я возславословилъ Бога за дарованную мнѣ побѣду и за то, что получилъ такую жену, какъ мать твоя Фердаузъ.

Мать твою я вырвалъ у калмука, сына Агока, когда убилъ его, я получилъ ее въ житье *даромъ* ⁷²).

Я отнялъ золотой тронъ у такого хана, какъ Тохтамышъ, потомокъ Чингизъ-хана; я концемъ своей

шашки отперъ дворець его; я сдѣлалъ это къ концу своей зрѣлости.

А въ юности своей я бѣжалъ отъ Тохтамыша съ семью товарищами и во время бѣгства я цѣлыми горстями разбрасывалъ на пути своемъ бѣлое серебро и красное золото.

И ты, сынъ мой, который стрѣляетъ изъ лука всѣми десятью пальцами ⁷³⁾ и служить образцомъ благочестія для *восемнадцати тысячъ* ⁷⁴⁾;

Который прочиталъ всѣ книги четырехъ мухамеданскихъ *имамовъ* ⁷⁵⁾, который бросается въ бой, сидя на гнѣдомъ конѣ съ бѣлою звѣздочкою на лбу;

Который, когда захочетъ, разбрасываетъ на своемъ пути золото цѣлыми слитками, который золото самъ,—

И ты—ястребъ, на лету хватящій добычу, ты, Нурадилъ, сынъ мой, ты гонишь меня отъ себя!... Гони, я побѣгу и да побѣжить отъ тебя врагъ твой *иблизъ* ⁷⁶⁾, какъ я побѣгу.

Сынъ мой Нурадилъ! когда ты рождался, я велѣлъ зарѣзать вольныхъ кобылицъ, когда-же ты родился, я велѣлъ зарѣзать бѣлыхъ барановъ ⁷⁷⁾.

Колыбельку для тебя я велѣлъ сдѣлать изъ узорчатаго дерева, а тюфякъ—изъ бархата, но считая и бархатъ жесткимъ для тебя, я велѣлъ покрыть мягкимъ сукнокъ ⁷⁸⁾.

Изъ маленькаго я выростилъ тебя большимъ, стройнымъ, какъ стрѣла.

И вотъ, когда глаза мои стали красны, какъ у молодого верблюженка, когда грудь моя посѣдѣла, когда я постарѣлъ,—что я сдѣлалъ тебѣ, что ты гонишь меня?...

Ни въ дѣтствѣ своемъ, ни въ зрѣломъ возрастѣ, ни на старости своей я не видалъ и не слышалъ никогда, чтобы сынъ прогонялъ отъ себя отца своего.

А ты—князь, превзошедшій мужествомъ царей, ты—сынъ мой! Ты, разрушитель крѣпости, подобной желѣзновратному Дербенту ⁷⁹⁾, ты—сынъ мой!

Ты, одинъ, безъ тѣлохранителей, преслѣдующій добычу на быстромъ скакунѣ, не останавливаясь передъ широкими рѣками, ты—сынъ мой!

Ты, полость, защищающая человѣка отъ снѣжной мятели, стальной щитъ, ограждающій человѣка отъ сыплящихся на него стрѣлъ, ты—сынъ мой!

Пусть изъ Индостана, *Яумена* ⁸⁰⁾, *Шамъ-шаара* ⁸¹⁾, *Мисира* ⁸²⁾, Константинополя и Крыма созовутъ самыхъ лучшихъ мастеровъ, очищающихъ золото отъ постороннихъ примѣсей, пусть прикажутъ имъ произвести такую очистку наилучшимъ образомъ.

И вотъ, сколько-бы они ни стали трудиться надъ своимъ золотомъ, имъ не сдѣлать такимъ чистымъ, какъ происхожденіе твое,—о сынъ мой, статностью подобный праведному *Али!* ⁸³⁾.

И ты гонишь меня! Гони—я побѣгу и дай Богъ, чтобы врагъ твой иблизъ такъ бѣжалъ отъ тебя, какъ я побѣгу!

Нурадилъ! Не совершивъ прежде омовенія, я никогда не ступалъ на землю; въ сердцѣ своемъ я всегда носилъ чистое ученіе вѣры.

Неустанно повторяя устами слова вѣры, я никогда не забывалъ и мечети; нѣтъ, идя по стопамъ праведниковъ, я молился въ тридцати двухъ мечетяхъ, приклоняясь головою къ голой землѣ ⁸⁴⁾.

И множество *юридовъ* ⁸⁵⁾ постоянно сопровождали меня, и я училъ ихъ идти по истинному пути *тари-ката* ⁸⁶⁾.

Я дѣлалъ это, чтобы послѣ облаченія меня въ бѣлый саванъ, я удостоился вознесенія на небо...

И меня, отца своего, заступника своего въ день суда, когда *Азраилъ* ⁸⁷⁾ вострубитъ въ трубу, сынъ мой Нурадилъ, ты гонишь отъ себя!..

Меня, который ѣздилъ на *тюльпаръ* ⁸⁸⁾, питавшемся васильками и утолявшемъ жажду изъ родника *Ковсаръ* ⁸⁹⁾, *тюльпаръ* съ хвостомъ, умѣшавшемся въ горсти человѣка.

Меня, который съ божьею помощью и съ помощью ангеловъ переходилъ черезъ синее море, жилище плещущихся рыбъ, и море было ему по поясъ ⁹⁰⁾.

Который вчерашнихъ хановъ заставилъ рѣвѣть по медвѣжьѣ ⁹¹⁾, потомка *Айшатъ* ⁹²⁾, *Патиматъ* ⁹³⁾, *Хасана и Усейна* ⁹⁴⁾...

Человѣка, всегда ходившаго по стопамъ праведниковъ *Хизири и Ильяса* ⁹⁵⁾, пользуясь руководителемъ своимъ *Чачлы-Азиза* ⁹⁶⁾, сына *Джамалъ-Уддина-халифа* ⁹⁷⁾, человѣка, молитвы котораго доходятъ до Бога?!..

Но если я проклянута тебя—ты рассыпешься въ черный прахъ, если-же я благословлю тебя—ты будешь счастливъ во вѣки...

Ибо я семь разъ прочиталъ *алкоранъ*—книгу во имя Бога, семь разъ проникалъ въ тайны этой книгѣ; я по тридцать три раза постоянно повторяю славословіе, по столько-же разъ повторяемое при пятничномъ намазѣ въ *большой мечети* ⁹⁸⁾.

Ибо я прочиталъ всѣ четыре книги, полученныя съ неба: библію, псалтырь, евангеліе и коранъ, и прочитавъ, поступалъ по требованію ихъ.

Ибо я знаю, что всѣхъ пророковъ сто двадцать, всѣхъ ангеловъ—двѣнадцать тысячъ, всѣхъ законовъ—четыре ⁹⁹⁾ и всѣхъ имамовъ четыре...

Но любимѣйшій пророкъ Божій, давшій въ коранѣ двадцать девять наставленій ¹⁰⁰⁾,—одинъ рабъ божій Магометъ!

Что выше корана?! Кто выше Магомета, царя настоящаго и будущаго?! Такъ нѣтъ горы больше и выше *канъ-тау* ¹⁰¹⁾, охватывающей весь свѣтъ!!

Эй, сынъ мой Нурадилъ! Если-бы я воду твою превратилъ въ кровь,—чѣмъ бы ты сталъ утолять свою жажду? Если-бы я выжегъ степныя травы,—чѣмъ бы ты сталъ кормить свой скотъ?

Если бы я заговорилъ твоего аргамака,—гдѣ ты взялъ-бы другого такого аргамака? Если бы я заговорилъ юрту твою,—гдѣ бы ты наслаждался отдыхомъ?

Если бы я заговорилъ твоего черного сокола—гдѣ ты взялъ бы другую такую дивную птицу? А если ты прогонишь отъ себя отца своего, шестидесятилѣтняго старца,—гдѣ ты обрѣтешь покой для своей совѣсти?

(Отвѣтъ Нурадила).

Любезный отецъ мой, князь-отецъ! Преврати ты воду въ кровь—я буду пить шербетъ, сожги ты степныя травы—я, до появленія новой степной травы, буду кормить свой скотъ *чѣинъ* ¹⁰²⁾.

Заговори ты моего аргамака—я стану ѣздить на *тюльпаръ*; заговори юрту мою—я выстрою себѣ дворецъ.

Заговори ты моего черного сокола—я стану охотиться съ *сункаръ*¹⁰³)... А если я прогоню отъ себя отца своего, шестидесятилѣтняго старца, то покой для своей совѣсти я найду въ Меккѣ, обойдя семь разъ вокругъ священнаго города¹⁰⁴).

Разсказъ.

Нурадиль остался непреклоннымъ и выгналъ своего отца Эдыге изъ своихъ владѣній.

Прошло послѣ того много лѣтъ, въ теченіи которыхъ Эдыге скитался въ степи. Но случилось, что Нурадиль заболѣлъ. Врачи ханства перепробовали всѣ средства лѣченія, но больной не поправился. Тутъ вспомнили о шейхѣ Эдыге, отцѣ больного, и послали въ степь розыскать его. Старика отыскали въ самомъ жалкомъ положеніи: онъ былъ совершенно нагой и питался ягодами и кореньями. Его одѣли и повели въ станъ сына. Когда онъ подходилъ къ стану, на встрѣчу ему вышелъ Джаммай, несшій въ рукахъ умирающаго Нурадилья. Поровнявшись съ Эдыге, Джаммай пропѣлъ: „Берется душа, берется... уже шея обвязывается бѣлымъ платомъ. Вотъ пришелъ мурза (Нурадиль) просить прощенья у отца своего“. Потомъ онъ положилъ больного на землю. Эдыге сталъ лицомъ къ Меккѣ и вознесъ горячія молитвы къ Богу объ исцѣленіи его сына. Богъ услышалъ молитвы шейха—Нурадиль выздоровѣлъ и сталъ управлять ханствомъ по прежнему. Шейхъ Эдыге жилъ съ сыномъ до самаго того дня, когда душа его отошла къ престолу великаго Бога...

ЭПИЛОГЪ.

Разсказъ.

Между тѣмъ сынъ Тохтамыша, Кадырь-Берды Султанъ, овладѣвшій частью ханства своего несчастнаго отца, вступилъ въ ожесточенную борьбу съ своимъ кровнымъ врагомъ Нурадилемъ. Войска обоихъ соперниковъ безпрерывно сражались между собою, но эти сраженія всегда оканчивались для Кадырь-Берды-Султана полною неудачею. Будучи великимъ полководцемъ, Нурадилъ безъ труда побѣждалъ своего противника, производя въ его войскѣ великія опустошенія. Кадырь-Берды убѣдился, наконецъ, что ему не овладѣть своимъ врагомъ въ открытомъ бою и по этому рѣшился дѣйствовать хитростью. Зная, что первымъ совѣтникомъ Нурадила состоитъ старый слуга и измѣнникъ его отца Джаммай, онъ послалъ этому царедворцу цѣнные подарки, предложивъ ему измѣнить своему теперешнему господину. Вѣроломный вельможа не замедлилъ склониться на предложеніе сына Тохтамыша и обѣщаль при первой же возможности выдать ему его отважнаго соперника. При ловкости Джаммая и неосторожности безпечнаго Нурадила возможность эта скоро представилась. Нурадилъ былъ страстный охотникъ. Зная это, Джаммай велѣлъ Кадырь-Берды скрыться съ отрядомъ войскъ въ камышахъ, окаймлявшихъ одно изъ озеръ во владѣніяхъ Нурадила, а на берегу озера поставить нѣсколько палатокъ такимъ образомъ, что-бы ихъ видно было издали. Когда Кадырь-Берды все это исполнилъ, Джаммай подъ рукою распустилъ

слухъ, будто-бы на озерѣ появились дикія лебеди. Слухъ скоро дошелъ до Нурадила, пожелавшаго немедленно отправиться на охоту. Однако, коварный Джаммай, ближайшій совѣтникъ его, отнесся къ слуху недовѣрчиво и посовѣтовалъ провѣрить его, сдѣлавъ прежде простую прогулку къ озеру. Князь народа принялъ совѣтъ и началъ уже надѣвать на себя оружіе, но Джаммай вскользь бросилъ замѣчаніе, что это ненужная предосторожность, такъ какъ озеро близко и враговъ по близости нѣтъ. Оружіе было отложено въ сторону, отважный сынъ Эдыге отправился къ озеру не только безъ оружія, но и безъ всякой свиты въ сопровожденіи лишь одного Джаммая. Сначала князь и его мурза шли камышами, изъ-за которыхъ ничего не видно было впереди. Но когда они вышли на берегъ озера, то очутились лицомъ къ лицу не съ лебедями, а съ бѣлыми палатками Кадырь-Берды Султана. — „Мы обмануты! Это палатки врага! Бѣжимъ, бѣжимъ!“ закричалъ Джаммай съ притворнымъ испугомъ. Но гордый князь оставилъ безъ вниманія слова подлаго слуги и безъ колебаній направился къ палаткамъ своего смертельнаго врага: онъ понялъ, что Джаммай продалъ его и ему уже не было отступленія.

О появленіи храбраго Нурадила на берегу озера безъ войска и безъ оружія тотчасъ дали знать Кадырь-Берды. Обладованный сынъ Тохтамыша возблагодарилъ Бога за отдачу въ его руки того, кого онъ искалъ всю свою жизнь, и распорядился принять этого гостя въ своемъ шатрѣ особеннымъ образомъ. По его приказанію, отъ входа въ шатеръ до мѣста, гдѣ стояло его кресло, былъ сдѣланъ помостъ изъ досокъ, утыканныхъ большими гвоздями концами вверхъ. Напро-

тивъ его кресла поставили другое и въ послѣднемъ скрыли подъ подушкою два большихъ гвоздя, пригнанныхъ такъ, чтобы они впились въ тѣло того, кто сядетъ на кресло.

Приблизившись къ шатру Кадырь-Берды, Нурадилъ безъ колебаній вошелъ въ него. Онъ увидаль сдѣланныя приготовленія къ его приему, презрительно усмѣхнулся—и направился по дощатому помосту къ креслу, на которомъ сидѣлъ его смертельный врагъ. Потомъ, по знаку Кадырь-Берды, онъ сѣлъ на другое кресло... Было это въ пятничный день.

Джаммай, при видѣ дѣла рукъ своихъ, излился въ пѣснѣ.

Пѣсня (Джаммая).

И вотъ Кадырь-Берды Султанъ сталъ ханомъ, а я сталъ его мурзою! Наконецъ, мы озарены блескомъ, подобнымъ блеску снѣга, залитаго солнечными лучами!

Посадить въ одно гнѣздо *лячинъ* и *сункаръ* ¹⁰⁶), двухъ природныхъ враговъ, еще доступно великимъ мастерамъ, но героя Нурадила такъ просто посадить около Кадырь-Берды Султана—это возможно только для одного Бога!

Разсказъ.

Кадырь-Берды, молча, наслаждался муками своего врага, Нурадилъ-же заговориль.

Пѣсня (Нурадила).

Пригвожденный къ своему креслу, передъ лицомъ своего врага, Нурадилъ говорить:

Пятничный день—день, чтимый мною, потому что въ этотъ день я родился, а со дня своего рожденія я видѣлъ и свѣтлыя ночи.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ говорить, я неустанно повторялъ имя Божіе, а прочитавъ арабскія писанія, я началъ свято исполнять ихъ наставленія.

Будучи отъ рожденія счастливѣй своего отца, я во имя праведниковъ Хизири и Ильяса сорокъ дней молился у родника, называемаго *казу-су* ¹⁰⁶).

Сынъ Тохтамыша, Кадыръ-Берды ¹⁰⁷)! Что въ томъ, что ты приходишь отъ Чингизъ-хана? Я самъ сынъ туркестанскаго, китайскаго, кыпчакскаго, киргизскаго, индоостанскаго мудреца *Коджа-Ахмата*, отца *Чачлы-Ализа*, отца *Боръ-кая* ¹⁰⁸).

Съ населенія такого густого, какъ толпа на базарѣ большого города, съ такого населенія я, князь, бралъ *ясака* ¹⁰⁹). Сидя на *иракз-конь* ¹¹⁰), я повелѣвалъ этимъ населеніемъ.

Я — князь, котораго безсмѣнно сопровождаютъ шестьдесятъ *нукеровъ* ¹¹¹) изъ почетнѣйшихъ фамилій!

Я—князь, войско котораго состоитъ изъ храбровъ, сразу бросающихся на врага, ибо я — князь, умѣющій цѣнить храбрыхъ и награждать отличавшихся.

Не зная отца человѣка, я въ тѣлохранители его не возьму, не зная происхожденія человѣка, я подарка ему не сдѣлаю;

Но если я дѣлаю подарокъ, то дарю и полторы тысячи золотыхъ ¹¹²) и даннаго подарка я назадъ не отнимаю—я такого достойнаго отца сынъ!

Огня, горящаго у друга, я никогда не потушу, но у врага я огня не зажгу, ибо сынъ Эдыге—шахъ Нурадилъ—это я! Котораго изъ потомковъ Чингизъ-хана я ниже?!...

Пѣсня (Кадырь-Берды Султана).

Нурадиль! Гдѣ гнѣдой конь мой, что на бѣгу не чувствовалъ подѣ собою земли, не утомлялся, скача на гору и перелеталъ черезъ овраги?

Гдѣ сѣкира моя *ай-балта* ¹¹³⁾ съ золотою рукояткою?

Гдѣ панцырь мой *торбала* ¹¹⁴⁾, каждое звѣно котораго стоило тысячу золотыхъ?

Гдѣ казна моя, помѣщавшаяся на шести арбахъ, покрытыхъ бѣлою бязью?

Гдѣ кибитка моя, подобной которой не было и у афганца Аксакъ-Темира? Ея не поднимали двѣнадцать сильныхъ слугъ и сдвинуть съ мѣста могли только афганскіе верблюды;

Стѣны ея были атласныя, а веревки къ ней были серебряныя, сидѣнья въ ней были мѣдныя, а въ длину и ширину она была по двѣнадцати шаговъ.

Гдѣ Нурадиль, тотъ родникъ, что назывался *шермутунъ* и воду котораго пили лишь радужные павлины?

Гдѣ, Нурадиль, конскій табунъ мой, въ которомъ было болѣе 9000 коней?

Гдѣ мои многочисленныя стада барановъ, для пастьбы которыхъ было мало восьмидесяти пастуховъ?

Гдѣ, Нурадиль, сестры мои Ханыке и Газыке, рѣчи которыхъ воспаляли сердца!

Ты стоишь передъ лицомъ смерти, Нурадиль! Отвѣчай-же: гдѣ девятый потомокъ Чингизъ-хана, отецъ мой Тохтамышъ-ханъ?...

Пѣсня (Нурадила).

Эй ты, молодой Кадырь-Берды Султанъ! Властитель народа теперь, Султанъ! Безъ смущенья отвѣ-

чаю на твои вопросы, отвѣчаю, не спуская передъ тобою глазъ.

На гнѣдомъ конѣ твоемъ, что на бѣгу не чувствовалъ подъ собою земли, не утомлялся, скача на гору, и перелеталъ черезъ овраги, я, завладѣвъ имъ, ѣздилъ въ свое удовольствіе.

Ай-балта съ золотою рукояткою, которую я отнял у отца твоего, когда убилъ его, я присвоилъ себѣ, какъ военную добычу.

Панцырь *торбала*, каждое звѣно котораго стоило тысячу золотыхъ, я, снявъ его съ твоего отца, надѣлъ на себя.

Казну твою, помѣщавшуюся на шести арбахъ, покрытыхъ бѣлою бязью, я растратилъ въ то время, когда совершалъ свои подвиги во главѣ болѣе стотысячнаго войска, растратилъ для достиженія своихъ цѣлей и на нужды неимущихъ.

Кибитку твою, которой подобной не было и у афганца Темира (ея не поднимали двѣнадцать сильныхъ слугъ и тронуть съ мѣста могли только афганскіе верблюды);

Стѣны ея были атласныя, а веревки къ ней были серебряныя, сидѣнья въ ней были мѣдныя, а въ длину и ширину она имѣла по двѣнадцати шаговъ, —

Я въ походѣ обратилъ ее въ маякъ: чтобы отсталые изъ моего войска и сбившіеся съ пути могли найти меня, я поднялъ ее на возвышенность и сжегъ.

Шермутунъ-родникъ, воду котораго пили лишь радужные павлины, (когда Богъ мнѣ далъ завладѣть имъ) я обратилъ въ шербетъ, вливъ въ него меду, потомъ я отдалъ его народу и войску, чтобы они утолили имъ свою жажду.

Конскій табунъ твой, въ которомъ было болѣе

9000 головъ, я отдалъ бѣднымъ и сирымъ, что-бы они утолили имъ свой голодь.

Твои многочисленныя стада барановъ, для пастьбы которыхъ было мало восьмидесяти пастуховъ, я отдалъ войску и народу, какъ военную добычу.

Сестеръ твоихъ Ханьке и Газьке, рѣчи которыхъ воспламеняли сердца (когда Богъ мнѣ далъ завладѣть ими), я сдѣлалъ своими женами ¹¹⁶⁾.

Я сидѣлъ на *булань* ¹¹⁶⁾ съ оленьими ногами; на мнѣ былъ желѣзный панцырь съ бѣлымъ воротникомъ ¹¹⁷⁾—мое постоянное одѣянье.

Было такъ жарко, что я, охлаждая себя, клалъ на свой выпуклый лобъ ледъ лопатами, — и я гналъ передъ собою хана...

За *Арту* ¹¹⁸⁾ есть хвойный лѣсъ, въ этомъ лѣсу я нагналъ хана и, нагнавъ, отрубилъ ему голову...

Отрубилъ ему голову и привязалъ ее къ сѣдлу своему, но боясь, что она упадетъ, я постоянно бралъ ее въ руки.

И, боясь выронить ее изъ рукъ, я обернулъ ее бѣлою бязью и повѣсилъ себѣ на грудь. Потомъ я отдалъ ее отцу своему ¹¹⁹⁾...

Эй ты, молокосось Кадырь-Берды Султанъ! Ты воспользовался оплошностью Нурадила... Но имѣй я въ рукахъ свое оружіе, я и съ тобою поступилъ-бы также, какъ съ отцомъ твоимъ!..

Ибо я—шахъ Нурадилъ, я мужъ? Прибѣгающій подъ мою защиту не остается беззащитнымъ.

Я у друга зажигаю огонь, а у врага тушу его!

Я черная туча, которая разъ появившись, не пропадаетъ иначе, какъ пролившись дождемъ!

Я родился чернымъ и, сколько не мой меня мыломъ,—я не побѣлѣю!

Я—кривое дерево: сколько не выпрямляй его—не выпрямишь!

Я неукротимѣе *саврасаю* ¹²⁰⁾ коня — никому ни на какомъ арканѣ не удержать меня!

Я тверже оленьяго рога: вдѣнь мнѣ въ носъ желѣзное кольцо—я вытерплю!

Я горче воды Бѣлаго моря ¹²¹⁾: подслащай эту воду, сколько хочешь сахаромъ,—въ ней горечи не убавится!

Я гроза—и бью, какъ грозовая стрѣла.

Я тотъ самый левъ, который преградилъ дорогу отцу твоему Тохтамышу!

Эй ты, молокососъ Кадырь-Берды Султанъ! Черезъ измѣну Джаммая я очутился передъ тобою безъ оружія—и ты живого и здорового посадилъ меня на желѣзные гвозди.

Но кто свое время княжествовалъ, тотъ не будетъ раскаяваться... И если-бы ты не ноги мои только, но и носъ мой проткнулъ гвоздями—я бы ни въ чемъ не раскаялся!

Разсказъ.

Твердость въ перенесеніи страданій, гордое самовосхваленіе въ минуту величайшей опасности, презрѣніе къ смерти—эти качества героя Нурадила привели въ восторгъ мучителя его Кадырь-Берды. Вслѣдъ за заключительными словами пѣсни онъ приказалъ снять Нурадила съ гвоздей, перевязать его раны и первый протянулъ ему руку въ знакъ готовности забыть все прошлое и чистосердечно примириться. Нурадилъ, однако, не сразу принялъ руку своего счастливаго соперника, а потребовалъ прежде повѣсить измѣнника Джаммая. Требованіе его было удовле-

творено, и тогда онъ примирился съ Кадырь-Берды, призналъ въ немъ единственнаго хана Золотой Орды и навсегда отказался отъ своей независимости. Довольный Кадырь-Берды подарилъ своему новому другу и подданному въ полную собственность степь, орошаемую Терекомъ и Сулакомъ, и объявилъ его первымъ полководцемъ своего ханства. Не мало побѣдъ одержалъ послѣ того Нурадилъ надъ врагами хана и его ханства. Но однажды, при возвращеніи его изъ многочисленныхъ походовъ, у него вдругъ открылись раны, полученныя въ шатрѣ его бывшего врага и соперника. Принятая мѣры не помогли — и сынъ мурзы Эдыге истекъ кровью. Смерть доблестнаго Нурадила лишила монголовъ одного изъ лучшихъ героевъ ихъ ¹²²).

Примѣчанія.

1) Ханъ Тохтамышъ царствовалъ въ Золотой или Кипчакской ордѣ съ 1381 по 1395 годъ. Предшественникомъ Тохтамыша въ ордѣ былъ столь извѣстный въ русской исторіи Мамай, а свергъ Тохтамыша съ «золотого трона», какъ говорится въ поэмѣ, всемірно-извѣстный грозный завоеватель Темиръ-шахъ, Аксакъ Темиръ, Темирленгъ или Тамерланъ. Въ 1382 году, въ княженіе Дмитрія Донского, Тохтамышъ, осторожно подкравшись къ Москвѣ, хитростью заставилъ жителей ея отворить Кремлевскія ворота и, ворвавшись въ городъ, опустошилъ его.

2) Аксакъ Темиръ или Тамерланъ.

3) *Эмчекъ*—молочный братъ. Такъ называются взаимно дѣти женщины изъ народа, вскормившей своею грудью ребенка знатной фамиліи, и этотъ послѣдній ребенокъ.

4) *Саклау*—воинъ—тѣлохранитель.

5) «Обращаются» во множественномъ числѣ изъ почтенія къ хану. Узунъ-Айдаръ—Айдаръ изъ рода или даже племени *Узунъ*, *Усунъ* (въ нашей исторіи *Узы*).

6) *Эфенди*—воззвание, совмѣщающее въ себѣ понятія господинъ и духовный учитель.

7) У мусульманъ и до сихъ поръ существуетъ обычай принимать присягу никогда и ни по какому дѣлу не являться доказчикомъ или открывателемъ. Такого рода присягу по преимуществу принимаютъ благочестивые старики и *хаджи* (поклонившіеся гробу Магомета) и поэтому совершенно естественно, что *Кора-Коджа* (*коджа* тоже, что *хаджи*) также могъ принять такую присягу.

8) Отвѣтъ уклончивый, доказывающій, что Кубугула боялись.

9) Въ отвѣтѣ слышится горечь обиды со стороны молочнаго брата самого хана, которому предпочли какого-то неизвѣстнаго воина.

10) *Кыпчакъ* (кипчаки)—одна изъ крупныхъ родовыхъ группъ, входившихъ въ составъ монгольской орды, отчего и самая орда называлась Кипчакскою.

11) *Арба*—азиатская двухколесная повозка.

12) Въ подлинникѣ *кара-тозъ* (кара-черный, тозъ-береза). Можетъ быть, нужно понимать—каральская береза, свойства которой—твердость и крѣпость.

13) Чингизъ-Ханъ или Темучинъ—родоначальникъ хановъ Золотой Орды и основатель великаго монгольскаго царства въ Средней Азійи.

14) *Союнъ-ханъ*—быть можетъ, тотъ повелитель татаръ, имѣвшій пребываніе въ Кара-кумѣ (Каракорумѣ), въ послѣдствіи столицѣ Чингизъ-хана, который, нося имя Унгъ-хана или Іанъ-хана, извѣстенъ былъ европейскимъ миссіонерамъ подъ именемъ Іоанна (Всемирн. истор. Шлоссера, VII, 206).

15) Полагаю, что рѣчь идетъ объ Октаѣ, Оготаѣ или Юготаѣ, великомъ ханѣ послѣ Чингизъ-хана, выстроившемъ себѣ въ *Кара-кумъ* великолѣпный дворецъ съ помощью китайскихъ мастеровъ. Догадка эта подтверждается для меня тѣмъ, что именно потомки Октай-хана были истреблены великимъ ханомъ Мангу, внукомъ Чингизъ-хана (тамъ же, стр. 217, 222 и 225).

16) Послѣ смерти Октая великимъ ханомъ былъ назначенъ старшій сынъ его, но жена Октая *Туракейна* сумѣла санъ великаго хана передать родившемуся отъ нея младшему сыну Октая *Кююку* (тамъ же, 223); этотъ старшій сынъ, имени котораго исторія не знаетъ, не *Юша* ли, безвѣсти пропавшій?

17) *Татаръ-тупъ*—буквально: подошва или низъ мѣста татаръ, въ переносномъ смыслѣ: стоянка татаръ. Интересно, что Татаръ-тупомъ и по нынѣ называется одно мѣсто, лежащее вблизи линіи Владикавказско-Ростовской желѣзной дороги, между станцією Змѣйскою и осетинскимъ селеніемъ Эльхотово. Еще интересно, что на этомъ мѣстѣ стоитъ каменный минаретъ, носящій названіе *Джулатъ*, вокругъ котораго находится множество ямъ, указывающихъ, что тутъ когда-то были жилища. Ногайцы впрочемъ почему-то полагаютъ, что Джулатъ—Манджурія.

18) *Султанъ Берки-ханъ и Алтунъ-Берды-бекъ*, вѣроятно, ханъ Золотой Орды Берке, Беркере, Баркай, сынъ Бату или Батыея, царствовавшій съ 1257 по 1266 годъ и первый принявшій мусульманство (Всемирн. истор. Шлоссера, VII, 220. Русск. истор. Соловьева, III, 195, 204, IV, 178). Судя потому, что въ пѣснѣ отъ Юша-хана дѣлается скачекъ прямо къ Берке и не упоминается ни о Бату, ни о Мангу, ни о Кублаѣ, предшественникахъ

Берке, надо полагать, что въ этомъ мѣстѣ пѣсни нѣсколько строфъ пропущено.

19) Родникъ *Балта* находится на военно-грузинской дорогѣ, верстахъ въ 12 отъ Владикавказа. *Ташь-Гечу* значитъ каменный бродъ. Бродъ съ такимъ названіемъ существуетъ на рѣкѣ Аксаѣ, протекающей по кумыцкой плоскости. Если вѣрить ногайцамъ, утверждающимъ, что въ пѣснѣ говорится именно объ этомъ бродѣ, то выраженіе «отъ Балта до Ташь-гечу» нужно понимать въ смыслѣ опредѣленія южной границы Золотой Орды при ханѣ Борахъ ханѣ.

20) Дагестанъ—страна, извѣстная подъ тѣмъ же названіемъ и нынѣ, Агистанъ, по толкованію ногайцевъ, плоскость между Дагестанскими горами и моремъ. По соображеніемъ, приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи, необходимо предположить, что при ханѣ Аметъ-Саметѣ (можетъ быть, Аметъ-Саметъ искаженіе именъ двухъ братьевъ или двухъ со-хановъ, Амета и Самета) въ предѣлы Золотой Орды входила уже значительная часть сѣверо-восточнаго Кавказа.

21) *Гуень-Гала*—крѣпость, находившаяся въ устьѣ ущелья рѣки Акташа, гдѣ теперь расположенъ кумыцкій аулъ *Эндери* (русскіе называютъ его *Андрей-ауль* или *Андреева* деревня). Около аула находится площадь, обрамленная осыпавшимся отъ времени рвомъ, которая и до нынѣ называется мѣстнымъ населеніемъ *гуень-гала*. *Сагызь-коль* (сагызь или—по русски—сакизь—сосновая смола; коль—озеро) вязкое озеро, болото. Ученые кумыки утверждаютъ, что болото Сагызь-коль лежитъ около устья Кубани. Если это такъ, то при ханѣ Янгурчи Кипчакская орда простиралась на западъ до Азовскаго моря.

22) *Тохта-ханъ* или *Токтай* властвовалъ въ Золотой Ордѣ съ 1292 года. По нашей исторіи (Соловьевъ, Истор. Россіи, III, 2431) Тохта былъ сынъ хана *Ману-Темира*, завладѣвшій ханствомъ послѣ истребленія четырехъ своихъ соперниковъ внуковъ *Туту-кана*, или *Туту-хана*.

23) *Торъатъ башиакъ чатьръ* буквально: *бѣлый шатеръ на юловѣ тѣдой лошади*. Ногайцы утверждаютъ, что это названіе мѣстности на Волгѣ, можетъ быть, бывшаго тамъ города. Не добившись болѣе яснаго разъясненія настоящаго выраженія, я счелъ за лучшее оставить его безъ перевода.

24) Въ нашей исторіи—*Тимбекъ* или *Исанбекъ*, царствующій въ ордѣ послѣ *Узбека*, съ 1340 по 1342 годъ (Истор. Россіи, III, 315). Въ пѣснѣ онъ почему то, можетъ быть, ради размѣра или рѣзны, упоминается раньше *Узбека*.

25) По казачьи—*тебеньки*. Это родъ небольшихъ кожаныхъ фартуковъ, опускающихся изъ подъ сѣдла на бока лошади. Тебеньки и теперь испещряются тисненными рисунками; въ древности-же они, очевидно, считались предметомъ украшенія убранства коня и не только вышивались золотыми и серебряными шнурами, но и покрывались иногда узорами, выкованными изъ этихъ металловъ.

26) Т. е. очень недавно.

27) Ханъ *Узбекъ*—современникъ великихъ князей Московскихъ *Юанна Калиты* и *Симеона Гордаго*.

28) *Узбекъ* былъ племянникъ своего предшественника *Тохтаи*, вѣроятно, захватилъ ханство силою или хитростью, на что и дѣлается намекъ въ пѣснѣ.

29) Надо полагать, источниковъ, вода которыхъ имѣла особенно пріятный вкусъ. Дальше въ пѣснѣ одинъ такой источникъ называется *шермутунъ*. Причиною запрещенія пользоваться водою этихъ источниковъ могла быть недостаточность воды въ нихъ, уходявшей на потребности ханскаго двора.

30) *Кутасъ*—воинское украшеніе, принадлежность котораго кисть или султанъ. Кутасы носились на шлемахъ и также черезъ плечо, какъ орденскія ленты, въ послѣднемъ случаѣ кисть приходилась ниже талии, на бедрѣ. Кутасомъ у монголовъ назывался также придатокъ къ конскому поводу, состоявшій изъ двухъ шелковыхъ жгутовъ, соединенныхъ на груди лошади кистью. Кутасы, какъ отличіе, имѣли право носить только лица, принадлежавшія къ высшему классу воиновъ или дворяне.

31) *Аримакъ*—конь.

32) Подъ словомъ *сарай* здѣсь разумѣется хозяйственный хуторъ или, какъ принято называть на Кавказѣ, *кутанъ*: одно или нѣсколько помѣщеній для крупнаго и мелкаго скота съ помѣщеніями для лицъ, наблюдающихъ за скотомъ.

33) *Сексеулъ*—особый родъ травы-кустарника, растущаго по берегамъ Каспійскаго моря. Для употребленія на топливо собираются руками высохшіе стволы этого растенія, которые горятъ

очень жарко. Во время закаспійской экспедиціи наши войска тоже пользовались этой травой, какъ топливомъ, называя ее *сексеульникъ*.

34) Ногайцы объясняютъ это мѣсто такъ. У хана Джанибека было такъ много дойнаго скота, что онъ устроилъ для него въ разныхъ мѣстахъ восемьдесятъ сараевъ или хуторовъ, гдѣ скотъ и доился. Не желая, однако, чтобы молоко перерабатывалось въ кумысъ и другіе продукты въ восьмидесяти отдѣльныхъ мѣстахъ, онъ соединилъ эти сараи тысячею трубъ и по этимъ трубамъ молоко сливалось въ общіе резервуары.

35) Т. е. одѣяло было изъ золотой парчи. Парчевыя одѣяла и теперь въ большомъ употребленіи на Востокаѣ.

36) Въ Русской Исторіи *Чанибекъ*, современникъ Симеона Гордаго и Иоанна II, дѣтей Иоанна Калиты. По сказаніямъ лѣтописцевъ, онъ отличался добротою къ христіанамъ (Истор. Росс. Соловьева III, 321).

37) Съ локтями, или напоминавшими своимъ выгибомъ колѣна верблюда или обросшими длинными волосами.

38) Бердыбекъ—свирѣпый ханъ, убившій отца и братьевъ, (1357 г.), современникъ Иоанна II.

39) Въ нашей исторіи *Тоу-Ходжа* нѣтъ, хотя въ періодъ времени отъ Бердыбека до Мамай и Тохтамыша, между другими, упоминаются два хана Ходжа: *Магометъ-Ходжа* и *Темиръ-Ходжа*. Можетъ быть, *Тоу-Ходжа*, отецъ Тохтамыша, и *Темиръ-Ходжа*—одно и то же лицо?

40) Вѣроятно высшими ханами пѣвецъ называетъ хановъ средне-азиатскаго монгольскаго ханства, а низшими—хановъ приволжской орды.

41) Полагаю, что *Крымомъ* здѣсь называется вся территорія монгольскаго ханства; иначе трудно объяснить появленіе этого имени въ пѣснѣ, содержаніе которой не имѣетъ никакого отношенія къ Крымскому полуострову.

42) *Торбола*—птица, но какая именно—этого я не разъяснилъ: въ то время какъ одни ногайцы утверждаютъ, что это перепелка, другіе стоятъ за хищника изъ породы соколовъ.

43) Ногайцы думаютъ, что *Джарнакъ*—какая то мѣстность на Кавказѣ, въ которой могла быть лѣтняя резиденція Тохтамыша въ пору воспѣваемыхъ пѣвцомъ событій. Не *Джеракъ-ли*

это—мѣстность въ Дарьяльскомъ ущельѣ, населенная теперь дже-раховскимъ обществомъ?

44) Пѣвецъ прибѣгаетъ къ мѣстоимѣнію *онъ*, чтобы не употреблять страшнаго имени *Эдыге*.

45) Надо думать, что пѣвецъ говорилъ это на своей родинѣ, въ Хивѣ. Не даромъ же хитрый Джаммаи указалъ на него, какъ на человѣка, знающаго происхождение Кубугула.

46) Т. е. бездомнымъ и одинокимъ.

47) Т. е. перебѣеть.

48) *Палованъ*—гимнастъ и канатный плясунъ, въ которомъ предполагается богатырская физическая сила.

49) *Нукеры*—воснные слуги.

50) *Онъ—ханъ Эдыге*. Это мурза Эдыгей нашей исторіи, полководецъ Золотой Орды послѣ смерти Тохтамыша.

Въ 1399 году Эдыгей одержалъ побѣду надъ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ, при рѣкѣ Ворсклѣ, а въ 1408 году онъ осадилъ Москву, простоялъ подъ нею болѣе мѣсяца и затѣмъ снялъ осаду лишь послѣ уплаты ему выкупа въ 3000 серебряныхъ рублей (Истор. Росс. Соловьева IV, 24, 28).

51) Въ другомъ мѣстѣ поэмы говорится, что туркестанецъ *Коджа-Ахматъ* былъ родоначальникомъ фамиліи Эдыге. Интересно, что, судя по описанію наружности Эдыге (выпуклый лобъ, орлиный носъ и проч.) мурза этотъ нисколько не походилъ на монгола. Въ этомъ можно видѣть доказательство, что вмѣстѣ съ монголами въ юговосточную Европу пришли также представители другихъ расъ, напримѣръ индо-европейской и тюркской, которые потомъ слились съ исконными обитателями Сѣвернаго Кавказа: Лезгами, Гумыками, Мичгизами (чеченцы), Оссами, Габарами (кабардинцы) и др.

52) Т. е. на мнѣ лежитъ долгъ кровной мести въ отноше-ніи убійцы моего отца.

53) Въ выраженіи «мои больные зубы» смыслъ тотъ же, что въ выраженіи: «у меня вырванъ зубъ.»

54) Т. е. не сталь твердо на ноги: не смыль еще кровнаго оскорбленія.

55) *Аталыкъ*—названный отецъ; названіе аталыкъ присвоет-ся мужу женщины, вскормившей свою грудь чужого ребенка,

по отношенію къ этому ребенку. Сама женщина называется *аналыкъ*.

56) Въ настоящее время, при большой скудости свѣдѣній о происхожденіи кавказскихъ племенъ, трудно разобраться въ именахъ разсказанной части ногайской поэмы. Однако нельзя, все-таки, не обратить вниманія на совпаденіе имени героя поэмы Эдыге съ именемъ одного изъ крупнѣйшихъ кавказскихъ племенъ—*Адыге* или *Эдыге* (черкесы) и имени калмуцкаго хана *Кабардина* съ именемъ отрасли того же племени—извѣстныхъ кабардинцевъ.

57) Сраженіе при рѣкѣ Терекѣ въ 1395 году, рѣшившее участь Тохтамыша (Истор. Россіи Соловьева IV, 22).

58) Князь Эдыге и Нурадилъ, сынъ его. Они называются князьями Тохтамыша, какъ его подданные.

59) Т. е. при выдачѣ дочерей замужъ брали за нихъ по 40 кобылицъ въ *калымъ*, по обычаямъ мусульманскихъ народовъ.

60) Такой трескъ производится кумысомъ во время процесса броженія.

61) *Саріекъ*—какая то ядовитая змѣя.

62) *Эдыль*—Волга, *Тенъ*—Донъ.

63) *Шермутуномъ* назывался какой-то родникъ, вода котораго имѣла особенно пріятный вкусъ. Кажется, вмѣсто Шермутунъ должно стоять слово Шербетумъ, въ корнѣ котораго лежитъ шербетъ—сладкій напитокъ. Въ настоящемъ сдучаѣ именемъ родника названа вся сторона.

64) *Токсана* время съ 1-го по 10 Декабря, когда замерзаютъ обыкновенно даже южныя рѣки.

65) Мѣсто это въ подлинникѣ не совсѣмъ ясно. Повидимому, у Тохтамыша внезапно родилась мысль открыть молодымъ мурзамъ и воинамъ тайну своихъ отношеній къ Эдыге. И въ то же время онъ созналъ, что дѣлать это уже поздно, что положеніе его безнадежно, и по этому рѣшилъ отдаться на волю судьбы.

66) *Иблекъ*, *ебелекъ*—трава, отличающаяся особенно глубоко сидящимъ въ землѣ корнемъ.

67) Шелковистая болотная трава, въ которой болотныя птицы любятъ прятать свои яйца.

68) Въ нашей исторіи (Ист. Росс. Соловьева IV, 27 и 28)

преслѣдователемъ Тохтамыша, послѣ изгнанія его изъ Золотой орды Тамерланомъ, называется ханъ *Темиръ-кутлуй*, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ Эдыгеемъ. Если принять во вниманіе, что Нурадиль (Нуръ-Адиль) былъ внукъ *Кутлу-Кая* и что эпитетъ *Темиръ*—железный вполне соответствуетъ железу характеру этого суроваго воина (какъ увидимъ ниже), то легко допустить, что подъ именемъ Темиръ-кутлуя слѣдуетъ подразумѣвать железнаго внука Кутлу-кая—Нурадила.

69) Нѣкоторые ногайцы-пѣвцы причиною изгнанія Нурадилемъ своего отца Эдыге изъ ханства считаютъ не одно мщеніе за обманъ относительно дочерей Тохтамыша, но еще и то, что Эдыге вмѣшивался въ дѣла ханства. Дѣйствительность заключается, вѣроятно, въ томъ, что отважный и честолюбивый Нурадиль, захвативъ власть въ свои руки, вѣроятно, посредствомъ заговора, призналъ за лучшее избавиться отъ своего престарѣлаго соперника изгнаніемъ его изъ ханства.

70) Исполнить долгъ кровомщенія.

71) Случая убить его.

72) Т. е. не заплативъ обычнаго калыма.

73) Т. е. стрѣляетъ хорошо. Выраженіе, подобное выраженіямъ беретъ руками, думаетъ головой и проч.

74) Это выраженіе мало понятно. Если предположить, что разумѣются подданные Нурадила или даже его воины, то и въ томъ и въ другомъ случаѣ цифра черезъ-чуръ незначительна. Можетъ быть, тутъ вкралась ошибка и вмѣсто 18 т. нужно читать 118 т. Кумыцкіе ученые (большіе мистики) думаютъ, впрочемъ, что здѣсь дѣло идетъ о 18 т. типовъ земныхъ тварей, славословящихъ Бога своимъ существованіемъ.

75) Эти имамы—представители четырехъ толковъ, на которыя раздѣлилась сунитская секта мусульманства еще въ концѣ VIII вѣка нашей эры. Вотъ имена ихъ, послужившія названіями и самихъ толковъ: *Ханифи* (по кумыцки—Ханапи), *Малеки*, *Шафи* (по кумыцки Шепія) и *Ханболи*.

76) *Иблизъ* или *иблизъ*—злой духъ, демонъ.

77) Для угощенія народа въ ознаменованіе радостнаго событія. Вольныя (оставленныя на племя) кобылицы и бѣлые бараны—скотъ болѣе высокою цѣнности.

78) Вѣроятно, сукно въ глазахъ монголовъ было болѣе цѣнною матерією, чѣмъ бархатъ.

79) Т. е. разгромившій Золотую Орду и убившій такого хана, какъ Тохтамышъ.

80) Аравія.

81) *Шамъ*—Дамаскъ, *шааръ*—городъ—городъ Дамаскъ.

82) Египеть.

83) Али, сынъ Абу-Талеба, одинъ изъ первыхъ четырехъ послѣдователей Магомета и зять пророка.

84) Т. е. какъ истинный сунитъ. Шиты, какъ говорятъ кумыки, во время моленія кладутъ передъ собою для земныхъ поклоновъ коврикъ или вообще что нибудь мягкое.

85) *Мюридъ*—послѣдователь *тариката* или ученикъ *муршида*—учителя *тарикатизма* (см. пр. 86).

86) Мусульманство признаетъ три пути ко спасенію. Путь первый—*шариатъ*, обязательный для всѣхъ безъ исключенія и исполнимый при всякомъ житейскомъ положеніи. (Исповѣданіе, что Богъ одинъ и Магометъ пророкъ его, совершеніе омовеній и установленныхъ богомоленій и затѣмъ добродѣтельная жизнь, не выходящая изъ предѣловъ разумнаго и добросовѣстнаго удовлетворенія своихъ страстей и потребностей). Путь второй—*тарикатъ*. Идущій по этому пути обязанъ постоянно быть въ религіозномъ настроеніи, постоянно обуздывать свои страсти и до возможныхъ предѣловъ ограничивать свои потребности. Это путь избранныхъ. Путь третій—*хакійкатъ*. На этомъ пути лежатъ полный аскетизмъ, совершенное отрѣшеніе отъ міра и пребываніе въ созерцаніи Божества (состояніе индійскихъ мусульманскихъ факировъ). Вмѣщающій въ себѣ *хакійкатъ* уже на землѣ *шейхъ* (святой) и пророкъ. Эдыге въ своихъ пѣсняхъ сначала говоритъ о себѣ, какъ объ учителѣ тариката, а потомъ заявляетъ, что чувствуетъ въ себѣ силы *шейха*.

87) Азраилъ—ангелъ смерти.

88) *Тултаръ*, по объясненію ученыхъ кумыковъ, одинъ изъ легендарныхъ коней пророка Магомета и нарицательное названіе коня съ сверхъ-естественною силою.

89) *Ковсаръ*—священный родникъ въ раю.

90) Какъ въ этой строфѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ строфахъ настоящей пѣсни воспроизводятся мистическія грезы

религіознаго фанатика и аскета, а потому приводимые въ нихъ факты не имѣють реального значенія.

91) Напоминаніе объ отношеніяхъ Эдыге къ Тохтамышу.

92) Жена пророка Магомета.

93) Дочь пророка, жена Али.

94) Сыновья Патиматъ, дочери пророка.

95) Христось и Илья.

96) Дѣйствительный предокъ Эдыге и мусульманскій святой.

97) *Джелалъ-уддиномъ* или—точнѣе *Джелаломъ эд-Дулавъ-уддинъ*, т. е. украшеніемъ государства и вѣры, называется султанъ Малекъ-шахъ, сынъ знаменитаго въ исторіи восточныхъ мусульманскихъ государствъ сельджукскаго султана Альпъ-Арслана, и свѣтскій правитель (Эмиръ-аль-омра) Багдадскаго халифата въ концѣ XI столѣтія. Можетъ быть, Эдыге называетъ себя сыномъ этого ревнителя вѣры въ духовномъ смыслѣ; а можетъ быть, тутъ таится намекъ на родство фамилии мурзы съ турками-сельджуками.

98) Славословіе заключается въ словахъ: «*Лилъ-ля илля-лахъ Магомаду расулла*». (Свѣтъ Бога и Магометъ пророкъ его), повторяемыхъ во время большого богомоленія тридцать три раза. У мусульманъ считается благочестивымъ дѣломъ повторять это славословіе многократно.

99) Библия, псалтырь, евангеліе и коранъ.

100) Эти наставленія (заповѣди): вѣрить въ Бога, вѣрить въ пророка, вѣрить въ послѣдній день, совершать омовенія, молиться, подавать милостыню и проч.).

101) *Капъ-тау*, по повѣрью мусульманъ-ногайцевъ, горный хребетъ, опоясывающій всю землю; вершина его упирается въ небо. Вѣроятно, капъ-тау—Кавказъ; городъ Владикавказъ китаицы называютъ *Капкай*.

102). Трава, растущая на мокрыхъ мѣстахъ.

103) *Сункаръ*—тоже охотничья птица. У монголовъ, какъ у страстныхъ любителей соколиной охоты, должно было быть много названій охотничьихъ птицъ, но разъяснить эти названія могутъ теперь обитатели Средней Азіи, а не наши невѣжественные ногайцы.

104) Т. е. обойдя семь разъ вокругъ меккскскаго храма со священнымъ камнемъ *кааба*. Обойти именно семь разъ вокругъ

храма обязательно для каждого мусульманина, являющагося въ Мекку въ качествѣ богомольца.

105) Охотничьи птицы. См. пр. 103.

106) По названію, родникъ, служившій водопоемъ для овечьихъ стадъ. Гдѣ онъ находился, а также какое онъ имѣлъ религиозное значеніе—разъяснить это мнѣ не удалось.

107) Въ нашей исторіи (Истор. Россіи, Соловьева, IV, 24), подъ 1412 годомъ встрѣчается ханъ Зелени-Салтанъ или Джелаледдинъ-Султанъ, названный сыномъ Тохтамыша, а подъ 1424 годомъ упоминается ханъ *Куидадатъ*, безъ обозначенія его происхожденія. Имя послѣдняго хана взято Соловьевымъ изъ письма великаго князя Литовскаго Витовта къ великому магистру Ливонскаго ордена (тамъ-же, прим. 27). Даже и для мало знакомаго съ татарскимъ языкомъ имя Куидадатъ звучитъ фальшиво, поэтому мы вправѣ считать его искаженіемъ другого имени. Не есть-ли Куидадатъ исковерканное Кадырь-Берды? А еще правдоподобнѣе, что Кадырь-Берды-Султанъ скрывается подъ Джелалединомъ-Султаномъ.

108) А Боръ-кая былъ отецъ Кутлу-кая, отца Эдыге, отца Нурадила.

109) Дань естественными произведеніями.

110) *Пракъ* или *Боракъ* — крылатый конь, на которомъ Магометъ поднимался на седьмое небо, къ престолу Всевышняго, какъ разсказывается въ коранѣ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ Нурадилъ выражаетъ, что онъ правиль народомъ, стоя надъ нимъ такъ высоко, какъ высоко парилъ надъ землею пророкъ Магометъ, сидя на Боракѣ.

111) *Нукеры*—военные слуги, въ настоящемъ случаѣ свита.

112) Какая именно золотая монета разумѣется здѣсь—мнѣ не удалось узнать.

113) *Ай*—луна, *балта*—топоръ, *ай-балта*—лунообразный топоръ, т. е. извѣстная сѣкира среднихъ вѣковъ.

114) О словѣ *торбала* см. пр. 42. Вѣроятно, панцырь въ какомъ-нибудь отношеніи напоминалъ эту птицу и поэтому носилъ ея названіе.

115) Есть вариантъ этого мѣста, выраженный такъ: «И только по молодости своей я не воспользовался сестрами твоими Ханьке и Газьке».

Вариантъ вполне согласуется съ помѣщеннымъ выше рассказомъ и поэтому именно я и привожу его здѣсь. Что же касается редакціи, помѣщенной въ текстѣ, то нѣтъ основанія считать и ее неправильною, такъ какъ Нурадилъ могъ потомъ исправить свою ошибку и взять таки себѣ въ жены сестеръ Кадыръ-Берды.

116) Буланный конь.

117) Вѣроятно, при панцырѣ надѣвался на шею серебряный воротникъ.

118) Арту, конечно, рѣка. Было бы очень интересно узнать, какая изъ существующихъ рѣкъ носила это названіе, въ виду того, что арабскіе писатели IX и X вѣковъ цѣлую славянскую страну (одну изъ трехъ, которыя они знали) называютъ *Артанією*. Къ сожалѣнію, ногайцы не такой народъ, который бы пришелъ на помощь наукѣ со своими народными воспоминаніями. Если позволить себѣ нѣкоторую смѣлость въ предположеніяхъ, то можно за рѣку Арту, признать рѣку Каму, такъ какъ, по даннымъ нашей исторіи, Тохтамышъ былъ убитъ въ Камской или Волжской Болгаріи.

119) Въ одномъ вариантѣ этой пѣсни Нурадилъ говоритъ, что голову Тохтамыша онъ съ подобающими почестями похоронилъ близъ могилы Сали-шейха (Сали-Святого).

120) Саврасый конь, очевидно, считался у монголовъ болѣе горячимъ и дикимъ.

121) Конечно, монголы могли знать о существованіи Бѣлаго моря и также могли имѣть убѣжденіе, будто вода этого моря горче воды другихъ морей.

122) Ногайцы рассказываютъ, что послѣ смерти Нурадила тѣло его было отвезено на сѣверъ и предано землѣ на берегу Волги (вѣроятно въ столицѣ Золотой Орды), а вынутое изъ него сердце было погребено на томъ мѣстѣ, гдѣ герой испустилъ духъ. Надъ урной съ сердцемъ былъ насыпанъ большой курганъ, который и по нынѣ гордо возвышается на степи кара-кумъ (на сѣверъ отъ Терека) и своимъ названіемъ «*Могила Нурадила*» понынѣ напоминаетъ всѣмъ о жизни и дѣяніяхъ монгольскаго полководца, сына великаго и благочестиваго Эдыге.

ДВА ДОПОЛНЕНІЯ

къ поэмѣ „Мурза Эдыге“.

I.

„Пѣснь объ Эдипѣ“ — статья г. Николая Гулакъ, напечатанная въ газетѣ „Кавказъ“ за 1885 годъ.

Вслѣдъ за напечатаніемъ мною въ газетѣ „Кавказъ“ перевода или, выражаясь точнѣе, переложенія поэмы „Мурза Эдыге“, которая была озаглавлена „Яммай“, по имени одного изъ героевъ ея, фигурирующаго въ ней въ качествѣ злого генія, въ той-же газетѣ появилась статья г. Гулакъ: „Пѣснь объ Эдипѣ“. Коснувшись въ статьѣ моего переложенія и, согласно съ моимъ предисловіемъ къ нему, отмѣтивъ; что оно сдѣлано въ 1880 и 1881 годахъ, г. Гулакъ далѣе говоритъ: „Ровно полстолѣтія передъ этимъ, а именно въ 1830 году, подобныя-же пѣсни были записаны въ Астрахани г. Александромъ Ходзько. Онѣ были ему сообщены однимъ изъ его татарскихъ друзей, Али-Бекъ Шараповымъ. Этотъ Шараповъ былъ человѣкъ вполнѣ ученый — по восточному, онъ объяснилъ г. Ходзько смыслъ этихъ стихотвореній, переводя ихъ, слово въ слово, съ татарскаго на персидскій языкъ, и подъ его диктовку г. Ходзько записалъ ихъ и потомъ издалъ на англійскомъ языкѣ въ Лон-

донѣ, въ 1842 году. Ему передавали также, что этотъ же самый сборникъ пѣсенъ былъ потомъ сообщенъ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, г. Кеппену въ Крыму и что этотъ послѣдній собирался издать его, но по настоящее время подобнаго изданія не послѣдовало. Между собранными г. Ходзько пѣснями находится пѣснь объ Эдигеѣ, представляющая собою замѣчательный вариантъ пѣсни, записанной г. Семеновымъ. Такъ, родословная Эдигея записана и у г. Семенова и у Ходзько: у перваго насчитываются только шесть предковъ, у послѣдняго—цѣлыхъ четырнадцать. Въ обѣихъ родословныхъ, первый предокъ Эдигея—Абубекръ Садыкъ и послѣдній, т. е. отецъ Эдигея, Кутлу-Кай тождественны, а посредствующіе члены различны. Имя Яммая, играющаго столь важную роль у г. Семенова, встрѣчается и у г. Ходзько, но съ другимъ произношеніемъ: *Джамбай*. Стовосьмидесятилѣтній пѣвецъ Пардзакъ является у Ходзько трехсотъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ *Собра*. Перечень хановъ, видѣнныхъ имъ, гораздо полнѣе у г. Семенова, чѣмъ у Ходзько. Изъ именъ, встрѣчающихся въ обоихъ перечняхъ, замѣтимъ слѣдующія: Чингисъ-хана, Буракъ-хана, Юкта-хана, Джани-бека и его сына Берды-бека. Рѣчь Джамбая (Яммая) къ Эдигею, въ которой онъ уговариваетъ его возвратиться къ Тохтамышу, и отвѣтъ на нее Эдигея гораздо полнѣе и поэтичнѣе у г. Ходзько, чѣмъ у г. Семенова, а также послѣдніе совѣты пѣвца Собры (Пардзака). Затѣмъ обрывается у Ходзько нить разсказа о дальнѣйшей борьбѣ Эдигея съ Тохтамышемъ, и объ окончательномъ пораженіи послѣдняго упоминается только вскользь, немногими словами. Вмѣсто того мы находимъ позднѣйшую вставку, вѣроятно, прибавленную

шітомъ-мусульманиномъ. Хотя въ этой вставкѣ, проявляется крайне своеобразная восточная поэзія, но она не дышетъ тою эпическою простотою, которою проникнута первая, древнѣйшая часть этой пѣсни.

За этою не безъинтересною и важною въ библіографическомъ отношеніи замѣткою г. Гулакъ приводитъ и самую пѣснь по редакціи покойнаго теперь ученаго Ходзько. Вотъ эта пѣсня, въ переводѣ автора цитируемой статьи.

„Пѣснь объ Эдигей“.

„Когда храбрый Эдигей жилъ—его народъ благоденствовалъ, его владѣнія процвѣтали. Его подданные имѣли обыкновеніе собираться въ кучи, и тогда ханъ приказывалъ убивать кобылицъ и варить медъ. А когда онъ созывалъ всѣ племена въ одно мѣсто, тогда онъ приказывалъ приводить предъ себя Джирана (т. е. пѣвца), по имени Собра, старца трехсотъ шестидесяти лѣтъ, съ шатающимися зубами, но свѣжаго ума и въ собольей шапкѣ.

„Эдигей былъ сынъ воина, онъ служилъ Богу съ самаго дѣтства. Грива темно-бураго коня Эдигея издали сіяла. Эдигей имѣлъ привычку пріятную Богу. Когда онъ встрѣчалъ мужа, хотя однимъ годомъ старше себя, онъ спрашивалъ его: „Султанъ мой! что ты желаешь? Говори“.

„Добрые люди! Вы взываете ко мнѣ: „Разскажи намъ что-нибудь, о Джиранъ, разскажи что-нибудь!“ Хорошо, я разскажу, но увь, что вамъ разсказывать, вы, добрые слушатели?

„Этотъ мужъ, зачатый отцемъ, былъ единствен-

нымъ сыномъ матери. Съ самаго рожденія онъ имѣлъ право висѣлицы *).

„Онъ прочелъ все, прочелъ до послѣдняго слога всѣ четыре книги, ниспосланныя съ неба: библію, *псалтырь*, евангеліе и коранъ. Онъ совершалъ свои омовенія водою изъ источника *Земземъ*, принесенною изъ священнаго мѣста *Мекки*. Онъ приказывалъ раскладывать коверъ и на немъ совершалъ свои молитвы.

„Достигнувъ девяти лѣтъ, онъ поступилъ на службу къ Тохтамышъ-хану. Въ возрастѣ четырнадцати лѣтъ его посадили на престолъ, какъ слѣдуетъ мужу. Когда-же онъ утвердился на престолѣ, Тохтамышъ началъ опасаться, что его жена Тулай-Ханумъ влюбится въ молодого человѣка, и въ немъ возникла глупая мысль преслѣдовать Эдигея“.

„Эдигей, замѣтивъ перемѣну въ обращеніи хана, взялъ съ собою девять человѣкъ и ушелъ въ степь, сдѣлавшись „казаккомъ“.

„Когда Тохтамышъ-ханъ услышалъ объ этомъ, онъ выслалъ въ погоню за нимъ девять мужей: *Омрукъ-Темира*, племени киргизовъ, *Кара-Кая* изъ Крыма, *Дженнетай-Куссу* изъ Кипчака, *Джамбая*, сына *Карабая*, Кенегесси и др. Они погнались за нимъ со всею скоростью, погнались и возвратились вспять. Что-же они сказали?

„О ханъ нашъ!“ вскричалъ Джамбай: „мое тѣло одѣто въ броню, мечъ при бедрѣ, а все-таки я боюсь, что ты предашь мою душу погибели!“

— „Не бойся, клянусь душею своею! Говори мнѣ все, что слышалъ и видѣлъ“.

*) Т. е. право казнить смертью—повѣшеніемъ, что считалось высшею привилегіею между татарскими мурзанами. *Пр. и. Гулакъ.*

„Тогда Джамбай рассказалъ слѣдующее:

„О мой ханъ! ты приказалъ мнѣ идти и я пошелъ. Я нагналъ его—Эдигея—и сказалъ ему: возвратись, о мой единственный сынъ, возвратись въ твой домъ. Скажи хану собственными твоими устами причину твоей сердечной боли. Поклонись ему и припади къ его ногамъ, въ его высокомъ бѣломъ шатрѣ. Изъ изяшныхъ китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ пей то, что оставили воины. Ханъ хочетъ тебѣ дать многочисленныя стада кобылицъ, дабы ты могъ пить кумысъ. Онъ позволяетъ тебѣ пускать троихъ соколовъ на лебедей по семи озерамъ Караяла *). Онъ дарить тебѣ пастбища Карадая для твоихъ охотничьихъ коней: пусть ихъ разжирѣютъ, пусть ихъ бедра будутъ подобны бедрамъ льва. Кольчуга хана знаменита: она слѣлана изъ полосъ замши, переплетенныхъ кольцами лучшей стали, съ подкладкою изъ *курляковъ* **).

„Возьми эту кольчугу за воротникъ, стряхни пыль и надѣнь ее, какъ свою собственную. У ханскаго шатра, справа и слѣва, оставлены два почетныя мѣста, приходи и займи мѣсто справа. Тамъ многочисленные служители съ той и съ другой стороны: приходи и будь агою надъ всѣми ими. Твоя жена, Омаръ-Бегумъ, дочь Амиръ-Кая: пока Тохтамышъ царствуетъ, ласкай ее, цѣлуй ее и спи счастливо съ ней!*

„О ты клятвопреступный! Ты собака Джамбай! твой отецъ низкой породы, ты рабъ изъ-за золота. Прочь отъ меня и подальше отъ меня выкрикивай

*) Недалеко отъ устьевъ Волги.

**) *Курлякъ* — это кожа ягненка, вынутая изъ утробы матери до рожденія.

свою пѣснь. Я отрѣжу тебѣ языкъ, не вынувъ его; я повѣшу тебя за небо и пылающимъ прутомъ отмѣчу тебѣ лицо. О Джамбай! Я не возвращусь назадъ, я не раскрою усть и не повѣдаю хану свою сердечную кручину: языкъ мой отягощенъ злыми рѣчами. Я не преклонюсь въ послушанія предъ ханомъ, въ его высококомъ бѣломъ шатрѣ: дубъ выросъ на моей шеѣ и шея стала неповоротлива. Я не стану пить ханскія питія изъ его фарфоровыхъ чашекъ: мои уста стали слишкомъ тонки. Хотя-бы ханъ и предлагалъ мнѣ пить кумысъ отъ всѣхъ его кобылицъ, я не попробую его: сердце мое слишкомъ болѣетъ. Я не пушу своихъ соколовъ на лебедей по семи озерамъ Караяла: моя рука стала слишкомъ несчастна. Я не стану болѣе охотиться по пастбищамъ Карадая: мои охоты— всѣ неудачны. Если ханъ и даритъ мнѣ свою свѣтлую кольчугу, сдѣланную изъ замшевой кожи, переплетенной кольцами изъ лучшей стали и подбитой *курпьяками*, я не возьму ее и стряхнувъ пыль не надѣну ее, какъ свою собственную: мои плечи стали слишкомъ слабы. Я не сяду на переднемъ мѣстѣ, справа въ *ордѣ*: тамъ выросла для меня стальная палка. Я не хочу начальствовать его служителями правой и лѣвой стороны: желаніе повелѣвать оставило меня. Моя жена—Омаръ-Бегумъ, дочь Амиръ-Кая,—Что-же изъ этого? Я буду цѣловать и ласкать ее только короткое время“.

„Кромѣ того Эдигей приказалъ сказать хану: „Какое право ты имѣешь на Эдигея? Онъ рабъ Господа, онъ обязанъ службою одному Богу. Какъ вѣрный подданный, онъ никогда не покидалъ твоего порога. Онъ часто терпѣлъ обиды, но всегда прощаль все: теперь ты самъ ихъ приводишь на память.

Богъ укажетъ тотъ день, когда я опять увижу синее море и плещущихся въ немъ осетровъ. Думаешь-ли ты, что Богъ не будетъ сопутствовать мнѣ по неизвѣданнымъ холмамъ и дикимъ пустынямъ? Когда мнѣ придется бодрствовать всю ночь, словно голодному волку, или когда я, одинокій странникъ, буду шагать противъ вѣтра, покрытый инеемъ, думаешь-ли ты, что Богъ не будетъ со мною?“

„Эдигей удалился и сдѣлался *казакомъ*. Тохтамышъ-хань, услыхавъ это, былъ пораженъ ужасомъ и упалъ духомъ. Онъ велѣлъ кругомъ поставить и укрѣпить шатры съ „*оджауками*“ *).

„Онъ приказалъ зарѣзать многихъ кобылицъ и велѣлъ наварить большое количество меда. Онъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны, созывать на *курултай* или вѣче всѣхъ почетныхъ и опытныхъ старцевъ, всѣхъ бодрыхъ и юныхъ воиновъ. Онъ созвалъ вѣче всего народа.

„Прежде всего, онъ обратился къ главѣ этого собранія, къ *Худай-Бардъ, сыну Гассана*. Но Худай-Барда сказалъ: „Я этого не понимаю“.

— „Если такъ, то я спрашиваю мнѣнія *Джамбая*, сына *Кусы*, изъ племени Кенагессъ. Ты глава моего курултая. Въ большомъ котлѣ моего царства ты составляешь какъ бы пѣнку. Говори“.

— „О мой ханъ! Я виноватъ сегодня. Я не знаю, что сказать“.

— „Ну такъ ты, Акмуса, говори“.

— „О мой ханъ! Богъ сотворилъ человѣка болѣе

*) *Оджаукъ*—это есть печь на кочевьяхъ, состоящая изъ двухъ камней или кирпичей, поставленныхъ рядомъ на землѣ. Между ними кладутся дрова или уголья и разводится огонь, а сверху ставится *котель*. Каждая семья имѣетъ такой котель, поэтому подати собирались иногда у кочевниковъ по числу котловъ въ станѣ. *Елю-же.*

старого, чѣмъ я: есть человѣкъ, ему отъ роду 360 лѣтъ, его зубы шатаются, его умъ свѣтель, онъ носитъ соболью шапку, его имя *Собра*. Пошли за нимъ“.

— „Если такъ, то прикажи впречь лошадей въ мою золотую колесницу. Пусть лошади имѣютъ золотыя подковы и серебряные гвозди, пусть покрываютъ ихъ золотыя попоны, пусть онѣ отправляются и привезутъ сюда Собру“.

„Лошади съ колесницею удалились. Колеса погрузились по ступицу въ песокъ. Взяли Собру и привезли его предъ хана“.

„Ханъ приказалъ расчесать его бороду и отчистить отъ всякой гадости. Онъ приказалъ перевязать шелковыми нитями его зубы, дабы они не шатались. Онъ почтилъ его и пригласилъ сѣсть на переднемъ мѣстѣ“.

— „О мой ханъ! Если ты приказываешь, я буду говорить. Но нѣтъ сока въ сухой травѣ, нѣтъ мозга въ изсохшихъ костяхъ. Умъ старыхъ людей слабѣть. Ханъ не будетъ доволенъ“.

„О мой ханъ! Не преслѣдуй этого *блжно* мужа. Твой народъ будетъ вскорѣ обобранъ, если ты его будешь преслѣдовать. Его первый предокъ былъ Абу-бекръ Садыкъ, послѣ него былъ султанъ Махмудъ, потомъ султанъ Ибрагимъ, затѣмъ султанъ Аббасъ, затѣмъ султанъ Гамза, потомъ Халидъ, потомъ Валидъ, потомъ Османъ, потомъ Джалаль-ед-Динъ, потомъ Абуль-Халифе, потомъ Саламъ, потомъ Баба-Тукла *), затѣмъ Турбай-Курабчи, потомъ Кутла-

*) Баба-Тукла былъ очень знаменитъ между своими земляками не только своею храбростью, но и своею набожностью, какъ ревностный проповѣдникъ ислама. Онъ обратилъ много калмыковъ и былъ похороненъ съ великими почестями близъ „*Казацкаго Бура*“, подлаторы версты южнѣ Астрахани, гдѣ еще доселѣ видна его гробница. *Ею-же.*

Кая; послѣ него слѣдуетъ безцѣнный алмазь—Эдигей.

„О мой ханъ! ты не презирай его. О мой ханъ! Я старше многихъ. Я знавалъ многихъ великихъ мужей, я видѣлъ Ахметъ-хана и твоего прадѣда Чингисъ-хана въ золотой одеждѣ. Я видѣлъ Кара-хана, и Буракъ-хана, и Халктапъ Гургана, и Юхта-хана, и Остемиръ-хана, этого несравненнаго хана, я также видѣлъ. Когда я былъ въ Хивѣ, я видѣлъ двадцать хановъ и троихъ въ Ургенджѣ. Я видѣлъ въ Бухарѣ Абдуль-Гаиръ-хана и въ Самаркандѣ—хана Джейбака. Я видѣлъ въ Ташкентѣ очень великаго хана, я былъ свидѣтелемъ могущества хана Джани-бека. Онъ выстроилъ въ пустынѣ дворець, богато разукрашенный, съ тысячу колецъ въ стѣнахъ, для того, чтобы привязывать къ нимъ тысячу коней. Его сынъ Берды-бекъ былъ щедрый ханъ, и я его тоже видѣлъ. Но къ чему мнѣ называть всѣхъ, кого я видѣлъ? Не говори, что уста мои изрекли лживое пророчество“.

„Твой славный конь съ выдающимися скулами, съ гривой, развѣвающейся по шеѣ: онъ бѣжитъ полнымъ бѣгомъ, пожирая пространство и опережая дунуеніе вѣтра; сколько я знаю, этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ будетъ ѣздить на этомъ твоемъ конѣ.“

„Твоя славная кольчуга! Пусть стрѣляютъ въ нее, сколько хотять,—стрѣла не пробьетъ ее. Пусть попробуютъ бросить копье,—копье не пронзитъ ее. Пусть лется дождь и вѣетъ буря,—она не пропускаетъ ни воды, ни вѣтра. Этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ возьметъ эту твою кольчугу и надѣнетъ ее на себя.“

„Этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ, выветъ изъ почвы высочайшее дерево безъ помощи сѣкиры.“

„Этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ можетъ по-

валить девять рядовъ каменныхъ валовъ безъ помощи пушки.

„О мой ханъ! Твой престоль о четырехъ ножкахъ и о пяти главахъ, съ яхонтомъ на вершинѣ каждой главы. Порогъ твоего шатра сдѣланъ изъ полированной стали и блеститъ подобно зеркалу. Всѣ веревки сдѣланы изъ шелка, шатеръ покрытъ атласомъ, верхушка изъ горностая, подбитая чернымъ соболемъ. Посреди шатра жердь изъ чистаго золота. Главный шатеръ стоитъ съ непокрытою главою, точно онъ лысый. Этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ войдетъ въ твой шатеръ.

„Съ челами, сіяющими подобно лунѣ, согнувъ пальцы на линейныхъ рукахъ, словно мѣдные крючки, сидятъ Джани-Бика и Казри-Бика, отдыхая на тахтѣ, обѣ прекрасныя и розовыя, словно нѣжный свѣтъ послѣ захода солнца. О мой ханъ! слушай мое пророчество: этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ можетъ схватить ихъ обѣихъ даромъ, какъ свою добычу.

„Блѣдныя вербы растутъ на пескѣ. Этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ можетъ вырвать вербу и сдѣлать изъ нея *курук* *).

„Твои табуны многочисленны и различныхъ мастей. Этотъ бѣглець, этотъ бѣлый мужъ можетъ ихъ всѣхъ угнать предъ собою.

„О мой ханъ! не преслѣдуй этого бѣлаго мужа. Говорятъ, у тебя много союзниковъ, все-таки не унижай его. Тутъ кончаются мои слова. Нѣтъ лести въ моихъ устахъ. Я желаю, чтобы мои пророчества никогда не сбылись. Я желаю, чтобы они пристали къ сухой травѣ въ бесплодной пустынѣ и истлѣли вмѣстѣ

*) *Курук*—длинная жердь съ арканомъ на концѣ, употребляемая для поимки дикихъ коней. *Его-же.*

съ ней. Но берегись, чтобы этотъ бѣлый мужъ не потопталъ твоей главы“.

* * *

Затѣмъ, въ концѣ этой пѣсни Эдигей говорить отъ себя:

„Мой дорогой товарищъ Худай-Куль пришелъ навѣстить меня. Я странствовалъ два года сряду, не вставая съ коня, бѣлый, какъ душа добродѣтельнаго мужа. Я прошелъ всю страну отъ лѣсной рѣки Самары до Алтынъ-Узенья и прибылъ въ кочевья Аиръ-Агаджа. Я былъ въ Ачулу-Тогаѣ, былъ въ Аллахабасѣ *)).

„Я былъ въ городѣ Саякъ, и въ кочевьѣ *Бозз-Аичи* **), и въ Кунчакѣ, гдѣ почва пропитана солью. По другую сторону *Джизитъ-Агры* лежитъ въ степи озеро *Баскунчакъ* ***). Въ этомъ мѣстѣ я сокрушилъ своихъ враговъ“.

„Эдигей вскочилъ на коня, по имени *Карандашъ*, и скакалъ съ такою быстротою, что лицо его почернѣло отъ пыли и пота; онъ приказалъ вбить крѣпкія кольца, выбралъ самыхъ быстрыхъ коней и собралъ какъ можно болѣе воиновъ.

„Тохтамышъ-ханъ, надменный, прибылъ со своими войсками. Эдигей сразился съ нимъ, ранилъ его въ голову концомъ тупого ножа и прогналъ его.

*) Рѣки Самара, Большой и Малый Узень—извѣстныя рѣки въ Киргизской степи. Ачулу-Тогаѣ есть лѣтнее кочевье дербентскихъ калмыковъ, на лѣвомъ берегу Волги, близъ развалинъ древне-татарскаго городища *Джани-Гаджи*, т. е. городъ селитряный, Аллахабасъ лежитъ въ окрестностяхъ Красноярска.

**) *Бозз-Аичи* упоминается и у г. Семенова, какъ мѣсто, куда былъ окончательно загнанъ Тохтамышъ.

***) Астраханскіе татары, по словамъ г. Ходзько, любятъ показывать туристамъ это мѣсто, какъ мѣсто побойща, гдѣ Эдигей разбилъ Тохтамышя.

„Этотъ воинъ, Эдигей, совершилъ только одну ошибку: онъ поклонился низко, очень низко предъ тестемъ своимъ, Ходжа-Котла, который оставался въ шатрѣ Тохтамышъ-хана, и просилъ у него прощенія за то, что поднялъ оружіе противъ своего прежняго повелителя.“

На этомъ мѣстѣ г. Гулакъ дѣлаеть замѣчаніе, что тамъ, гдѣ кончается пророчество *Собра*, находится вставка, „очевидно, позднѣйшаго происхожденія“ и затѣмъ приводитъ эту вставку.

„Итакъ, о пророкъ Господень! ты всегда пребывалъ въ умѣ этого мужа, столь богато надѣленнаго милостью Аллаха. Ты стоялъ тамъ, какъ на стражѣ. Онъ же самъ, во время молитвы, стоялъ прямо, опоясанный поясомъ Алія, этого льва Господня. Во время сраженія онъ скакалъ на конѣ *Дульдуй* Алія. Удалившись въ одиночество, онъ ждалъ ночи Кадирь *).

„И когда ночь Кадирь настала, тогда онъ, бодрствуя и молясь въ продолженіе всей ночи, приобрѣлъ существенную мудрость отъ ученыхъ мужей: Илія и Эзра открыли ему свои чудеса.

„Онъ, словно ангелъ, переплылъ въ лодкѣ синее море, въ которомъ играютъ осетры. Самъ Богъ сопутствовалъ страннику по невѣдомымъ путямъ, среди необъятныхъ пустынь. Подобно голодному волку, не смыкая глазъ въ продолженіе долгой ночи, онъ бѣгалъ противъ вѣтра, отъ захода солнца до утренней зари. Его чело, гладкое, какъ замшевая кожа, покрыто было инеемъ.

„Наконецъ, онъ выказалъ себя передъ свѣтомъ, подобно лунѣ четырнадцатидневной, когда въ четыр-

*) Ночь Кадирь есть ночь чудесъ по корану и ежегодно празднуется 18-го числа мѣсяца Зилькадэ. *Его-жс.*

надцатый день Рамазана она сіяетъ на небосклонѣ. Явившись такимъ образомъ, онъ разсѣялъ своихъ враговъ на всѣ четыре стороны. Всемогущій создалъ его доблестнымъ отпрыскомъ двухъ славныхъ верблюдовъ, единственнымъ жеребенкомъ двухъ аргамаковъ, сыномъ двухъ грифовъ, онъ его создалъ изъ свѣта.

„И казалось онъ говорилъ: Я явился, когда благочестивые мужи обыкновенно возносятъ молитвы на святой горѣ Синай. Я явился на свѣтъ въ концѣ ночи Кадирь, на утренней зарѣ, когда ангелы расхаживаютъ на землѣ *).

„Мое первое видѣніе совпало съ ночью Кадирь. Первые слова, которыя произнесли мои уста, были слѣдующія: „Я исповѣдую единого Бога, нѣтъ Бога кромѣ одного Бога“. Слова мои разнеслись по всему свѣту. Я узналъ пути святыхъ, прислушиваясь къ словамъ ученыхъ. Ученые мужья обыкновенно приходили ко мнѣ съ вопросами, и собственные мои отвѣты скоро заставляли ихъ умолкать. Я родился мудрымъ и вдохновеннымъ. Я удивилъ своей ученостью людей, свѣдущихъ въ арабской письменности. Я разгадывалъ съ перваго взгляда свойства самыхъ сложныхъ талисмановъ и я самъ составлялъ такіе талисманы и диктовалъ ихъ мулламъ. Въ чалмѣ изъ бѣлой кисеи и въ простыхъ туфляхъ, съ плачемъ и вздыханіемъ, я возносилъ молитвы къ Богу о милости, и Господь внималъ моимъ молитвамъ. Я кормился ду-

*) По обще-распространенному повѣрью между азіатскими мусульманами, ночью злые и добрые духи возвращаются на землѣ, а именно: отъ захода солнца до полуночи—злые духи, какъ-то: дивы, пери, джинны и т. д.; но затѣмъ они должны уступить мѣсто добрымъ ангеламъ, со всѣмъ сонмомъ добрыхъ духовъ, которые спускаются на землю послѣ полуночи, для защиты людей. Вотъ причина, почему благочестивые мужи рано встаютъ и почему утреннія молитвы считаются наиболее дѣйствительными.

пшистыми листьями василиска и пиль воду рѣки *Кузера* *).

„Я избралъ себѣ для ѣзды одного изъ райскихъ коней. Я совершилъ *суннетъ* и два *фарза*, чтобы не упустить ни одного нужнаго слова въ моемъ *намазѣ*. Я молился въ Кербела **) и совершалъ свои омовенія пексомъ.

„Мое обыкновенное мѣсто стоянки было среди блѣдной полныи на горахъ, и я проходилъ желтѣющія пустыни. Я посѣтилъ домъ Господень. Я служилъ ему въ продолженіи пяти лѣтъ, не поднимая лица отъ земли. Я избралъ себѣ дворець изъ чистаго золота въ раю и провелъ тамъ 300 лѣтъ въ блаженствѣ. Душа моя не могла вынести такого блаженства, я впалъ въ обморокъ и упалъ на землю, подобно мертвому человѣку, а когда на зарѣ *муэззинъ* начали распѣвать свои молитвы, я тогда проснулся на землѣ ***).

„Я былъ въ мраморномъ дворцѣ *Арафата*. Я видѣлъ какъ *Пехлеванъ-Гамза* воевалъ въ большомъ сраженіи.

„Я поспѣшилъ къ нему на помощь, я схватилъ въ этой битвѣ стальной мечъ съ золотою рукояткою. Я встрѣтилъ пророка Соломона и просилъ его благословенія. Я пожелалъ, чтобы онъ помазалъ меня царемъ и онъ далъ мнѣ престолъ, который я принялъ изъ рукъ его. Но привыкши все начинать съ помощью Бога, я не хотѣлъ возсѣсть на тронъ безъ молитвъ.

*) Рѣка въ восьмомъ небѣ магометанскаго рая.

**) *Кербела*—извѣстное мѣсто поклоненія шиитскихъ паломниковъ, на границѣ между Персією и Азіатскою Турцією. Здѣсь былъ убитъ Хуссейнъ, сынъ Али, и здѣсь его могила.

***) Это мѣсто даетъ намъ понятіе о восторженномъ состояніи, въ которое впадаютъ мусульманскіе курители опиума или гашиша.

Богъ Всемогущій услышалъ мои молитвы, Архангель Гавріиль воскликнулъ: „Аминь! Аминь!“

„Получивъ такимъ образомъ милость Божию, я сѣлъ на тронъ въ понедѣльникъ и началъ свое странствованіе съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть всѣ части свѣта. Я прибылъ въ Тавризъ, полагая, что тамъ много ученыхъ мужей. Въ Тавризѣ, въ этомъ большомъ городѣ, я служилъ Богу въ продолженіи трехъ лѣтъ посреди мечети“.

Въ заключеніе авторъ статьи совершенно основательно говоритъ, что „нельзя не пожалѣть о томъ, что эти пѣсни доступны намъ только въ блѣдныхъ переводахъ, а между тѣмъ время все идетъ впередъ, безжалостно стирая и уничтожая всѣ древніе памятники народной жизни. Еще нѣсколько поколѣній — и не останется и слѣдовъ этихъ пѣсень. Неужели между нами не найдется ни одного ученаго, неужели наша академія наукъ не можетъ отрядить отъ себя чело-вѣка, знающаго тюркскія и монгольскія нарѣчія, который бы — подобно Ратлофамъ и Кастренамъ — посвятилъ нѣсколько лѣтъ на тщательное собираніе и записываніе не переводовъ, а подлинныхъ поэтическихъ изліяній нашихъ многочисленныхъ инородцевъ?“

II.

Замѣтка по поводу „Пѣсни объ Эдыгелъ“ г. Николая Гулакъ. (Была напечатана мною въ „Кавказъ“ въ томъ-же 1885 г.).

Въ № 287 „Кавказа“ г. Николай Гулакъ напечаталъ, съ нѣкоторыми замѣчаніями отъ себя, „Пѣсню объ Эдыгелъ“, записанную еще въ 1830 году г. Алекс.

Ходзько. Цѣль напечатанія пѣсни—возбужденіе возможно большаго интереса къ дѣйствительно замѣчательному героическому эпосу татарь-монголовъ, сохранившемуся въ отрывкахъ и многочисленныхъ вариантахъ у современныхъ намъ остатковъ великой монгольской орды. Поводомъ-же ко вторичному опубликованію пѣсни послужили напечатанные мною въ той же газетѣ, въ № 269 и слѣд., отрывки одной изъ монгольскихъ поэмъ, соединенные подъ общимъ названіемъ „Яммай“. Сравнивая „Пѣсню объ Эдыгеѣ“ въ переводѣ г. Ходзько съ тою частью поэмы „Яммай“, въ которой говорится о томъ-же Эдыгеѣ, г. Гулакъ находитъ, что первая болѣе поэтична, чѣмъ пѣсни объ Эдыгеѣ въ „Яммаѣ“, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но затѣмъ г. Гулакъ не касается многихъ вопросовъ, само собою возникающихъ изъ сравненія переводовъ г. Ходзько и моего и, между-прочимъ, объясняющихъ собою, отчасти, и причину болѣе поэтического впечатлѣнія, производимаго на читателя переводомъ „Пѣсни объ Эдыгеѣ“. Разсмотрѣнію и объясненію нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ и посвящена настоящая замѣтка.

Въ „Пѣснѣ объ Эдыгеѣ“ пѣвцу Тохтамыша *Собра*, носящему въ моемъ переводѣ имя *Парздака*, не 180 лѣтъ, какъ у меня, а 360. Судя по смыслу монгольской поэмы, нельзя сомнѣваться, что глубокая старость пѣвца нужна была творцу поэмы для того, чтобы его устами воспѣть династію Чингизь-хана или Джучи, создавшаго монгольское царство. Въ пѣснѣ своей Парздакъ грозитъ Тохтамышу окончательнымъ паденіемъ и смертью черезъ десять лѣтъ послѣ изгнанія изъ ханства Кубугула (Эдыгей). Угрозы эти оправдываются въ 1395 году, когда Тохтамышъ терпитъ

пораженіе на Терекѣ и затѣмъ гибнетъ въ Волжской или Камской Болгаріи. Отсюда ясно, что Парздакъ пѣлъ свою зловѣщую пѣсню въ 1385 году. Династія Чингизъ-хана, какъ извѣстно, народилась въ Средней Азіи, на порогѣ XIII вѣка, слѣдовательно, со времени появленія на аренѣ всемірной исторіи страшнаго „носителя желѣзнаго панцыря и язычника“ Чингизъ-хана до восшествія на золотой тронъ предковъ хана Тохтамыша прошло именно 180 или около того лѣтъ, а не 360. Въ остальныхъ 180 лѣтахъ, навязываемыхъ Собрѣ (Парздаку) „Пѣснею объ Эдыгеѣ“, для развитія поэмы не встрѣчается ни малѣйшей надобности. А такъ-какъ существованіе старца 360 лѣтъ—абсурдъ, къ абсурдамъ-же, вообще, монгольскіе барды не чувствуютъ никакой склонности, то приходится остановиться на мысли, что источникъ, изъ котораго почерпнута „Пѣсня объ Эдыгеѣ“, былъ менѣе достовѣренъ, чѣмъ источникъ „Яммая“.

Ознакомившись съ характеромъ творчества монгольскихъ пѣвцовъ, я утвердился въ мнѣніи, что пѣвцы эти рѣшительно не склонны ни къ чему сверхъестественному, чудесному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ пѣсняхъ совершенно чужды тонкостей въ выраженіи чувствъ и мыслей. Историческіе факты они воспроизводятъ съ точностью лѣтописца; они страстно любятъ сравненія и уподобленія, но всѣ эти иллюстраціи къ фактамъ у нихъ всегда грубо реальны и даже вульгарны. При этомъ они сильны обыкновенно въ воспроизведеніи мусульманско-формальнаго благочестія, эгоистическаго величія, воинской доблести, дерзости и злости, да еще въ рисовкѣ виѣшной обстановки. Во всей поэмѣ „Яммай“, или поэмѣ о Тохтамышѣ, Эдыгеѣ и современныхъ имъ монгольскихъ

ханахъ, встрѣчается только одно мѣсто, наполненное мистическими тонкостями мусульманскаго фанатика и энтузіаста, но это мѣсто самъ г. Гулакъ считаетъ позднѣйшею вставкою. Между-тѣмъ, читая переводъ г. Ходзько, мы то и дѣло встрѣчаемся въ немъ—или съ чудесными явленіями, или съ такими опредѣленіями и уподобленіями, которыя выводятъ насъ изъ сферы монгольскаго творчества. По этому переводу: „грива темнобураго коня Эдыгея *издали сіяла*“; Эдыгею предлагаютъ пить медъ изъ *изящныхъ* китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ; Эдыгей говоритъ своему противнику Яммаю (Джамбаю): „Я *пылающимъ прутомъ* отмѣчу тебѣ лицо“ (у меня: „Я втисну тебѣ въ ротъ горящую палку тальника и выжгу лживый языкъ твой“); или въ другомъ мѣстѣ: „Мои уста стали слишкомъ *тонки*“, чтобы пить ханскія питія (въ моемъ переводѣ: „у меня зубы разболѣлись); у дочерей Тохтамыша *милейныя* руки, и онѣ прекрасныя розовыя, *словно нѣжный свѣтъ послѣ захода солнца*. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Эдыгей *можетъ повалить девять каменныхъ валовъ безъ помощи пушки*. Все это, какъ и многое другое въ переводѣ г. Ходзько, дѣйствительно придаетъ переводу больше поэтичности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удаляетъ переводъ отъ подлинныхъ пѣсень. Смѣю думать, что въ данномъ случаѣ свѣту нужна не поэзія переводчиковъ, родившаяся по случаю существованія монгольскаго эпоса, а нуженъ самый этотъ эпосъ съ его тюркско-монгольскими грубыми образами и картинами, съ его азіатскими представленіями о величіи и доблести. Въ переводѣ же г. Ходзько, хотя и поэтичномъ, именно этого и нѣтъ, а потому онъ не даетъ вѣрнаго понятія о монгольской поэмѣ.

Затѣмъ переводъ этотъ отличается еще одной особенностью, налагающею на самую поэму своеобразную печать какой-то разнузданной поэтической импровизаціи. Особенность заключается въ отсутствіи послѣдовательности въ монологахъ и неправдоподобно-стяхъ. „Пѣсня объ Эдыгеѣ“ начинается наименованіемъ Эдыгея ханомъ и указаніемъ, что когда онъ созывалъ всѣ племена въ одно мѣсто, то приказывалъ приводить къ себѣ пѣвца Собра (Парздака). Дальше говорится, что Эдыгей былъ сынъ воина и затѣмъ внезапно является обращеніе къ народу: „Добрые люди! Вы взываете ко мнѣ: расскажи намъ что-нибудь, о джиранѣ (пѣвецъ)!“ Джиранъ начинаетъ рассказывать объ Эдыгеѣ и, упомянувъ о благочестіи его, сообщаетъ, что, достигнувъ девяти лѣтъ, онъ *поступилъ на службу къ Тохтамышу*, а въ 14 лѣтъ его, Эдыгея, *посадили на престолъ*, и онъ *даже утвердился на престолъ*, а потомъ Тохтамышъ-ханъ началъ преслѣдовать его. Эдыгей, уже бывший на престолѣ, становится *казакомъ* и убѣгаетъ въ степь. За нимъ снаряжается погоня, и когда желаніе Тохтамыша вернуть его къ себѣ не осуществляется, Тохтамышъ поражается ужасомъ (почему?), приказываетъ поставить и укрѣпить шатры и собираетъ *курултай* (вѣче, какъ объясняетъ г. Гулакъ, хотя слово *совѣтъ* кажется болѣе умѣстнымъ). На курултаѣ ханъ обращается къ Худай-Бердѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ вопросомъ и получаетъ безсмысленный отвѣтъ: „Я этого не понимаю“. Въ чемъ заключается вопросъ хана — такъ и остается невыясненнымъ, хотя одинъ изъ участниковъ курултая и совѣтуетъ Тохтамышу обратиться къ 360-лѣтнему старцу Собра за разъясненіемъ его недоумѣнія. За старцемъ отправляется золотая

колесница (въ подлинникѣ—*арба*), колеса которой погружаются по ступицу въ песокъ, т. е. колесница слѣдуетъ по азятскимъ песчанымъ степямъ. Пѣвца приводятъ къ хану, и тогда только послѣдній узнаетъ— и о предкахъ Эдыгея, и о самомъ Эдыгеѣ, а также о томъ, какая участь ожидаетъ его, въ случаѣ возбужденія гоненія на Кубугула...

Такимъ образомъ оказывается, что въ царствованіе Тохтамыша *воина* Эдыгей (выше воиновъ стояли *мурзы*), 14-ти лѣтъ отъ роду, сидѣлъ на ханскомъ престолѣ, какъ-то утвердившись на немъ. Въ то-же время у него постоянно находился подъ рукою пѣвецъ Собра, 360 лѣтъ отъ роду, за которымъ Тохтамышу приходится, однако, посылать въ азятскія степи. Интересно, что старцу Собра, какъ въ то время, когда онъ услаждаетъ своими пѣснями слухъ хана Эдыгея, такъ и во время зловѣщаго пѣснопѣнія передъ Тохтамышемъ (въ бытность Эдыгея казакомъ)—все тѣ-же 360 лѣтъ, какъ-будто для него остановилось теченіе времени. Эдыгей, уже ханъ, почему-то убѣгаетъ въ степь всего съ девятью товарищами и становится казакомъ; Тохтамышъ, ничего не зная о прошломъ Эдыгея, уже проникается ужасомъ по случаю его бѣгства. Онъ посылаетъ въ степь за пѣвцомъ Собра, который, по тексту поэмы, долженъ находится вблизи его; потомъ пѣвецъ предупреждаетъ его не ссориться съ Эдыгеемъ, когда послѣдній уже скитается казакомъ и проч. и проч.

Это отсутствіе послѣдовательности и неправдоподобность положеній въ переводѣ г. Ходзько объясняется для меня въ высшей степени просто. У Ходзько или у его друга Али-бека-Шарапова, былъ подъ рукою одинъ изъ многихъ рукописныхъ сборни-

ковъ монгольскихъ пѣсень. Въ каждомъ изъ такихъ сборниковъ путаница невообразимая: не говоря о томъ, что пѣсни одной и той-же поэмы размѣщены безъ всякаго порядка, такъ что нерѣдко къ началу одной пѣсни прицѣпленъ конецъ другой, случается, что между пѣснями о Тохтамышѣ и Эдыгеѣ находятся пѣсни или отрывки пѣсень, живописующихъ жизнь Мамаю и нѣкоторыхъ крымскихъ хановъ. Въ каждомъ сборникѣ одно помѣщено въ текстѣ, другое на поляхъ испи-санныхъ листовъ; тамъ записано всего два три стиха, здѣсь одна фраза. Въ большей части сборниковъ масса вариантовъ на одну и ту-же тему, иногда ва-рианты до того отличаются одинъ отъ другого, что ихъ легко принять за разныя пѣсни, иногда они, напротивъ, составляютъ лишь простыя парафразы. Много въ рукописныхъ сборникахъ и бессмыслицы, которую мудрые толмачи въ силу своей профессіи, замѣняютъ собственными измышленіями.

При этихъ условіяхъ, если дѣлать переводъ не по нѣсколькимъ, а по одной рукописи, и—главное— не пользоваться устными рассказами ногайцевъ, кара-ногайцевъ или калмыковъ, то переводъ неизбежно будетъ имѣть характеръ перевода г. Ходзько.

Въ заключеніе съ искреннимъ удовольствіемъ присоединяюсь къ мнѣнію г. Гулака о необходимости послать въ калмыцкія и ногайскія степи ученаго спе-ціалиста собрать и издать сохранившійся до нашихъ дней героическій эпосъ монголовъ.

Главнѣйшія опечатки и упущенія.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
14	6 снизу	сталь	всталь
16	<i>Исправленіе примѣчанія</i>	Доказчикъ—человѣкъ, который за денежное вознагражденіе со стороны потерпѣвшаго отъ кражи, отыскиваетъ похитителя и свидѣтельствуетъ противъ него на судѣ.	
105	12 сверху	разнообразна	однообразна
160	10 сверху	Я же поѣду и т. д.	Я не близко поѣду къ нимъ — не опасайся! а только взгляну на нихъ издали.
219	2 прим.	Пираума	Пирауна
247	22 сверху	Губдене	Губдень

3 2044 020 069 241

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

WIDENER
FEB 10 6 1997
BOOK DUE
CANCELLED

WIDENER
SEP 10 2001
BOOK DUE